

Семар С-А

АШМЕДИ
СКРИЖАЛИ

БЕГСТВО С НИБИРУ

СКРИЖАЉ I

Семар Сел-Азар
Аашмеди. Скрижали.
Скрижаль 1. Бегство с Нибиру

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68905347
SelfPub; 2023*

Аннотация

Судьбы маленького человека в условиях резко меняющегося мира, с разрушением старого – затхлого и ненавистного, но привычного и понятного; кровавым рождением нового – неизвестного и пугающего. Войны царств, рождение богов.

Семар Сел-Азар Аашмеди. Скрижали. Скрижаль 1. Бегство с Нибиру

Печально слыть среди толпы,
Недобрым порожденьем темноты.
Но разве, не во тьме зачались вы?
Но разве, не из тьмы все рождены?

Аашмеди

Часть 1

На краю обитания.

Вступление.

Унук

Стоя на плоской, глинобитной ступени гробницы, представитель единой державы в южных владениях разглядывал ночной город. Отсюда он был как на ладони. Глядя на унылый вид однообразных крыш, он мысленно перенесся туда, откуда надолго был оторван. Унук, со всем изобилием и великолепием храмов и дворцов, богатств и влиятельности местных вельмож, казался несравнимым с тем совер-

шенством, которое отличало столицу Ки-ен-гир. Сейчас ему больше всего хотелось разгуливать по дворцовым просторам верховного города, пить отборнейшее питье и любезничать с вельможными красавицами, а ему приходится здесь, переносить духоту и песчаные ветры, терпеть грязных, дурно пахнущих людишек и выслушивать постоянные жалобы и доносы враждовавшей друг с другом знати. Брезгливым выражением, с которым сановник осматривал окрестности, он напоминал побежденного и изгнанного из стаи хищника, вынужденного из-за бессилия и голода питаться падалью. Азуф не выносил эту знойную, полную гнусов и комаров, пропитанную вечной старческой зловонностью землю, шумную днем и мертвецки тихую ночью. Не выносил здешние обычаи и одеяния так не похожие на привычные наряды средоточия мира. Но больше всего его раздражали, столь непривычные для кишца, нравы обитающих здесь жителей.

Вздохнув, с сожалением отойдя от размышлений, суккаль обернулся к слуге, копошащемуся у открытого отверстия и никак не решающемуся спуститься вниз в суеверном страхе перед духами. Прикрикнув на дрожащего унукца, Азуф с раздражением отогнал его, и, ухватившись жилистыми руками за веревку, заглянул в гробницу, примечая место где лежало завернутое тело; из-за опасения быть замеченными, огня не жгли, довольствуясь холодным отблеском луны. Быстро по-кошачьи, с умением водоноса, оказавшись внизу, сановник, вглядываясь в темноту, в ожидании пока глаза при-

выкнут, вспомнил, как медленно, не без его усилий, день ото дня чах молодой царевич, пока, наконец, не ушел в страну мертвых. Вспомнил, как ненарочито, как бы невзначай, пустил слух о том, что наследник будто бы был жестоко умерщвлен по приказу энси – своего родного дяди. Лицо посланника передернуло ухмылкой. Еще будучи, простым прислужником при кишском дворе, Азуф не раз представлял себя восседающим на великом престоле и отдающим приказы подданным. Да, он с его внешностью, вполне мог сойти за чудом спасшегося и нашедшегося сына прежнего владельца, и претендовать на престол по праву наследия. Азуф считал, что первые лица должны быть совершенными во всем: и умом и телом и красотой. Сам он был выше на голову и статнее всех этих изнеженных и рыхлых вельмож и царедворцев – возомнивших себя властелинами мира, не сделавших ничего выдающегося, зато только и кичащихся своим положением. Этим он напоминал прежнего владельца тогда еще общинных земель. Уж не за это ли, был отправлен государем в эту глушь? Ну, ничего, скоро и дворовая свора, учтиво улыбающаяся в лицо и злобно провожающая в спину, надоумившая на это господина, и сам лугаль, будут считать верхом чести лобызать ему ноги.

Хоть устранение взрослеющего наследника, имевшего все склонности, чтобы стать мудрым правителем и восстановить прежнюю мощь своего города, и становившегося оттого опасным, было тайным поручением самого единодержца,

но наместник решил его здесь переиграть. Он пытался подговорить градоправителя начать собирать воинство из мужей Унука, и при поддержке Нима возглавить города против Киша, но царек был непреклонен и не собирался вступать в союз со своими врагами, несмотря на то, что их объединяла общая ненависть к самовластию Киша. Личные обиды с неприязнью пересиливали в нем даже кровное родство и поклонение общим богам, что уж говорить о его союзе с давним соперником Калама; а зная о заговоре, он был опасен для заговорщиков. Тогда-то, посланник и начал отсылать в Киш тайные поклепы на него, а заодно посредством жрецов порочить и без того нелюбимого в народе старца, обвиняя в убийстве царевича. Это и привело его сейчас на уступы царской гробницы, где перепуганный смертью отрока энси, велел тайно схоронить тело.

Живой царевич не был ему нужен, при первой возможности, тот бы попытался избавиться от иноземного соглядатая, а вот мертвый сослужит хорошую службу; ведь чернь не желает верить в случайные смерти любимцев или недругов ненавистных правителей. И вот теперь, когда представят народу тело усопшего, а жрецы в благоговении объявят вчерашнего ребенка, мучеником пострадавшим от козней единоподержца, царьку придется смириться или умереть. И тогда, воодушевив и объединив войска всех городов юга, он направит эти полчища способные смести любую преграду, туда — на север, в сторону столицы Ки-ен-гир, свергнет стареющего

правителя, и сможет назвать себя лугалем – богоизбранным единодержцем, и не только средоточия мира, но и всех земель обитаемого мира. Ибо никакая сила не способна устоять перед толпой слепо верящих во что-то людей, готовых не щадить ни себя ни других, ради того, во что верят.

Глава 2 Священный молот Кукхулунна.

1. Йармути. Набег

Окруженные войска великого лугалья, не оставляли попыток вырваться из неприятности в которую попали из-за самонадеянности царя и единодержца; а зная свое явное превосходство в силе – и наказать мятежников. Военачальник северных войск лушар Шешу, был раздосадован на льстивых царедворцев, которые в угоду честолюбия лугалья, утверждали, что народ Йарима с нетерпеньем ждет, когда их земли волеются в братство средоточия мира, и с радостными объятьями встретит несокрушимые войска обитаемой земли. Да уж, ждут с нетерпеньем. Чтобы с наслаждением насадить брюхо защитников, на свои длинные копыя. Здесь даже дети, едва научившиеся ходить, смотрят на тебя как хищник на добычу. Эти домашние вояки уверяли, что будет легко покорить разрозненное племя, но на деле оказалось не все так просто. Пока он гоняется за одними, другие успевают подчистить его тылы.

– Что за разорение вы тут устроили? – Ворчал лушар Шешу, выражая недовольство подчиненными.

– Мы тут бойню устроили. – В ответе облаченного в дорогие доспехи угула – старшины колесничих Мес-Э, попустившего налет, слышалось уязвленное самолюбие. – Отбит йаримийский налет. Есть убитые... К прискорбию и воевода Хубаба.

– Убит?! Труссы, зачем вам ваше оружие, если убивают ваших саккалов?!

– Он как всегда рвался в бой впереди всех, вот и словил стрелу зубами. Луки у них хорошие.

В отличие от убитого воеводы, заслужившего свое звание годами безупречной службы, предводитель колесничих, принадлежал к богатому и влиятельному роду, и по важности и значимости был едва ли не вровень с ним.

– И как это объяснить лугалю?!

– Только безумцы могут, так опрометчиво врываться с ничтожными силами в самую гущу врага. – С презрением к дикарям прошипел колесничий, чтоб как-то оправдаться.

– И это им легко удалось.

– Я не брался предугадывать мысли дураков.

– И даже не брался предугадывать их мысли о нападении?

– Кто устоит, перед несокрушимостью войск хозяев мира?

– Однако же, они изрядно их помотали .

– Если б только, они сошлись с нами в открытом бою, как полагается, мы давно бы показали им их место.

– К нашему сожалению, в настоящих войнах никто не соблюдает правил.

Опечаленный потерей верного воеводы и старого соратника, Шешу тяжело вздохнул, вспоминая то время, когда им со старым воякой приходилось сдюживать, противостоя превосходящим силам. Но все же радуясь благополучному исходу боя, он тут же встряхнулся, чтоб не уподобиться старику, чей удел воспоминания о прошлых подвигах.

– Ладно, скажем, что воевода пал как уrsa, спасая многие жизни от тысячи дикарей. Лугаль любит такие рассказы.

– Ну, для того повод есть. Своего трупья они нам оставили, а кто-то и живьем попался. – Хвастливо подметил колесничий, видно ставя это себе в заслугу.

– Пленные, это хорошо. Не к чему будет цепляться Совету.

– Лишь один из них на что-то годен, остальные так – мусор. Ребята их допросили с пристрастием, да и повесили. Толку от них все равно не добьешься. Так что боюсь, предьявить Совету особо и нечего.

– Сюда бы, всех этих обожравшихся лизоблюдов. Глянул бы я на их свиные рыла, когда б варварские щенки, двинулись на них со своими топорами. – В сердцах выругался лущар.

– О, да. Представляю, как тряслись бы их жирные задницы, слышь они лишь их рыкающий лепет.

– Похоже дела у них не ладны, раз на такое решились – хмыкнул военачальник со злорадством. – Что ж, нам это только на руку, затяжной войны нам не выдержать, да и не

простят.... Что там у них происходит?

– Узнать немудрено. У нас есть пленный.

– Боюсь, если он даже знает, вряд ли, что-нибудь расскажет. У скудного разумом, страх перед богами сильнее страха смерти.

– Так должно быть. Без страха, нет порядка.

– Послушаем, что скажет тот, чьей доблести мы обязаны скорой победой. – Нахваливая молодого десятника отличившегося в битве, предложил Шешу, вызрев его среди сонма старших кингалей. – Как тебя звать, урса?

– Далла-Дин из Бабили. – Бодро отчеканил десятник, но увидев недоуменные взгляды, смутившись, поправился – Кадингирра.

– Что-ж Далла-Дин, может у тебя есть какие-то мысли?

– Досточтимый сагду, они приходили за тобой. Хотели уронить дух нашего войска, чтобы с легкостью расправиться с нами. – Осмелился предположить молодой десятник, пользуясь благосклонностью лушара, дозволившего присутствовать при ближнем круге.

– Все может быть. – Улыбнулся сагду искреннему благоговению юности. – Но имея такого толкового заместителя, я не сомневаюсь, даже с моей смертью разброда не будет.

Последние слова сквозили насмешкой, но Мес-Э посчитав это извинением со стороны Шешу, благородно склонился в знак примирения.

– Худо, если это лишь передняя разведка их полчищ. Ты

ведь, из полка Хумбабы?

– Да, сагду.

– Лазутчики, не объявлялись?

– Нет. Боюсь они нарвались на этот летучий отряд.

– Что ж, будем пытаться пленного об этом. Может что-нибудь расскажет. Кто сейчас заправляет вместо Хумбабы? – спросил военачальник, повернувшись к порученцу.

– Его правая рука Булуг-У-Сакар. – Ответил тот.

– А кто за него?

– Пока он никого не предлагал.

– Сдай десяток, кому посчитаешь достойным, Далла-Дин. Назначаю тебя кингалем шестидесяти. С таким именем, сама судьба должна благоволить тебе. – Возгласил свое решение лушар. – Надо усилить охрану и вообще проследить за порядком в войске, а то, что-то наши воины совсем расхлябаны. Не будем больше искать пути к отступлению.

Когда ввели пленника, Шешу рассмотрел его ближе, с презрением отметив совершенно варварский вид вонючего кочевника, с его остроконечным клобуком – из-под которого выбивались засаленные песочные космы, и в обуви с нелепо вздернутыми носками. Свирепо сверкая помутневшими глазами, он громко пыхтел от боли позорного пленения.

– Как звать тебя йаримиец? – Спросил Шешу через толмача.

Но Йаримиец лишь дико раздул ноздри и, насупив густые

брови, потупил взор, мысленно готовясь к изоощренным пыткам.

– Не бойся, пытать тебя не будут. Но думаю, что назвав нам свое имя, ты не нарушишь своего долга перед соплеменниками и вашими богами.

Йаримиец опустив голову, продолжал хранить молчание.

– Знаешь, что тебе скажу – продолжил военачальник. – Пока никто из твоих не знает, что какому-то воину не удалось уйти или погибнуть с честью. Но слухи быстро разносятся. А угадать кто это, думаю, им будет не трудно. Мы же сделаем так, что все твои, будут считать тебя трусом и предателем.

Я вижу йаримиец, ты великий воин, и посему предлагаю сделку. – Не давая опомниться, перешел в наступление лущар. – Мы тебе дадим корчагу лучшего эшдина и суму набитую серебром и золотом. И ты уйдешь незамеченным. И все твои, будут думать, что это ты с набега вернулся с богатой добычей. Ты станешь богатым и имя твое не будет посрамлено, но слава только возрастет.

– Вождь хочет уйти, не потеряв лица? – Нарушив свое молчание, спросил пленник на эме-ги. – Я помогу пришельцам, если вождь говорит правду.

Шешу с удовлетворением расправил плечи:

– Я рад, что мы понимаем друг друга. Я помогу тебе, ты поможешь мне. Но, мне надо не просто уйти, мне нужна победа, пусть маленькая, но победа. Поэтому, ты не просто нас

выведешь, но поможешь добыть эту победу. А за это, я тебе дам столько богатства, сколько ты не видел во всей своей жизни. И ты не будешь больше довольствоваться пожитками с чужого стола, а сам станешь господином.

Подумав, йаримиец ответил:

– Что ж, я знаю, как это сделать. На болотистых берегах Бурануну, откуда быстрее всего можно доскакать до быстротечного Аранзаха, который вы – роящиеся в земле, называете Идигной. Там где сливаются реки и сходятся ручьи, раскинуло свои кочевья одно из племен, приставших к нам в давние годы. Они хотя и вступили в союз с нами, но не подчиняются совету племен Йарима; они не познали истины первого бога, но поклоняются древним духам. – Его лицо отражало общее негодование йаримийцев, смешанное с врожденным чувством превосходства. – Они не похожи ни нравами, ни обычаями, ни на одно йаримийское племя, и не все из них светлы телом и ясны глазами. Я укажу где ваше войско сможет пройти незаметными тропами к их поселениям, и ты сможешь насладиться победой. Это дикие полукровки управляемые колдунами, и если будут разбиты, никто не будет их оплакивать и мстить за них; никто не захочет сложить за них свои головы, а вы, спокойно уйдете.

– И ты думаешь, мы так легко тебе поверим?! – Рассвирепел колесничий.

– Хочешь верь, хочешь не верь, а мне больше сказать нечего. – Спокойно отвечал йаримиец.

– Знаем мы ваши шутки! Хочешь устроить нам ловушку?! – Набросился колесничий на пленника с кулаками. Лишь окрик старшего, его немного охладил и заставил отойти.

Обеспокоенный тем, что пленник снова вздумает замкнуться, метнув по колесничему недовольным взглядом, военачальник попытался убедить йаримийца в своем дружелюбии:

– Не сердись на моего помощника, он бывает, несдержан, когда дает волю своему воображению. Но, я могу его понять. Ведь подумай сам, легко ли поверить тому, кто вдруг решил заговорить, не испытав мук дыбы и огня? Чтобы тебе поверить, нам нужно нечто большее, чем просто слова.

– Что я могу вам предъявить? У меня ничего кроме слов нет.

– Верно, слово не товар, не потрогаешь. Но ведь ты мудрый человек, – лстиво подметил лушар, – ты должен знать, что и слово как и товар имеет свою цену. Одно – пустые сплетни, не стоящие ничего кроме срама и виселицы; другое – подтвержденные яви, которые могут освободить и обогатить.

– Я понял тебя князь. Что ж, слушай же и решай сам, верить мне или нет. Ваш соглядатай хорошо изучил наш язык и обычаи. Он хорошо осведомлен о наших делах, а значит, должен был слышать про узы, долженствовавшие посредством брака вождя кукхулунцев с одной из многочисленных

дочерей нашего царя, еще крепче скрепить, заключенный много поколений назад, наш с кукхулунцами союз. – Начал йаримиец. – Знает он, наверно и про то, что говорят у нас о печальной судьбе царевны. Как после шумной и веселой свадьбы, после сладких ночей и обещаний вечной любви, молодая жена отправилась на задворки где и сгинула в расцвете лет.

Переводчик утвердительно кивнул, на словах же добавил, что царь йаримийцев прославлен далеко за пределами своей страны многоженством, неумной похотью и бесчисленными наложницами.

– Что на это скажешь, йаримиец? – Шешу прищурился, ожидая, как будет выкручиваться пленник.

Но тот нисколько не смутившись, признавая подобный грешок за господином, оправдывал это тем, что все его жены пользуются должным почетом и находятся в благополучии, а наложницы обеспечены всем необходимым.

– Это печальное сказание. Но разве оно важно? Это привело к вражде между вами?

– Нет. Наш царь слишком чтит обычаи предков и заключенные союзы.

– Так что ты, нам тут его рассказываешь?

– Я назову свое имя, и ваш толмач сразу поймет почему.

– Ты назовешь имя? Тебя так долго пытали, чтоб ты его назвал, и теперь ты готов назвать его? – Недоверчиво спросил Мес-Э.

– Странно было бы, если б взявшись помочь, он отказался бы назвать нам его. – Пристыдил подозрительного подчиненного лушар. – Пусть назовет, а мы сделаем выводы.

Когда все услышали имя и переводчик подтвердил, что названному есть за что ненавидеть кукхулунцев, лушар выразил общее сомнение:

– Я сказал, что странно было бы, если взявшись помочь, ты не назвал бы нам своего имени. Только, твое ли это имя? Не задумал ли ты провести нас? Воин, которого, ты назвал, славен не только среди йаримийцев. Это лютей наш враг, принесший нам много урона. С какой стати нам верить, что ты не называешь нам его, зная, что нашему толмачу кое-что известно о его ненависти к детям Кукхулунна?

– Ты сказал, что мое имя славно у вас, а значит есть и воины видевшие меня. Вели их найти в своем войске и привести сюда. И пусть они взглянут на меня и подтвердят, что знают меня как Артхишастру.

– Пока никто из видевших тебя наших воинов, не признали в тебе Артхишастру.

– Значит эти воины, не воины, а трусы прячущиеся за спинами храбрецов.

– Ну, хорошо, мы найдем храбрецов. – Сдержав гнев колесничего, согласился лушар.

Наконец, когда не один воин признал в важном пленнике известного йаримийца, Шешу смог вздохнуть с облегчением, приказав готовиться к походу на Кукхулунн.

Заметив это, пленник предупредил расслабившегося военачальника:

– Не думай, что с ними будет легко справиться. Дети Кукхулунна – племя воинственное и свирепое. Твоим воинам придется попотеть кровью, чтоб пройти сквозь их поселения.

– Ну, это наше дело. Твое же, держать свое слово и вести нас к победе. Закрепим же наше соглашение, чашами доброго урийского эштина. – Сказал повеселевший военачальник, разливая из кувшина веселящее питье.

2. Разгром

Передовой отряд из двенадцать десятков, под предводительством коренастого нубанды, быстро и неслышно двигался вдоль реки, пардучьим шагом. Взяв с собой только два отряда, Булуг-У-Сакар рассчитывал сам застать кукхулунцев врасплох, зная преимущество йаримийцев в дальнем бою. Оружие ловчих, недостойно настоящих воинов, и используется только слабыми и трусливыми людьми, неспособными сражаться лицом к лицу с врагом. Они ударят внезапно, и кукхулунцы не успеют применить свои луки и вонзить смертоносные жала в непобедимых воинов средоточия мира. Длинные и крепкие щиты и плащи, ушитые бляшками, хорошо прикрывают человека до низа, но с ними не угнаться за убегающим врагом; а с внезапностью можно быстро овладеть их поселениями, без лишнего урона для державного войска и с сохранностью добычи для воинов. На совете, после дол-

гих споров, было принято его предложение: ударить малыми силами в самую сердцевину. Он был уверен, что подчинить единоподержцу дикое племя, небольшим и потому незаметным отрядом будет нетрудно, стоит только схватить за горло его руководителей и завладеть капищем с их святынями. Были, конечно, несогласные с ним. Особенно возмутительно вел себя новый шестидесятник, который своими сомнениями в слабости противника, внес сумятицу в голову сагду, и пришлось ему оправдываться перед военачальником и советом, доказывая обратное; а чтобы ни у кого не возникало сомнений, сам взялся возглавить это предприятие. Ох уж этот выскочка Далла-Дин, не покровительствуй ему лушар лично, не сносить бы ему головы. Как только он вернется, он поставит об этом вопрос и добьется своего. Если же лушар, снова станет за него заступаться, то он как победитель варваров, доберется до самого государя, и тогда встанет вопрос о самом лушаре, и тому придется самому искать себе защиту.

Наконец лазутчики доложили, о том, что впереди показались дымы кострищ. Это было небольшое поселение. Битва была недолгой и дружина с легкостью расправилась с его немногочисленными защитниками. Собрав все, что было ценного в поселении, воины обитаемой земли поступили с побежденными, как положено победителям: живых заставили хоронить мертвых. Распределив добычу между воинами – воодушевленный легкой победой – шестисотенный не стал дожидаться основных сил, приказав двигаться дальше,

чтоб достойные получили достойную награду. Дружина, нагруженная захваченным скарбом, и невольно замедлившая ход из-за ведомого полона, теряла преимущество внезапности. Сознавая это, он повел воинов, двинувшихся быстрым шагом налегке, оставив десяток надежных мужей сопроводить обозы и захваченное. По словам проводника, впереди их ждало еще одно поселение, а за ним святилище главного бога кукхулунцев, захватив которое, можно обогатиться его сокровищами и предъявлять условия.

Когда основной отряд отделился, звуки, издаваемые скрипками повозок и криками волов, остались позади, пока вскоре совсем не перестали быть слышимыми. Опьяненные быстрой победой и в предвкушении новой, воины повеселели, шаг их стал легким, а в душах поселилась надежда на скорое возвращение домой с хорошей добычей. Булуг-У-Сакар, все же обеспокоенный тем, что обоз отстал, стал поглядывать назад. Наконец, вдали показалась повозка с возничим. Успокоившийся кингаль, уже хотел перейти во главу отряда, как с беспокойством заметил, что колесница движется слишком быстро для повозки запряженной волами. Присмотревшись, он с ужасом понял, что это не повозки, запряженные выючными, а колесницы йаримийцев.

– В круг!! В круг!! – Истошным криком завопил он, надеясь собрать вокруг себя воинов и избежать разброда. Но было слишком поздно.

Еще издали поражая своими дальнобойными луками,

кукхулунцы на своих колесницах, налетели на расстроенные неожиданностью ряды дружины со скоростью ветра, топча их лошадьми и давя большими колесами своих повозок. Люди, подумывавшие уже о возвращении и не готовые к кровавым битвам, заметались, не зная как быть, и в страхе перед внезапно появившейся опасностью не слушали уже приказов старшин. С колесниц поражая стрелами и дротиками, дети Кукхулунна безжалостно истребляли потерявших волю к сопротивлению людей. Соскочившие с колесниц воины, вооруженные секирами, копьями и молотами, с диким воплем ринулись на потерявших надежду, но пытающихся еще сопротивляться дружинников.

«Кукху-ллуун»!! «Кукху-ллуун»!! – Разносилось по полю, имя варварского бога, это йаримийцы радостным кличем воодушевляли себя к битве. И пришлось державникам, расплачиваться за недавнюю победу своей кровью. Впереди, с неистовым криком, молодой раскрашенный воин, размахивал широким лезвием направо и налево, становясь еще более красным от разбрызгивающейся крови; а здесь, громадного роста кукхулунец, дробил кости тяжелой дубиной, разбивая щиты, за которыми пытались укрыться отступающие; там двое, с ожесточением добивали мощного дружинника, не давая последнему опомниться от молниеносных ударов; кто-то подпирал впередиидущих сзади, чтобы только вступить, в бой, а кто-то уже срубал головы поверженным врагам, чтоб перенимать их силу; с колесниц, израсходовав уже стре-

лы и дротики, дикари, пролетая мимо, рубили убегающих и мозжили им головы. Все вертелось перед глазами шестисотенного от пролетающих дикарей и метаний растерянных и перепуганных властителей мира. Булуг-У-Сакар беспомощно орал на подчиненных, тщетно пытаясь, навести хоть какой-то порядок в расстроенных рядах, но никто его не слышал или не хотел слышать, думая, прежде всего о своем спасении, и от этого еще больше подставляясь под смертоносные удары нападавших. Так кукхулунцы сокращали число незваных пришельцев, уничтожением отваживая их от дальнейших попыток вторгаться в свои пределы.

Все же на некоторое время, шестисотенному удалось сплотить вокруг себя лучших воинов, и уже казалось, что отойдя к реке, можно будет спастись с частью дружины. Воины побывавшие не в одной битве, медленно отступали, прикрываясь большими щитами от стрел и дротиков, и с успехом отбивали нападения пеших кукхулунцев копьями, мечами и секирами. И вот потеряв несколько человек, кукхулунцы ослабили свой натиск, а их колесницы не могли подступиться ближе к обрывистым берегам. Нубанда уже вздохнул с облегчением, как разнесся громовой глас.

Кингаль вздрогнул. На высокой колеснице, запряженной двумя черными, с отливом жеребцами, выезжал человек в черном длиннополом опашне. Черные распущенные волосы развевались на ветру, придавая его виду, что-то чуждое. Зловещая колесница, была обсажена завялившимися человечьи-

ми головами, среди которых са-каль с ужасом узнал, головы своих боевых товарищей оставленных с обозом, еще свежих и потому выделявшихся среди прочих – застывшим ужасом на бледнеющих ликах. Пронизывающим взором, колесничий метал искры гнева с йаримийцев на чужеземцев. Казалось, его ядовитые жала, видят насквозь и прожгут всех кто встанет на его пути. Подняв высоко над головой молот, он прокричал, что-то на своем диком наречии, и было понятно, что в его руках не просто оружие. Кукхулунцы радостно заулюлюкали, и с прежним остервенением ринулись добивать остатки отборной дружины. Колесничий же, без колебаний, словно его колесница умела ходить по воде и летать по воздуху, направил ее прямо на Булуг-У-Сакара. Свирепый взгляд и летящий молот, вот все, что видел в последний миг жизни нубанда – державный кингаль шести сотен.

3. Война и мир

Войско, шедшее по следам отряда, добралось до места битвы только к утру. Увидев пепелище деревни, и не найдя там боевой дружины, лушар был в ярости от того, что шестисотенный и ведомая им дружина, не стали дожидаться остальных, чтоб действовать сообща, возможно этим желая лишить его, не только положенных почета и славы, но и должности. Но вскоре, от увиденного поля битвы, ярость сменилась скорбью по погибшим, жалостью к ним, и ужасом и негодованием от жестокой расправы над ними йаримийцев. Воины обитаемых земель и сами не гнушались жестоко-

сти в войнах с врагами, но оправдывали это справедливым возмездием, а варварская кровожадность, казалась им бессмысленной и беспощадной.

Поле после сражения, было тщательно прибрано победителями, оружия не было, а сброшенные в кучу трупы дружинников, медленно истлевали без голов.

Подозвав к себе проводника, Шещу хотел сорвать на нем злость, но йаримиец опередил:

– Я предупреждал великого вождя, кукхулунцы свирепы, с наскока их не победить. Твой полковник сам виноват, да простит его неуспокоенная душа мои слова, когда, не послушав своего господина, он с малыми силами проник глубоко в пределы Кукхулунна.

– Твоя правда – вынужден был согласиться лушар, – я надеюсь, он сполна получит в чертогах Эрешкигаль за свое губительное честолюбие. Но как с тремя лимами, подступиться к ним незаметно? Они ведь не будут ждать.

Не ожидая ответа на вопрос, военачальник, подстегнув вожжи, проехал дальше, оценивая возможности противника. Если бы только знать, что поддерживает их боевой дух? Темные люди, бывают безгранично преданы своей вере, но их легко сломить или отвратить от нее, если отобрать у них то, чему они поклоняются, и если нужно, можно заменить их веру другой. На его памяти, такое случалось не раз. Когда он участвовал в покорении городов и земель для его государя, многие из тех, кто упорствовал в почитании своих богов, со

временем, стали столь же рьяными поборниками единовластия бога Ана. И это, не были лицемерные сановники, готовые за личное благополучие продать родную мать, эти люди свято верили в правоту своей новой веры. И если раньше, они били людей за недостаточное восхваление прежних богов, то теперь столь же ревностно заставляли ставить их ниже самодержжного бога, а то и вовсе отказываться. Больше всего Шешу было жаль простых людей, вынужденных подстраиваться из-за чьей-то глупости.

Подъехав к новоиспеченному шестидесятнику, придерживая вожжи, сказал:

– Ты был прав. Собери остатки своего полка, назначаю тебя нубандой вместо Булуг-У-Сакара. Тебе и впрямь сопутствует, звезда удачи сиятельной Инанны.

И поехал дальше. Назначение произошло, кто надо видел, кто должен записал. Наконец сообщили о выжившем дружиннике.

Нельзя было сказать, что воину, брошенному умирать медленной смертью, посчастливилось выжить. Кукхулунцы давали понять, что ждет их всех, если они не отступят. Но выдавший виды военачальник, не страдал излишней чувствительностью и не выносил ненужной жалости. Сейчас он благодарил варварскую самонадеянность за то, что оставили свидетеля, которого можно допросить. Старый врачеватель сделал все возможное, чтобы продлить жизнь и сознание страдальца и Шешу приступил к допросу. Он спрашивал

о том, сколько у кукхулунцев воинов, сколько примерно колесниц, узнал об их вооружении, но главное теперь он знал, что ими движет. Несчастный в предсмертном ужасе рассказывал о черном колдуне, разъезжающем на страшной колеснице с человеческими головами, о том, какую власть он имеет над соплеменниками, и о священном молоте, которым сгоняет их на бой. А под конец поведал о печальной судьбе плененных дружинников, принесенных в жертву перед этой варварской святыней. Лушар оставил его с абгалом, чтобы облегчить страдания ухода, а сам распорядился созвать совет.

Шел десятый день бессмысленной гонки. Кукхулунцы, будто дразнили, подъезжая на своих колесницах: расстреливали стрелы и снова растворялись в пыли. Или, наоборот, внезапно нападали из своих засад, на ничего не подозревающего врага, устрашающе крича своего бога и, нанеся ощутимый урон, успевали скрыться. Несмотря ни на что, Шешу приказал двигаться вперед указуемыми проводником тропами, рассчитывая уничтожением угодий и поселений вместе с людьми, заставить кукхулунцев сдаться на милость. Но вопреки ожиданию, те, теряя поселение за поселением, тем не менее, своими набегами не давали продвигаться кишцам вглубь страны, с каждым разрушенным поселением лишь еще больше обозлялись и сопротивлялись все ожесточеннее. Движение замедлялось, также из-за того, что державные колесницы с воинами, постоянно попадали в умело расстав-

ленные ловушки, которые невозможно было предугадать. Но самой большой дерзостью, было то, что дикари каким-то образом, умудрялись угадывать нахождение обозов с припасами и разграблять их. Все попытки как-то уберечь и перепрятать его, не приносили никаких плодов, дошло до того, что пришлось сократить довольствие из зерна и плодов ишимар не только здоровым воинам, но и раненым и больным. Волновало и то, что становилось все больше раненных и уже не хватало вьючных, итак достаточно поредевших, чтоб перевозить их. Лушар приказал лучше охранять проводника, подозревая последнего в сношениях с противником. Но прижимаясь к своим стражам, казалось тот сам напуган до смерти, и уже жалеет о том, что согласился помогать пришельцам, твердя о ворожбьей мести. Военачальник досадовал уже и на себя, за то, что послушал йаримийца, который из всех племен выдал им самое непреклонное, будто надеясь чужими руками избавиться от неудобного соседа, и ослабить пришельцев, которые будут неспособны больше грозить его стороне, и тем освободить Йарим сразу от двух напастей. Положение войска становилось плачевным: разразился голод, а вслед за ним, незаметно подступили к ослабленным и измотанным людям болезни, обычно сопровождающие затяжные войны; вши и понос стали обыденным явлением. Охота и рыбная ловля, с помощью которой пытались покончить с нехваткой еды, давали достаточно, чтобы избежать голодной смерти, но недостаточно, чтоб воевать. Измученный от

усталости азу абгал, носился со своими помощниками среди больных и раненных: смазывал их раны, опаивал их снадобьями и растирал мазями.

Под растянутым от солнца шатром, несмотря на то, что полог был предусмотрительно поднят, от скопления народа было не продохнуть. Лушар, пять нубанд пешцев, угула колесничих и некоторые из младших кингалей, решали дальнейшие действия. Иного выхода, как пойти навстречу кукхулунцам уже не было. Был выбран единственный из возможных способов, при войне с неразумными дикарями. С предложением, о встрече вождей воюющих сторон, для ведения мирных переговоров и обсуждения беспрепятственного ухода войск, к кукхулунцам решено было отправить посыльного. Для большей убедительности, в виде посыльного, Шешу предложил йаримийца, как представителя союзного детям Кукхулунна племени к которому они прислушаются.

Йаримиец, с довольным видом, примеривался к сайским нарядам. В новых одеждах он выглядел представительно, хотя, подпоясався и набросил плащ на плечи по степным обычаям. Вымытые и умасленные волосы, расчесав гребнем, он оставил распущенными. В сопровождение, ему было предоставлено два надежных воина, знающих язык варваров – приставленных скорее для присмотра, чем для защиты, и выделена колесница с возничим. Гадать себя мыслью, куда от-

сылать посольство не стали, хоть проводник и знал лишь, в какой стороне находится их главное поселение. Шешу рассчитывал, что повозку с ветвями мира в сопровождении всего двух воинов, расстреливать не будут, а постараются захватить в целости вместе с людьми. После того, как посольство было отправлено, он снова велел созвать совет.

Через день, посольство вернулось с удовлетворительным ответом. Кукхулунцы назначили встречу переговорщиков в сопровождении стражей с обеих сторон, и со своими святынями, для скрепления слов священной клятвой. Подтверждать исполнения всех условий, уполномочивался йаримиец. Местом проведения переговоров, кукхулунцы, чтоб не отдаляться от войска, предложили поле недавней битвы. В большей мере, дабы не заводить чужеземцев вглубь своей страны, нежели подчеркнуть, кто здесь ставит условия. Военачальник кишцев не стал возражать; заходить дальше опасно, а временное унижение оплачивается будущими победами.

Лушар и старшие кингали, с десятком бойцов ждали прихода кукхулунцев. Прибыв пораньше, они надеялись подготовиться к встрече, чтобы не упустить ничего, что могло бы как-то воспрепятствовать переговорам. Наконец прибыли и кукхулунцы.

Вот Шешу и увидел того, кто как злобный удугу сопровождал ему все это время и творил свои злодеяния. Подъез-

жая на колеснице, запряженной белыми жеребцами, вождь кукхулунцев и сам был одет в длинное белое платье, подчеркивая этим чистые и мирные намерения и скорбь по погибшим – как объяснил йаримиец знакомый с их обычаями. Черные волосы были распущены, а открытый взгляд болотных глаз выражал приветливую доброжелательность. Лушар не мог поверить, что еще вчера от него, у врагов кровь стыла в жилах, а его волей без жалости уничтожено столько храбрых воинов. Придержав коней, жрец сошел с колесницы, оставив ее под присмотр своим послушникам. К месту переговоров он подходил один, и в знак приветствия кишского военачальника, слегка кивнул головой. Шешу также приказал сопровождавшим его щитоносцам, пока оставить его и не подходить без надобности, то же велел переводчику. Пленник говорил, что вождь этих дикарей, может без труда изъясняться на языках сопредельных стран и народов. Несмотря на миролюбивый вид, колдун держался с горделивым достоинством. Простотой белого одеяния, лишённого украшений и всяких признаков сана, он скорее грядущего богомольца, нежели верховного жреца свирепого племени.

Прежде всего, кишец поспешил выразить восхищение храбрости и стойкости йаримийского войска, на что получил ответ, что дети Кукхулунна хоть и входят в союз Йармути и одного корня с его племенами, но все решения принимают и действуют согласно обычаям своего племени и в войнах не подчиняются вождям союза. Когда Шешу предложил

для более доверительной беседы, выпить немного сладкого эштина, гость сославшись на запрет его веры, отказался и предложил немедля приступить к переговорам. Лушар оценив предусмотрительность варварского жреца и сам не терпевший долгих вступлений, смочив губы в напитке, начал:

– Нечаянная война, затянувшаяся между нами, не приносит плодов ни войскам великого Единодержия, ни народу детей Кукхулунна, но одни лишь горечи и лишения. Сколько вдов и сирот оставила она после себя. Не считает ли великий жрец, что пора покончить с бессмысленной бойней с обеих сторон, и завязать дружеские отношения. Торговля между нами, принесет больше пользы и только обоюдную выгоду. Каламу нужны быстрые кони и легкие колесницы; у нас же вы можете найти всякого столько, сколько не видело ваше племя за весь век существования, не только в вашу жизнь, но и в века ваших отцов. Нигде больше вы не увидите столько тонких и приятных на ощупь, переливающихся словно струи вод тканей, изделий из золота и драгоценных камней, благоуханных смол и благовоний, а прекрасные напитки, позволят вам довольствоваться в радости и веселии. Все это вы можете иметь у себя всегда и вдоволь, если только встанете под длань славного и великого царства черноголовых. Наконец, до слуха божественного помазанника неба и великого единодержца средоточия мира, лугаля Киша Ур-Забабы, доходят печальные известия о столкновениях Йармути с не имеющим чести соседом – народом страны Пурусхи, а доб-

лестное племя Кукхулунна подвергается набегам горных дикарей. Грозная же сила Единодержия, никогда не отказывает в помощи своим друзьям.

– И я, как главный воевода всего его воинства, уполномочен говорить от его имени, заключать соглашения о мире и войне. – Слукавил военачальник под конец .

Заслушав речь пришельца, колдун в знак уважения скрестил на груди ладони и склонив голову, заверил:

– Наше племя, не сомневается в величии единодержного владыки, но мы привыкли жить по законам своих предков, завещанных потомкам, не ходить ни под кем кроме нашего бога и прародителя Кукхулунна.

– Но, разве не един бог – властвующий над этим миром, и не пристало ли нам в нем живущим, чтить его выше других? Не по единому ли закону, предписанному свыше, должны мы жить? – В праведном негодовании спросил кишец. – Разве не прав наш единодержец, желая собрать земли под единое начало, под предписанные законы единого бога? И не должны ли его решения, согласуемые пожеланием богов, дозветь нас?

– Я рад, что пришелец крепок в вере, значит принесенные клятвы будут искренними, а взоры бога которым он поклянется, будут сдерживать и не позволят нарушить данного слова. Заключим же мир на веки веков, и пусть настигнет кара нарушившего его. Пусть падут великие беды на тот народ, чьим именем клятвопреступник клялся.

Колдун дал знак послушникам, и они бережно поднесли предмет их поклонения. Приняв святыню, колдун обратился к лушару:

– Этот молот принадлежит нашему великому прародителю, вышнему воину и охотнику, творцу наших судеб – славному Кукхулунну, вознесшемуся много колен назад. Он ушел, но всегда следит за своими детьми и подсказывает, когда взоры наши смутны и умы наполняют сомнением.

– И что он подсказывает вам сейчас? – Спросил, насторожившись Шешу.

– Он сказал нам, что мы должны поверить тебе и скрепить клятвами свои намерения. Большие перемены грядут для мира с этим, и все это угодно создателю, а стало быть и детям его. Да свершится великое предназначение, возложенное на наш народ.

Шешу, растрогавшись речью жреца, также подозвал к себе воинов, сопровождавших повозку со святыней. Колдун не стал удостоверяться в том, что в ней, не сомневаясь в том, что оно почитается пришельцами.

Пока сошлись на том, что туземцы без препятствий пропускают войска пришельцев через свои земли, не нападая и не подстраивая засады и ловушки. Кишцы в свою очередь, обязались уйти мирно, не претендуя на их земли и богатства, и уплатить в обмен на тела и головы убитых, а также в знак дружбы и добрых намерений, по два серебряника каждому знатному владельцу колесницы Кукхулунна, и по одно-

му простым воинам. Договорившись об условиях мира, каждый стоя перед своими святынями, клялся своими богами.

Перед своей святыней, от имени великого единодержца и его народа, поклялись лушар и старшие кингали, как предводители его воинства. Все обряды по обычаю, в походе возглагались на жрецов и его предводителя, но мало знакомый со всеми таинствами священнодействия лушар, полностью положился в этом на божьих людей сопровождавших войско в походе и старшего колесничего, имевшего на то благословление жрецов Забабы, Энлиля и Ана. Вознося руки к небу, повторяли слова, произносимые в таких случаях, в которых клялись именем бога Ана – отца, в руках которого жизнь вселенной, и призывали гнев божий на свою голову и на свою страну, если нарушат данное слово. И если нарушат, то пусть великий владыка небес Ан – милосердный и милостивый отец богов, отвратит от них свое сияние и проклянет судьбу их; Пусть единодержный Энлиль сын его, определяющий судьбу их страны, чьи веления неотменяемы, вознесший великое царство, так же его и сбросит, раздув неподавляемый пожар восстаний и губительной смуты, определив в судьбу, краткие дни, беспросветную тьму, внезапную смерть. Пусть он повелит своими почтенными устами погибель, рассеяние людей, порабощение царства. Пусть непреложным речением своих уст проклянет их громкими проклятиями, и пусть они, настигнут нарушителей клятвы. Пусть Забаба сын его – ве-

ликий витязь, первородный сын Экура покинет их, пусть он разобьет их оружие, а день превратит в ночь, поставив над ними врага их. Пусть Нинлиль, великая мать, владычица, – сделает их дело скверным перед Энлилем в месте суда и решений, и вложит в его уста опустошение их страны, уничтожение народа, излияние их души подобно воде.

Варварский вождь-жрец и старейшины, встав на колени перед молотом, произносили вслух слова своей. Перед Кукхулунном великим отцом и богом своим, вездесущим и всеведущим странником, обитающим как на земле, так и на небе; праотцами и пращурами, души коих всегда обретаются с потомками. Клялись, от имени рода и отцов и дедов, обещали не рушить данного слова и согласия, заключенного от их имени в день общей скорби. В том клялись, на священном молоте своего бога и прародителя Кукхулунна. Верховный жрец, кидался страшными проклятиями на головы клятвопреступников, а жрецы вторили:

– Разверзнется земля пусть, под ногами нарушивших клятву, да получат жестокую кару. Пусть их племя развеет по миру, распыляя как прах на ветру.

– Да свершится!

– Их стада разбредутся по горам и долинам, табуны разбегутся по лесам и пустыням.

– Да свершится!

– Их оружие, самих их сечет пусть и мозжит им головы, в их руках же крушится и щепится.

– Да свершится!

– Предадут пусть потомки, отрекутся навеки от обычаев их, если сами они предадут память предков преступлением клятв, и покоя их души, не найдут после смерти.

– Да свершится!

Крепость своих слов, варвары закрепили кровью священного быка, подведенного послушниками и тут же принесенного в жертву. Напоследок, жрец наложил заклятие на данные слова, поднимая к небу чашу с кровавым напитком, окуная в него кропило из конского волоса и окропляя землю под ногами клянувшихся:

– Пусть падет гнев божий, на головы тех, кто срамит имя отцов и оскорбляет богов ложными клятвами.

– Да свершится!

Йаримиец подтвердил, правильность и соответствие совершенных клятв и обрядов обеих сторон, обычаям народов.

После этого, жрец захотел переговорить с Шешу наедине, чтобы обсудить возможность дальнейших переговоров с Ки-Саи.

– Мы согласны, что дружеские отношения лучше войн и важны нашим народам, – отвечал колдун, на доводы кишца, когда они продолжили разговор, вернувшись в шатер – согласны на союз с вами, но для этого не обязательно детям Кукхулунна, подпадать под руку великого единодержца. Полководец Ур-Забабы, говорил о взаимных выгодах торговли между нами, и мы готовы торговать с вами. Будем помо-

гать в войнах друг другу, если вдруг случится, что какой-нибудь враг нападет на кого-то из нас. Но и для того не обязательно, чтобы кто-то подпадал под длань другого, меняя свои верования и обычаи.

– Никто не собирается заставлять вас менять свою веру и обычаи – хитрил лушар – вы просто признаете бога Ана, верховным над всеми богами и миром, и молитесь своему богу. Признаете единодержца помазанника неба Ур-Забабу главенствующим над всеми землями и людьми, и живите, как жили. Вы будете под его вечной защитой, а благ от этого вам лишь прибавится.

– Ты хорошо говоришь досточтимый лушар Шешу, однако ребенку известно, что ничто не дается даром. Ужели Великий держатель мира, будет довольствоваться одним чиновничеством его и бога его? Ты забыл сказать, что народы подвластные ему, расплачиваются за это покровительство, постоянными выплатами и своей свободой, принимая у себя его наместников. Зачем это? Живем же мы вместе с йаримийцами в мире и согласии, хотя никто не над кем не властвует.

– Я думаю, это очень милостиво с его стороны, учитывая, сколько его храбрых воинов полегло в ваших землях. – Разгорячившись от выпитого, возмутился лушар, вспомнив разгромленные отряды. – Сколько жен и детей наших, остались без своих кормильцев, став вдовами и сиротами.

Эти слова заделали его собеседника, и только что ласковые

очи, из-под сдвинутых бровей загорелись грозовым огнем.

– Вождь войск единоподержца, забыл видимо, кто пришел с войной на чужую землю! – Вспыхнув, свергнул он словами. Но вовремя одумавшись, тут же остыл и став вновь приветливым и благожелательным, начал вещать, поминая о причиненных обидах пришельцев. – По вашим воинам есть, кому скорбеть. Кто будет скорбеть, о наших? Чьи жены и дети, не заплачут уже по ним и не помолятся об их успокоении, и не потому, что бессердечны, но оттого, что сами лежат убиты и сердца их не бьются больше. Говоря о вдовах и сиротах Ки-Саи, вождь не вспоминает о том, сколько зла принесли мужья и отцы их, сколько ими было сделано насилия народу и племени нашему.

Колдун говорил, о том, как трудно будет им восстановить порушенное этой войной, о том, как кукхулунцы настроены к миру и не хотят больше проливать крови, о необходимости их народов жить в добрососедстве.

Он говорил тихо и ласково, что у Шешу захмелевшего от паров эштина и удобно расположившегося в кресле, начали смыкаться веки и слова собеседника, не вызывали уже раздражения. Ему казалось справедливым теперь, что за беды, причиненные его воинами, Ки-Саи должно само возместить кукхулунцам ущерб.

– Если ваш царь, послушает нас и пойдет на союз равноправный с нами, то дети Кукхулунна будут только рады иметь столь сильного союзника, и подскажут другим племе-

нам Йарима, вступит в наш союз. — Увещевал жрец, незаметно проникнув в тревожные думы пришельца. Он успокаивал его, проникая своими речами все глубже и глубже, будто зная о сокровенном. О том, что все переменится и его больная дочь, вскоре перестанет страдать и жена не будет больше плакать, и пусть не терзают его больше думы, что когда-то остался жив, ибо теперь он одним решением, одним действием, в состоянии изменить судьбы людей. Невольно глаза Шешу заполонили слезы, он вспомнил, как однажды, вопреки недовольству супруги, взял с собой в поле свою маленькую дочь, поддавшись ее бесконечным уговорам. И как она, простыв под холодными порывами осеннего ветра, охваченная злыми димами, чуть не ушла с ними в призрачный край Кур. После чего не вставала уже больше. Все старания лекарей, ни к чему не приводили. Оставалось только молиться и надеяться на милость богов. Но он благодарил их и за то, что они оставили ее ему в утешение, хотя бы и так. И вот он слышит, что все может повернуться в лучшую сторону. Видением явилось ему, как его выздоровевшая дочь радостно бежит к нему, а жена, чьей улыбки он не видел уже так давно, весело смеется и глаза как прежде светятся счастьем. Вспомнил, как когда-то из сотен братьев по оружию, он был одним из оставшихся в живых вынужденных перейти на сторону победителя, чему он с тех пор всегда пытается найти оправдание. Но чувство вины внутри, все равно не отпускает и не дает покоя. Жрец говорил и Шешу все больше проникался

к нему. А тот говорил, что многое, что делается людьми, отражается в их будущем. Боги предначертывают нам судьбу один раз, но как повернется она, зависит, от того, как мы поведем себя, ибо слова их хоть и истинны, но неоднозначны.

В легком расположении духа, Шешу расставался с кукхулунцем, как с новым другом, на прощание пообещав поговорить с лугалем о приеме посольства, и, проводив взглядом уезжающие колесницы, развернулся, чтобы распорядиться подвести подводы. Он уже собрался подать знак, как вдруг услышал боевые кличи своих отрядов. Тут только, он с ужасом вспомнил, о том, что ими было задумано на военном совете, тогда, когда было отправлено посольство о мире.

– Стойтее!!...– Закричал он, чтобы остановить побоище, но без силы в голосе и без надежды, что-либо исправить.

4. Священный молот Кукхулунна

Далла-Дин как условились, ждал с шестью десятком лучших бойцов засев в засаде. Новый шестисотенный, как и остальные старшие кингали, клялся на ложном изваянии – дабы не гневить богов лживыми клятвами, и, не дожидаясь пока вожди закончат свою беседу, вернулся сюда, под сень густых деревьев, чтобы самому руководить нападением. Ему невыносимо было сидеть в окружении мелких кровососов, во множестве обитающих здесь, но, он не хотел упустить возможности, самому поучаствовать в битве. Сидели тихо, чтоб даже зверь не выдал их варварам. Кингаль приказал скрывать мечи и острия копий и секир в тени. Остро отточенное

оружие, не должно привлечь случайного взгляда отблесками падающего света.

Наконец, послышался топот лошадей и шум колесного хода. Воины притаившись, затихли. Когда поезд колесниц приблизился, Далла-Дин вытащив серп-меч, тихо приказал:

– Пора.

Заждавшиеся воины, потрясая оружием, с победным криком во имя великого единоподержца и единого бога Ана и сына его Энлиля, с именами Забабы и Инанны на устах, с нетерпением бросились на двуколки. Кони, двигавшиеся рысцой, перепугано встрепенулись, а не ожидавшие подвоха возникшие на колесницах, не успели справиться с вожжами, чтобы их придержать. Кто-то сразу напал на людей, а кто-то кинулся убивать лошадей, чтобы не дать противнику уйти. Тут же, вынырнули шестьдесят щитоносцев, чтобы окружив поляну, не дать дикарям вырваться.

Но при всей неожиданности нападения и своей малочисленности, кукхулунцы отчаянно сопротивлялись. Далла-Дин уже начал беспокоиться о потерях, жалея о том, что не взял с собой больше щитоносцев. Варварские воины, соскочив на землю, попытались пробить путь для колесницы жреца, в которой находилась их святыня, но были окружены и перебиты. Старейшины, принимали смерть стойко, безмолвно подчиняясь судьбе; колесничие, еще некоторое время пытались прорваться, но натыкаясь на острия копий и теряя лошадей, отступали и спешили. Вскоре всех их перебили, но вар-

варского жреца достать никак не удавалось, опасность, что колдун прорвется сквозь поредевшие ряды, становилась все ближе. Если бы ему удалось вырваться, все пропало, значит – конец: кукхулунцы не простят вероломства, и под предводительством разгневанного колдуна, будут биться с еще большим остервенением, и теперь уже до полного их истребления. Тогда о возвращении домой можно забыть: можно забыть о свободе, можно забыть о жизни.

Окруженный колдун, с отчаянной обреченностью вычерчивая круги на своей колеснице, разил подступающих кишцев то копьем, то секирой. Его взмыленные и израненные кони, истекая кровью и безумно выпучивая свои черные бельма, в страхе метались меж рядов: вонзенные копья, оцетинившись, торчали из их тел, а искромсанные куски свисали ключьями; пенясь у ртов, проступали – боль и напряжение. Наконец, рухнул от изнеможения первый конь, и второй, не сдюживая падшего сопряжного и седока с колесницей, тоже фыркнул, опустившись на колени. Обреченно взглянув на павших лошадей, колдун, понимая бессмысленность дальнейшей попытки вырваться, опустился на колени. Воины, окружившие жреца остававшегося у застывшей колесницы, ждали распоряжения старших, не зная убивать его или нет, как тот вдруг вскочил и, ухватив большими жилистыми руками рукоять священного молота, перед которым только что молился, взмахнув, одним махом свалил наземь четырех щитоносцев. С остервенением продвигаясь сквозь человеческое

море, вращая ядовитыми радужинами и скаля зубы, он не надеялся уже вырваться, но перед смертью – по закону Кукхулунна – хотел увести с собой как можно больше врагов, чтобы их кровью напоследок напоить своего бога. Воины в суеверном страхе отступали, боясь приблизиться ближе. Никто не решался ударить первым, пока потерявший терпенье Далла-Дин взяв в руку легкую сулицу, не метнул ее в сторону кукхулунского вождя. Копейщики последовали его примеру. Только после этого, воины кинулись добивать пронзенного копьями, но все еще стоявшего на ногах чародея.

Глядя, на растерзанный труп варварского колдуна и на то, что он успел натворить, ошеломленный Шешу вышедший из полусна, вымолвил, едва услышав свой голос:

– Проклятый колдун завладел моим разумом. Еще б чуть, чуть и я бы отдал ему в руки власть над войском великого единодержца.

Несмотря на то, что выпил он немного, чувствовал он себя как после хорошей попойки: во рту пересохло, в голове стоял шум, а изнутри просилось, но не вырывалось наружу содержимое желудка.

Стоявший рядом толмач побитый жизнью, одернул его:

– Я бы, поостерегся говорить такие вещи вслух сагди. Всем известно, что у нашего повелителя везде свои уши, и не сносить тебе головы, если твои слова дойдут до его слуха.

– Я бы и сам сейчас, не прочь от нее избавиться, – с какой-то грустной злобой пошутил лушар, чувствуя унижение от того, что поддался чарам какого-то дикаря, – только чтоб она так не гудела от его темной волшбы и стыда за свою слабость перед ней.

Сейчас ему действительно казалось, что он не достоин того положения и той должности которую занимает, но признавая, что люди чьи жизни зависят от его действий, ждут от него решений, взяв себя в руки, с твердостью в голосе приказал возвращаться к месту расположения остальных войск. Но прежде велел собрать, то небольшое оружие, которое было с собой у варваров.

Молот, которым только, что размахивал кукхулунский колдун, лежал рядом с его обезображенным телом; итак бурый от многовековой крови, которой был пропитан, сегодня он испробовал свежей. Вот она святыня, которая вела за собой столько людей и приводила в трепет их врагов. Подойдя ближе, Шешу взял его в руки. Молот был довольно увесистым, но все же, не так тяжел, как казалось. Оценив боевые достоинства, лушар перехватил его за набалдашник и, очистив руками от крови, стал долго и внимательно рассматривать. Это был очень древний молот, изготовленный когда-то в старину, когда не знавшие мудрости люди, еще добывали себе пищу одной охотой; его набалдашник был выточен из небесного камня особой прочности, на котором древний варварский умелец высек изображение распростершей кры-

ля птицы. Подержав святыню безбожников, Шешу почувствовал неприятное жжение в руках, поэтому сняв свой оберег, освященный в великом доме Ана, он обмотал им набалдашник, чтоб варварский дим не смог навредить черноголовым и, подозревав слуг, приказал положить молот как пленника в свой обоз. Теперь оставалось, разгромить обезглавленное войско кукхулунцев и захватить их поселения. Шешу, не жалел о содеянном, хоть и совестился недостойным обманом, но на другой чаше весов висела его жизнь и жизнь его войска. Слишком много было положено жизней и потрачено сил, чтобы уйти просто так. Дома, ответственных за этот поход, если только они не имеют высоких покровителей, ждет позорная и мучительная смерть, за потерю имущества и бесславное бегство. Потому, чтобы оправдаться перед государем, нужно побеждать любой ценой, а нарушение клятв данных варварам, не клятвопреступление.

Как и ожидал лушар, кукхулунцы движимые жаждой мести и охраной своих пределов, в спешке собрав силы, кинулись им навстречу, чтобы отомстить пришельцам за убийство их глав и поруганную святыню. Поле, выбранное Шешу, отлично подходило, для встречи воинственного гостя. Теперь, когда им известно количество вражеских воинов и колесниц, которое каламцы рассчитали из счета слитков серебра, переданных кукхулунцам в виде дани, можно не беспоко-

иться об исходе боя. Место было достаточно холмистым, для того, чтобы не позволить кукхулунским колесницам, свободно раскатывать по полю и налетать на ряды кишцев с разных сторон, а в многочисленных перелесках и болотцах, можно спрятать не один десяток воинов. Вот тогда, державцы вчистую отплатят дикарям, за их бесчисленные нападения из засад и убийства исподтишка. Там, где колесницы могли проскочить, воины вбивали острые колья.

Все более усиливающийся и постепенно приближающийся звук, грохочущих колесниц и топот надвигающейся грозы, послужил знаком кишцам быть готовыми. Поднимая клубы пыли, кукхулунцы, несясь навстречу смерти, давали о себе знать криками возничих и воинственными возгласами воинов. Без страха перед смертью и без надежды выйти победителями, эти варвары, неслись движимые одной жадной мести. Они готовы были умереть, но их единственным желанием было сейчас, уничтожить как можно больше пришельцев. Лушар приказал колесничим ожидать своего часа за полками щитоносцев и не вступать пока в битву. Слишком, неравными были, быстрота кукхулунских скакунов и неловкость кунгов каламцев. А иметь коней в Ки-Саи, могли позволить себе только очень небедные люди, в войске лушара, конная повозка была только у предводителя колесничих.

Первым пришлось защищаться, от обстрела дальнобойных йаримийских луков, щитоносцам, когда приблизившись на полет стрелы, лучники отпустили натянутые до уха тетивы.

вы. И эти сильные суровые воины, побывавшие во многих битвах, прикрывая своими большими в человеческий рост щитами поле от их смертоносных жал, стойко выносили бесперебойный град, получая смертельные раны; падая, но продолжая держать их перед собой. Взамен упавших или раненных тут же вставали новые, из стоящих за ними. Когда наплыв колесниц стал нарастать, намереваясь вклиниться в ряды неповоротливых щитоносцев, их поджидали уже копейщики. Разгоряченные кони, впряженные в колесницы, неслись с бешеной скоростью готовые снести все, что встанет на пути и ничто казалось, не сможет их остановить. Даже копья слишком малы, чтобы помешать им. И вот, наконец, когда эта грозная туча была готова поглотить ряды, щитоносцы, даже не пытаясь противостоять ей, вдруг отпрянули, освобождая для нее поляну, а копьеносцы подняли навстречу ей длинные жердины. Кукхулунцев, предвкушавших разгром и бегство вражеской стороны ждало неожиданное для них явление: их взмыленные кони на полном скаку напоролись на выставленные копейщиками жерди, и на вбитые вразброс колья, вскрывшиеся после отступления щитоносцев; сзади на них – не успев предупредить столкновение – налетели другие; из некоторых колесниц отлетая на передние колесницы или натываясь прямо на колья и вражеские щиты и копья, вылетели возничие и воины. Случившееся привело к замешательству и давке среди варварских упряжек. Треск ломающихся копей и колесниц, скрежет доспехов и лязг оружия, испуганное

ржание лошадей, крики людей – все это перемешалось в едином сгустке звуков. Возничие, правящие колесницами несущимся им вслед, приостановили бег коней и развернулись, но из-за холмистости восстановить прежнюю легкость не получилось, ход замедлился, и приткие колесницы потеряли свои преимущества. Все же, и это не помешало кукхулунцам вступить в сражение, заставляя стену прогибаться перед их неистовством. И вот тогда наступила пора выпускать легковооруженных воинов. Шешу приказал дуть в рог. Услышав звуки рога, воины затаившиеся среди деревьев и камышей, выбежали из своих укрытий и, пользуясь сотворенным для них замешательством, напали на вражеские колесницы сзади. Охваченные жаром боя и не ожидавшие удара со спины, кукхулунцы были застигнуты врасплох. Несмотря на это, они не пали духом и с прежней яростью бросались на превосходящие силы: спешившись, копьями, поднятыми поверх голов, доставали спрятавшихся за щитами воинов, нанизываясь на их оружие, или ловко орудуя топорами и секирами, врубались в тела сквозь каламскую броню, но окруженные большим количеством врагов, израненные падали и умирали. Видя положение своих соплеменников, варварские пешцы поспешили к ним на помощь. Пустив вперед псов, с дикими воплями, призывая своих богов в помощь, с именем Кукхулунна на устах, они бежали со всех ног, толи чтобы вовремя прийти на выручку своим, то ли, боясь не успеть пролить кровь вероломных чужаков. Шешу снова дал знак.

С холмов достаточно крутых, чтоб нельзя было с легкостью на них взобраться и достаточно пологих, чтобы спуститься без опасности для впряженных животных, на подоспевших воинов Кукхулунна хлынула волна ощетинившихся повозок. Вклинившись сбоку, каламские колесницы произвели беспорядок в рядах кукхулунцев. Из них тотчас же соскочили и вступили с ними в рукопашную схватку, воины вооруженные секирами-клевцами и легкими щитами, сулицами и сплетенными из тугих волокон сетями для запутывания противника.

Далла-Дин ринувшись в самую гущу боя, в пылу сражения не заметил, как оказался в окружении дикарей. Пробираясь к выскользнувшему из рук клинку, Далла-Дин подобрал копье павшего копейщика, которым ловко орудовал отбивая удары. Оставив копье в поросшей рыжим мехом груди варвара, подхватив с земли утерянный меч, он вспорол им брюхо подскочившего юнца. Предупреждая удары сзади и спереди, молодой кингаль отбиваясь своим серпом-мечом, крутился волчком и благодарил оружейников за то, что взмахи плаща, стегая не обремененных защитой дикарей, не давали подступиться к нему сзади. Тут, наконец подоспевшие щитоносцы, расшвыривая дикарей, прорвались к своему предводителю. Чувствуя за спиной поддержку, стоя плечом к плечу с товарищами по оружию, Далла-Дин опьяненный боем, продолжал прорываться вперед. Его воины, воодушевленные примером, рвались вперед вслед за ним, чтобы личной храбро-

стью заслужить награды и быть может когда-нибудь достичь столь же молниеносных высот, каких достиг их са-каль. Вперед, еще вперед, и вот стена врагов прогибается под резким напором; вперед, еще вперед, и скоро нить защиты прорвется; вперед, еще вперед, и еще чуть-чуть и враг побежит. Молодой кингаль из самой сутолоки успевал заметить одобрителный взгляд с высоты, покровительствующего ему Шешу, удовлетворенного правильным выбором и еще раз подметившим свое чутье к избранным, оценив его храбрость и божественный дар – вести за собой других. Взмах, еще взмах и расчищается путь, взмах еще взмах и скашивается круг людей. Далла-Дин это только сейчас и чувствовал: что перед ним не люди, и он не воин пришедший убивать их, но лишь жнец, что вышел на покос, чтобы трудом и потом, обеспечить свою общину безбедным существованием. А люди впереди, действительно падали перед ним как скошенные, а он косил и косил их, не задумываясь о том, для чего это делает, просто махал погруженный в свою работу, забыв про то, что это враг которого он должен ненавидеть. И то же делали и все его воины. Но и с противной стороны тоже не давались легко, и не просто отчаянно защищались, выставив вперед длинные копья и хоронясь за устрашающими щитами украшенными срезами с вражеских голов, но бились насмерть, отбиваясь и нанося удары смертоносными топорами.

Шешу оценивая положение дел на поле боя, наблюдал с

холма за сражением. Он видел, как кингаль колесничих раскатывает с гордым видом в пышных нарядах, и прикрываемый щитоносцами, тычет из колесницы во врагов своим копищем. Хмыкнув, лушар перевел взгляд в гущу боя, продолжая искать глазами самую слабину противника, чтобы быстрее со всем покончить. Сам он не любил показательные выезды впереди войск, предпочитая руководить, когда обзор битвы виден как на ладони. Отсылая гонцов к тому или иному полку с поручениями, лушар высматривал, где нужна подмога, а откуда можно людей и отозвать во избежание лишней толчеи. Подозвав йаримийца он спросил не мучает ли того совесть, что по его вине гибнет столько храбрых варварских воинов. Пленник, хладнокровно взглянув на избиение союзников, не отвечая на вопрос прямо, вместо ответа посоветовал налечь на пещцев, чтобы не дать им издали себя осыпать стрелами. Подивившийся варварскому вероломству к своим вчерашним союзникам, Лушар удовлетворено кивнул головой и, подозвав к себе порученца, велел срочно передать приказ копейщикам перейти в наступление. Опытный полководец не нуждался в совете, но видя скучающее лицо пленника, еще раз убедился в его равнодушии к судьбе погибающих кукхулунцев, и потому благосклонно дал понять, что следует именно его совету.

Послышались победные возгласы, это кишцы торжествуя, кинулись преследовать дикарей, которые, не имея больше святыни поднимающий дух и лишённые вождей способных

повести, не выдержав натиск, бежали с поля боя.

Потерявшие от страха рассудок, воины Кукхулунна, убегая, невольно указывали державникам путь прямо к своим селениям. Торжествующие кишцы, преследовали их, не давая роздыха, сметая попадающиеся мимо малые селения – в спешке покинутые их жителями вместе с отступающим войском, – и выжигая все огнем. Немногочисленных оставшихся в них стариков, раненых и просто отставших, державники, не желая возиться с пленниками, убивали, продолжая преследование, завершившееся тем, что кукхулунцы привели преследователей прямо к стенам своей священной столицы.

Глазам каламцев, предстал главный город дикарей. Поселение, у излучины Бурануну и ее притока, отличалось от других таких же поселений кукхулунцев, лишь размером и наспех сооруженным ограждением из земляного вала и вбитых кольев. Стены из замеса глины с тростником, были возведены только спереди при главном входе, противоположную сторону естественной защитой прикрывала река с ее болотистыми, местами высокими обрывистыми берегами, с плетеной изгородью обмазанной глиной, и редких, воткнутых вразброс кольев. Для войск, привыкших брать крепости обитаемых земель, такая твердыня, сооруженная для защиты от диких племен, не была неприступной. Подтягиваясь

вереницами, несокрушимые силы средоточия мира, постепенно заполнили собой все пространство вокруг кукхулунской столицы. Пока воины отдыхали и собирались с силами, лушар с советниками, стал выискивать слабые места в обороне города, чтобы с как можно меньшими потерями захватить это обиталище богомерзости, самым своим существованием оскорбляющее истинного бога. О долгой осаде нельзя было даже задумываться, изможденное долгими переходами, обескровленное бесконечными стычками, изголодавшееся войско, само не сможет выстоять более недели, тем более еды оставалось все меньше. А тут еще возникала опасность того, что каким-то образом прослышавшие о ходе их войны с кукхулунцами, йаримийцы ударят в спину. Наконец, выслушав все за и против, лушар велел сообщить по полкам, о готовности к приступу.

В ожидании приказа перед битвой, опытные воины готовили оружие к бою, кто-то решил прикорнуть, чтоб набраться сил, воспользовавшись свободным временем, большинство же ополченцев, считали лучшим, зря не забивать голову мрачными мыслями и отвлечься ободряющими разговорами или игрой в кости. Шутки и веселые песни лучше всего, на некоторое время, помогают забыть о предстоящей опасности. Где-то в кругу, громко смеялись над байками хвастуна, живо размахивавшего руками. Когда, наконец, приказ был получен, воины, привыкшие быстро рассредоточиваться, были готовы к наступлению.

К главным воротам был выслан отряд пращников и метателей копий, которым в подмогу снарядили, вооруженных захваченными варварскими луками, охотников из самой глуши пустынь и лесов, имевших навыки пользования подобным оружием. Прикрываемые щитоносцами, они медленно, под обстрелом противника, продвигались в сторону крепости. Стрелки уже начинали обстреливать стены, чтобы немного ослабить огонь, в то время как метатели старались приблизиться как можно ближе, для того чтобы получить возможность прицельного боя. В ответ, на неумелые попытки кишских лучников, выбивать защитников крепости, те отвечали градом метких стрел, как-то находя бреши в стене из щитов. Раненые и убитые падали под ноги живых, замедляя движения этой исполинской черепахи из людей и щитов. Пока большинство защитников, стянувшись к передним стенам, старались не подпускать к городу пришельцев, с не защищаемых сторон, незаметно через валы, словно большие муравьи, тихо перебирались темные тени кишских лазутчиков. Опытные воины, побывавшие не в одной мясорубке, вооруженные устрашающе кривыми мечами и топорами, бесшумно убрали скучающих стражей, оставленных на тот случай, если вдруг кто-то, все же попытается зайти со стороны всасывающих гнилей болот. Для йаримийцев – не привыкших жить среди топей, это казалось невозможным, а для людей пустынь и косогоров они казались и вовсе непроходимыми, и кочевники со страхом обходили их стороной. Пото-

му то, доселе никто из них, не осмеливался подступаться к стенам города. Непрístupны для них, но не для каламцев, привыкших ставить свои дома, среди чавкающей грязи пойм рек. Каждый житель приречья знал, как находить невидимые тропы, среди высоких тростников и этих бесконечных качающихся островков в воде. К несчастью для сидельцев, за этими немногочисленными передовыми отрядами, последовали другие, не такие умелые, но бессчетные в количестве. Услышав за спиной крики и шум битвы, защитники бросились на подмогу соплеменникам, позабыв об опасности и оставив занятые места обороны в подступах к городу. Осаждающим это и было нужно: воспользовавшись возникшим замешательством, тяжеловооруженные щитоносцы двинулись проламывать ворота, не дожидаясь пока проникшие в город воины, сумеют к ним подобраться, чтобы открыть. Позади, на своих громоздких, по сравнению с легкими колесницами кукхулунцев, но крепких повозках, запряженных такими же крепкими и выносливыми животными, с нетерпением ожидали своего часа колесничие для стремительного рывка в толпы варваров в горящем поселении.

Отстреливаясь и закрываясь щитами от летящих стрел, оставшихся на стенах сидельцев, осаждающие приближались к воротам. Подступив, они начали крушить их заостренным в комле, стволом большого дерева уложенного на повозки. Попытки защитников, закидывать и заливать их сверху, не причиняли осаждающим, прикрываемым огромными щита-

ми, какого-нибудь ощутимого вреда. После недолгого копошения возле ворот, щитоносцы ворвались в город. Если защитники, могли еще противостоять каламцам ворвавшимся в город со стороны валов, то после того как прорвались главные силы, возможности для долгого сопротивления не осталось. Наглухо прикрытые и оцетинившиеся и потому почти неуязвимые, щитоносцы прорезали и давили варварские боевые построения.

И все же, отчаянное сопротивление кукхулунцев, раздражало Шешу, это затягивало исход битвы, и могло привести к недопустимым потерям со стороны державников. И он прибегнул к помощи слепой веры дикарей в предзнаменования, приказав поднять над войском захваченный молот как ведущий стяг. Увидев, что их святыня теперь помогает врагам, сопротивляющиеся пали духом и потеряли волю к сопротивлению. Когда всё войско державников вошло в город, никто уже не пытался биться с пришельцами, но все его сидельцы думали лишь о своем спасении. Кишцы тоже уже не билась с его жителями, а добивали испуганных, не сопротивляющихся уже, безоружных людей. Огромной пучиной протекали они сквозь метущийся город, выскивая оставшихся в живых, чтоб, наконец, закончить начатое. Резня была безжалостной; уничтожали всех: стариков, женщин, детей. Не жалели немощных, закалывая их прямо в постелях. От ярости за свое унижение и из жажды мести за убитых воинов, военачальник, велел никого не жалеть, к тому же не хо-

телось взгромождать на свои плечи содержание рабов; тем более мужчин, которых и так оставалось мало, не удавалось взять живыми. Обозленные кишцы не нуждались для этого в приказах, все они, или лично знали кого-то из убитых варварами, или умерших от болезней и голода, или просто мстили за перенесенные тяготы и унижения. Впрочем, понаравившихся женщин воины оставили себе, чтоб удовлетворить разгоревшуюся плоть, но наутро и их ждала участь их соплеменников. К лушару время от времени подходили с вопросами о дальнейших действиях, и о том, возможно ли что-нибудь оставить для нужд Ки-Саи в сохранности. Эти вопросы злили его: как можно оставить даже упоминания об этих молельцах смертным пращурам, не знающих жалости? И когда молодой военачальник шести сотен, не решаясь совершать святотатство, спросил о варварской кумирне, куда спасаясь от преследования, забились жители, он язвительно заметил, что видимо, поторопился, назначив его на столь важную должность, раз молодой кингаль робеет перед варварскими истуканами. Пристыженный юноша, ушел исполнять поручение. Вскоре черным дымом, взвилось пламя над средоточием безбожия.

В варварской столице, вопреки ожиданию, не оказалось столько, сколько мечтали увидеть, жаждавшие наживы воины. Поэтому, чтобы обозленные воины не шатались без дела и не расхлябались, и предупреждая опасность прибытия племен Йарима, или того хуже, наступления грозных сил Пурус-

ханды, которые разметали бы изможденное войско, самых отчаянных отпустили порыскать по окрестностям в поисках оставшихся в живых кукхулунцев, утолить жажду мести и успокаивая чувство досады. Попытки, выловить и усмирить кукхулунских лошадей, не увенчались успехом: дикие животные, если не успевали убежать в степи, взбрыкивались и не подпускали к себе чужаков, не давая себя взнуздать, а те, что стояли уже привязанными к колесницам, как будто продолжали неоконченную битву с врагами, и дико бросались на незадачливых обуздателей. А отправляться на дальние пастбища вылавливать коней и искать скот там, не было ни времени, ни сил; да и проводник не знал ничего о том, где у кукхулунцев пасутся их стада и табуны. Особый ужас навели на них священные боевые кони Кукхулунна, с диким неистовством бросавшихся на поработителей. И были столь же смертоносны, как и их погибший ездок. Тогда, не тратя времени на лишнюю возню, лушар приказал всех оставшихся лошадей, пустить на мясо для изголодавшегося войска. Все равно съестного в городе было мало. Перед лицом наступающего врага кукхулунцы пустили под нож весь свой немногочисленный скот, остававшийся в окрестностях, по обычаю варваров посвятив его богам. В итоге, из наживы, у каламцев оказалось несколько весов конины и неокрепших жеребят, да побитые и горелые колесницы. Шешу, чтоб отцепить оберег, снова взял молот и немного подержав, взглянул на него в последний раз и приказал утопить в Бурануну.

Глава 2. Истоки

1. Пир.

Победный пир длился всю ночь. Шешу, понимая нужду в этом воинов, разрешил им напиться по случаю окончания похода, приказав выдать из запасов мехи и корчаги ячменной браги, но с условием, чтоб к завтрашнему полудню все были наготове, и к приближению сумерек можно было уйти в сторону Единодержия быстрым шагом. Его все еще не оставляло беспокойство того, что йаримийцы нагрянут со всей своей силой, чтоб добить изможденные и порядком потрепанные войска обитаемых земель. Поддавшись общему порыву веселья, лушар тем не менее, не мог позволить себе забыть о необходимой предусмотрительности, поэтому распорядился оставить бойцов на страже, посулив им в возмещение хорошую плату. Сам же, чувствуя недомогание, остался в шатре.

Отпивая небольшими глотками эштин, военачальник разговорился с молодым кингалем, который пришелся ему по душе своей беспримерной отчаянностью, напомнившей ему его молодость. Единственный сын в зажиточной семье, Далла-Дин тем не менее, как и он когда-то, оставил родительский дом и родной город, и вступил в славное воинство великого единодержца, чтобы упорством и личной храбростью завоевать положение и славу достойную благородных мужей Калама.

Со вчерашнего вечера и весь день с начала приступа Шешу чувствовал себя неважно, а сейчас то ли от усталости, то ли от выпитого ему стало хуже. Во рту навязчиво раздражал сладковатый привкус меди, который вызывал тошноту, а в низу живота, будто кто-то устраивал пляски, и при всем этом его стала томить необъяснимая тоска, и он рад был сейчас с кем-нибудь поговорить и поделиться горем. Как же ему не хватало сейчас, утешающих слов и успокаивающего взгляда варварского колдуна. Вспомнив открытое лицо доверившегося ему человека, в Шешу на короткое мгновение проснулось давно забытое, спрятанное где-то глубоко чувство. Засовестившись, лушар начал перебирать мысли, которые приводили к тому, что если бы он послушал кукхулунца и передал его предложение лугалю, кровопролития можно было бы избежать, хоть иного пути, чтоб оправдаться перед государем – не было. От этого на душе стало еще муторней. Отогнав мрачные мысли, он начал тешить себя надеждой о скором возвращении. Как знать, может колдун говорил правду и дочь его и вправду поправится.

Пока другие кингали, вместе со всеми пили и веселились, проводя ночь в объятиях женщин похоти, Далла-Дин воспитанный в строгой стыдливости, и не одобрявший подобные увеселения, не преминул воспользоваться случаем, направившись в вежу лушара пока тот был один. Военачальник, сам пригласил его выпить с ним, в искупление своей недавней резкости. А что может быть лучше для будущего продви-

жения по службе, как не сближение с большим человеком, особенно если он твой сагду? Он старался вникать во все, что говорил Шешу, но от трепетного волнения и гордости от того, что сагду доверился именно ему, слова, сказанные лушаром, будто пролетали мимо ушей. Военачальник рассказывал что-то о своей жизни, а в его голове мелькали мысли о том, как встретят его в родном городе, как будет гордиться мать, а отец со слезами на глазах попросит прощения за то, что не верил в выбранный им путь, настаивая на том, чтобы он продолжил дело предков. От размышлений, его пробудил возглас собеседника. Вздрогнув от неожиданности, юноша обеспокоился, что оскорбил сагду своим невниманием. Но подняв глаза, он увидел что лушар, ухватившись за живот, лежит, скорчившись на тростниковой подстилке. Не теряя времени, Далла-Дин крикнул прислуге звать лекарей, сам же присев подле предводителя, взял его за руку, чтоб поддержать.

Старый абгал, внимательно осмотрев и расспросив больного, прощупал несколько раз, и словно прислушиваясь к чему-то, помрачнев в лице, отдал какие-то распоряжения подручным, вытаскивая из кошеля свои чародейские сосуды со снадобьем. В нетерпении, забыв об уважении к мудрости лет, кингаль громко, почти крича, спросил:

– Говори старик! Что с ним?! Болезнь?! Отравление?! Ну же, не молчи!

– Это отравление. Но отчего, придется еще выяснять. На-

до выяснить, что он ел,пил, чего касался, чтобы сказать что-то определенно. – Отпаивая больного зельем, нехотя ответил старик, пренебрежительно взглянув на юношу исподлобья, как на выскочку и деревенского невежу.

– Я сейчас же, велю доспросить всех слуг и рабов, и найти и наказать виновных – сказал, только что подоспевший старшина колесничих.

– Пока говорить рано, отравил ли его кто-то намеренно, – ответил абгал колесничему, принимая его как законного заместителя. – Я дал зелье, которое вызовет рвоту и очистит желудок, другое снадобье поможет восстановить силы для борьбы с недугом и принесет некоторое облегчение. Но для настоящего излечения необходимо установить точно – чем он отравился. Не мне кого-либо обвинять, но выяснить, как он отравился необходимо. Расспросите не только прислугу, но и приближенных. – Посоветовал лекарь, намекая на Далла-Дина, как на только что распивавшего с военачальником.

Сам Шешу не мог говорить и рассудительно действовать, ибо отравление затуманило его сознание и, находясь в полусне, он был не в состоянии сейчас, не только руководить своими действиями, но и самим собой. Уходя время от времени в забытие, лушар возвращался пробуждаемый старым лекарем, опаивающим его снадобьем. В видениях он видел, то старого своего соратника Хумбабу, так нелепо умершего, то к нему в шатер всем скопом, врывались полегшие когда-то очень давно товарищи по оружию. Полегшие, но не сложив-

шие оружия перед врагами, и не перешедшие в отличие от него на сторону победителей, предпочтя жизни на коленях, встретить смерть стоя. Порой, они сменялись светлыми явлениями из детства, или из счастливого прошлого, когда его девочка, его маленькая мышка была весела и здорова, а жена еще любила его и не обвиняла в болезни дочери. Но все эти видения завершались ужасом: после каждого видения представлялось спокойное лицо варварского кудесника, который немым укором, участливым, почти ласковым взором, доводил его до исступления, и тут, же превращался в большую черную птицу, распростершую над ним свои крылья, и полководец с криком просыпался и вскакивал, пугая сидящих подле него.

Подходя к головному шатру, временно занимаемому старшим колесничим, Далла-Дин к своему удивлению, заметил у входа стоящих на страже воинов, но зная о вельможном честолюбии, не придал этому значения, лишь на требование сдать оружие, возмутился, что взявший на себя обязанность лугалья, позволяет себе перейти границы дозволенного. Войдя внутрь, он думал прежде, высказать, свое недовольство, но встретил холодный прием от человека, который еще сегодня называл себя его другом.

Не поприветствовав и не предложив даже присесть, уперев кулаки в стол, кингаль колесничих спросил:

– Когда и за сколько, ты продал свою честь и Ки-Саи безбожным пурухцам? – Спросил прямо, не выясняя, правда ли это, не сомневаясь в брошенных обвинениях.

На слова родовитого отпрыска, молодой кингаль от неожиданности в оцепенении не знал что сказать. Придя в себя, вспыхнув от негодования, потянулся за клинком, но, не успев даже дотронуться до рукояти, был перехвачен за руки крепкими воинами, стоявшими позади. Подойдя, колесничий глядя со злобой, сквозь зубы прошипел:

– Ну что, не хочешь сознаться добровольно? Гляди же, у нас найдутся средства способные разговорить даже мертвого.

– Да скажи хоть, в чем меня обвиняют?! – Примирительно спросил Далла-Дин, стараясь увещеванием, достучаться до разума потерявшего голову и зарвавшегося случайной властью колесничего, но тут же, почувствовал толчок в спину и удар отозвавшийся гулом в голове и туманом в глазах.

2. Плата.

Палящее полуденное солнце больно обжигало незащищенную плоть, и мухи обрадованные неподвижностью жертвы, облюбовав самые лакомые для себя места, присосавшись, делали свои дела. Смешиваясь с грязью и потом, кровь медленно стекала по истерзанному телу, капая на пыльную землю, пересохшую от зноя. Вздвогнув, человек тяжело застонал, еще хватаясь за остатки жизни. Пытаясь поднять

опухшие и отяжелевшие веки и разлепляя ссохшиеся губы, он тщетно открыл рот для оклика, но кроме болезненного хрипа, не смог издать ни звука. Услышав приближающиеся шаги, он притих, прислушиваясь и стараясь определить, что они ему несут: очередную боль или освобождение. Узнав своего мучителя, мученик, со страхом зажавшись, втянул носом воздух, приготовившись претерпевать страдания от дальнейших пыток. Мученик готов был сейчас сознаться в чем угодно, но даже не знал, что именно нужно от него его мучителям. Между тем, тот, кто его истязал, снова и снова задавал ему один и тот же вопрос. А на все его ответы, лишь все больше бесновался и бил еще ожесточеннее. Он сознался уже, что сношался с пурусхцами (которых ни разу даже не видел), получая от них плату за предательство, и готов был сознаться еще в чем угодно, лишь бы прекратились эти бесконечные пытки, но добившись своего, мучители требовали все больших и больших подробностей и, не удовлетворившись ответом, продолжали свое истязание. Наконец устав, палач отошел, чтобы отдохнуть и выпить в прохладе утоляющего пива.

Веревки, связывающие молодого кингалья с пыточным столбом, прорезали побагровевшую кожу, но он уже не чувствовал от них боли, или уже привык терпеть ее. Все его тело превратилось в одну большую язву, и все новые мучения перекрывали прошлые боли. Далла-Дин вспомнил дом, сестер и старых родителей, и его заплывшие глаза, если б толь-

ко могли сейчас, наполнились бы слезами. Ему привиделась жизнь, та которая могла бы быть, не оставь он когда-то свое имение близ Кадингирра, ради призрачной надежды на славу и высокое положение. Он видел себя работающим на поймённых полях и отдающим приказы слугам, идущим под руку с соседской девицей – так нравившейся ему, и их с нею свадьбу. Видел себя в окружении жены и детей, как дожив до глубокой старости, заканчивает свои дни в большом почёте в окружении любящих его людей, и свет загробной жизни встречает его, где он находит тех, кто давно ушел в страну Кур. Издав последний хрип, юноша испустил дыхание, и из уголков рта как последнее действие совершенное им, вытекала кроваво-красная слюна, как истекает сама жизнь.

Колесничий мрачно втягивал жидкость из чаши, полдня допросов и пыток прислуги и главного подозреваемого ничего не дали. Вначале все шло вроде бы гладко: шестидесятники полка Далла-Дина, в один голос утверждали о подозрительном поведении их нубанды, и рабы близкие к лушару, под пытками сознались, что получали от него указания. Да и сам он, сознался уже в своих преступных замыслах и деяниях, но так и не смог или не захотел, четко пояснить, где и когда у него возник злой умысел пойти на страшное преступление. Не выдавал своих единомышленников и не раскрывал тайну отравления военачальника, будто желая, чтоб яд делал

свое черное дело. Между тем, для того чтобы предотвратить пагубное действие отравы, и увести войско от опасной близости с йаримийцами так пугавшее Шешу, времени оставалось все меньше. Он не питал особой любви к лушару, да и к мальцу не испытывал ненависти, не веря в душе в его виновность. Напротив, даже испытывал к нему теплые чувства, какие только может снисходительно испытывать человек, знающий о своем превосходстве и чувствующий свое благородство. Но он пересилил свои чувства, ради того, чтобы доказать всем и прежде всего государю, насколько он лучше, чем кто-либо другой, может справиться с возложенной на него волей случая, обязанностью предводителя сайского войска, включая и самого Шешу. Теперь же выходило так, что все его усилия напрасны. Умри сейчас лушар, он, конечно до окончания похода продолжит его замещать и по прибытию к столице, его может и не обвинят в причастности к убийству, но о назначении на эту должность можно забыть, как и вообще о дальнейшем росте в чинах, дай бог, если оставят в кингальях. Тут еще абгал докучал своими расспросами о судьбе молодого кингалья, будто не сам, подтолкнул его к подозрению. Вот и теперь, рвется к нему.

– Что ему надо?! – С раздражением спросил он юного порученца, когда тот по настоянию старика доложил о его приходе.

– Не знаю сагду, но он говорит, что у него что-то важное и это срочно. – Ответил молодой порученец и, торопясь ска-

зал. – Кажется, это касается лушара и кингаля Далла-Дина.

– Твое дело доложить, а не рассуждать. Недовольно буркнул колесничий, но зная, что воины беспокоятся за жизнь Шешу, а порученец лушара, к тому же, был в приятельских отношениях с молодым кингалем, чтоб не настраивать против себя войско, великодушно разрешил, – Ну давай, зови. Послушаем, что нового он разузнал.

Обрадованный юноша скрылся за полог, чтоб вызвать лекаря.

Войдя, абгал с порога тут же начал:

– Сагду, лушар Шешу пришел в себя, ему уже лучше и надеюсь вскоре, он совсем поправится.

– Слава богам. – Облегченно вздохнул временщик, вытирая запотевший лоб полотенцем, которым только что вытирал смоченные эштином губы. – Ты принес хорошую новость досточтимый абгал, отпразднуем это радостное событие.

Когда старик вежливо отказался, то, не настаивая, пообещал навестить больного.

– Это не все – не уходил старик.

– Что еще? Говори. – Догадываясь, о чем пойдет речь, нахмурившись, буркнул колесничий.

– Расспросив его, я узнал причину его недуга. – Неторопливо, по-старчески пожевывая губами, начал свою речь мудрец. – Древние летописи сохранили много воспоминаний о временах до великого потопа, из которых и мы – жрецы –

верные слуги божьи, хоть и недостойные подошв их замаранностью скверной земной, но ученики прилежные, в наших храмах почерпываем великие знания, переданные когда-то нам мудроголовыми ануннаками.

– Так вот, – видя, что начальник нервничает, перешел к делу абгал. – Все признаки хвори, о которых я узнал у лушара Шешу, говорят о том, что тело его наполнилось ядом...

Выждав многозначительное молчание, продолжил, подбирая слова:

– Но, не от питья или съестного, а... от поруганных святынь. От благодати или проклятий, от которых, как известно, даруются, или теряются силы, а бывает и сама жизнь вытекает из тела, если вовремя не предпринять меры. Вот это и произошло с лушаром, когда он так легкомысленно отнесся к древнему заклятью и нарушил запрет не нарушаемый даже варварами.

– О чем, ты говоришь старик?! – Гневно спросил разозленный богохульством божьего служки, новоявленный сагду. – Ты, ради обеления преступника, к которому вдруг по непонятной мне причине поменял отношение, хочешь убедить меня в том, что какая-то варварская балда, которой эти полулюди в своем противобожном заблуждении поклонялись, могла совершать чудеса? Да еще выговариваешь мне свои богохульные речи, выводя благодать божью или кару небесную, какими-то мертвыми камнями дикарей. Гляди, если ты немедля не прекратишь свои кощунства, то даже

твое служение Энки тебя не спасет, и если, сейчас у меня нет на тебя власти, это не значит, что по прибытии, я не буду вынужден сообщить верховному жрецу, о твоих безбожных высказываниях.

– Оо, должно быть достойный военачальник неправильно меня понял – начал оправдываться старец, – я как раз хотел сказать, что лишь из-за того, что то – чему все поклоняются и считают святыней, творит чудеса, то не обязательно божественно, неважно исцеляет это или убивает. Еще древние мудрецы заметили: «Не все божье, что с небес, не все благо, что дивно». Говорят также: «Не все небесное благо, не все дивное чудо».

И поглаживая безусую окладистую бороду, пожевывая губами, решил поставить колесничего на место:

– К тому же он совершил, пусть и обманное, но клятвопреступление. А напрасное пролитие крови, всегда отольется.

Последние слова заставили вельможного отпрыска пожевиться, и, опасаясь гнева богов и не желая казаться невежей, он немного приостыл, но чтобы не показывать своего уязвления, все еще ворчал для острастки.

– Перестань Мес-э, – раздавшийся голос, неожиданностью заставил его замолчать – уважаемый абгал прав, мальчик не мог меня отравить.

Обеспокоенный здоровьем лушара абгал, подскочил к нему, чтобы осмотреть. И засуетившись, начал ему выгова-

ривать, но в ответ на свои увещевания, снова встретил непонятливое раздражение.

Замолчавший было от неожиданного появления военачальника, колесничий, в защиту своих действий сказал:

– Я рад, что сагду стало лучше, и да хранят тебя боги. Но должен сказать, что будет тебе известно: свидетели подтвердили его преступные замыслы, а эти основания очень весомы для обвинений в предательстве, вынудившие и меня поверить подозрениям досточтимого абгала. – При этих словах сановитого воителя, старик, шамкая губами, виновато потянулся, пытаясь что-то возразить в свое оправдание. – А после допроса рабов, все кажется предельно ясным.

– Обойденные кингали, сгорающие от зависти, и зависимые рабы, допрошенные пытками, конечно хорошие свидетели. – Съязвил Шешу, недовольный также, что без его разрешения допрашивали и его рабов с пристрастием. – Или может, кингали его полка, прошли испытание водой?

– Но, он один был тогда с тобой, когда утробный дим настиг тебя!

– Он и близко не подходил к питью, разливал я сам лично, и ему наливал тоже я. Так, что если кто и мог среди нас двоих быть отравителем, то это опять я. – На бледном лице лушара, выдавилась ухмылка. – Может, и меня допросишь с пристрастием?

Смутившись, Мес-э все же нашелся, что ответить:

– Сагду шутит. Я вижу, досточтимый абгал не обманул-

ся, ты действительно пошел на поправку. В любом случае, тебя я допрашивать не стану, и не потому что не сомневаюсь в твоей преданности великому престолу, а потому что не смею нарушать установленный государем порядок, и не уполномочен на это.

– Ооо, а я вижу, мой преемник крут нравом, чувствую, если б не было этого порядка, быть бы и мне на пыточном столбе. – Кольнул его издевкой лушар.

Оскорбленный Мес-э ответил, что, считал бы своим долгом сделать все для процветания родной державы, под мудрым руководством славного Ур-Забабы и спокойствия граждан обитаемой земли, даже если бы ему пришлось заподозрить и допрашивать сагду, с какой бы дружбой и любовью он к нему ни относился.

– Можешь, больше не утруждать себя этим, – Шешу передернуло от лицемерия колесничего, – я тебя освобождаю, от этого непомерного груза.

Абгал видя, что разговор может вылиться во что-то нехорошее, поспешил перевести разговор:

– Я слышал, что государь уже извещен о великой победе и возрадовался вместе с нами. Но ради столь безотлагательного сообщения, мы не смогли оповестить еще своих близких, о скором прибытии к родным очагам...

Спорящие военачальники, радуясь отвлечением от ненужной ссоры, внемлили с ожиданием.

– Так вот. Утром, уже на рассвете, гонцы с поручениями

отправляются к сонму верховных жрецов. Не думали ли вы отправить своим семьям какие-нибудь сообщения или пожелания? Если нет, то я думаю, вам стоит это сделать. Что может быть лучше для близких, находящихся где-то далеко, чем получать весточку от родных?

– Ты прав, досточтимый. Сейчас же распоряжусь заточить писала. – С этими словами, чтобы не продолжать неприятной беседы, колесничий вышел.

– Лушар Шешу. Ну а ты, ничего не хочешь передать для дома? – Осторожно спросил абгал Шешу, зная о его горе.

– Нет, старик, думаю, дома вестей от меня не ждут. – Печально покачал головой, едва отошедший от болезни военачальник.

– А как же дочь?

При упоминании о дочери, лицо Шешу осветилось:

– А моя эрес будет больше рада увидеть меня самого. Так что пусть пока ничего не знает.

– Это хорошо. – Улыбнулся старик.

– Хорошо. – Улыбнулся воин.

– У меня будет просьба. – Дождавшись, когда у военачальника поднялось настроение, начал мудрец. – Молодой кингаль... Я чувствую вину перед ним.

– Да-да, я сейчас же распоряжусь освободить его.

Подозвав своего порученца, он велел тому срочно передать приказ об освобождении кингаля Далла-Дина. Прошло немного времени, и взволнованный порученец вернулся.

– Ну что? Где кингаль Далла-Дин? – недовольно тем, что его еще с ними нет, спросил лушар.

Юный порученец, растерянно хлопал глазами. И всхлипывая, не сдерживая слезы, прорыдал:

– Он, он... его больше нет... Он не вынес пыток, и уж несколько часов как умер.

– Как умер?! – Прокричал военачальник Шешу.

– Умер?! – Вскрикнул, потрясенный абгал.

Осев, побледневший старик едва вымолвил:

– Нет мне прощенья, боги да простят меня, ибо сам себя я уже простить не смогу.

Не видя смысла оставаться в шатре лушара, абгал засоби-рался к себе, отдать распоряжения гонцам, чтобы отправить печальнее вести родным Далла-Дина.

И без того бледный, после известия о смерти молодого кингаля, Шешу был сер как толокно. Поэтому остановив мудреца и передав ему свой оберег, сказал:

– Отдай это гонцам. Этот оберег освящен в Экуре – великом доме Энлиля сына единого бога Ана, для оберегания от вражеского оружия, волхований и хвори. Пусть передадут его моей малышке, да обережет он ее, также как оберегал меня. Его чудодейственная сила в борьбе с варварским волхованием, обрела еще больше света, и потому я верю, он ей поможет встать на ноги, так же как мне помог не сойти в край мертвых. Мы с ней еще поиграем в салки.

3. Надежда.

Чем выше солнце поднималось по небу, тем палило все сильнее – иссушая землю, и делая невозможным выступление по пустынным полям в разгар дня. Поэтому, было принято решение: отправиться вечером, как только спадет жара, предварительно, связав плоты для скарба и раненых, чтобы облегчить ношу тягловым и пустить их вниз по течению, остальным же сопровождать сплавающих вдоль берега под покровом темнеющего прохладного неба.

Военачальник, снова взял бразды правления в свои руки, и как только позволило здоровье, лично проверял исполнения своих распоряжений. Во всей суете, возникшей после победы, ему казалось, что чего-то не хватает. Хорошенько поразмыслив, он, наконец, вспомнил про пленного йаримийца, приказав его привести. Конечно не для того чтобы наградив отпустить, как обещал, но чтобы держать на виду. На него у него имелись свои виды: применяя все средства обмана и подкупа, так часто используемые державцами, сделать его большим человеком в Йармути, сидящем на коротком поводке Киша, тем самым подчиняя этих северян влиянию лугалья. Но для этого требовалось сначала, доставить варвара в столицу, замолвив перед государем за него словечко, и до поры держать в почетном плену как советника.

По его приказу, воины занялись подготовкой к отбытию, собирая свои пожитки и захваченную добычу, а другие отправились в ближайший лесок, подыскивать подходящие де-

ревья для постройки плотов. Несмотря на потери выучных, понесенные каламцами, обоз из повозок и колесниц, все же растянулся довольно обширно, и был нагроможден разнообразным скарбом, хоть не очень богатым.

Вперевалку лениво спустившись берегом, использовавшимся варварами для заготовления рыбы, служка-поваренок, недовольно бурча под нос, залез по щиколотку в воду, ища место, куда бы сбросить помои. Наконец, побродив, быстро вбухнул в реку нечистоты, которые разметав рыбы потроха, раскрыли блистающую гладь воды, где всплыв брюхом вверх, белела туша огромной рыбы. С опаской вглядевшись, паренек в ужасе отскочил и, дрожа как лист, убежал сломя голову. То, что он принял за рыбью тушу, оказалось телом человека.

Прослышав о странной находке, казалось такой обыденной во времена войн и смертей, но все, же всегда такой знаковой, мудрец поспешил к берегу нечистот, полагая, что подобные находки, боги не являют людям понапрасну.

Спустившись вместе с поварами к протоке, абгал сам полез в воду и, раздвигая рыбные потроха и пузыри, увидел то зачем пришел. Это был мальчик лет десяти, чье обнаженное тело, лежавшее на животе, можно было принять за брюхо рыбы. Из одежды, на нем был лишь свернутый отрез набедренной повязки. Тело лежало здесь уже давно, и пото-

му наверняка уже было бездыханным. Старик разочарованно вздохнул. Развернувшись, он собрался уже уходить, но звук выпускаемых пузырьков заставил его обернуться. Подскочив к мальчику и переворачивая тело, он подозвал сопровождавших его поваров, приговаривая:

– Мальчик жив, это чудо. Рыбьи пузыри поили его дыхание, поэтому в нем билось сердце. Это божественный знак, неспроста его оставили жить. О, всепрощающий Энки, ты даруешь мне возможность искупить неискупное, исторгнув из вод Абзу дитя прощения. Я взращу и воспитаю его как своего сына, дав ему то, чего он лишен теперь, и что я смог бы завещать несчастному юноше погубленному мной.

И трепетно взяв его на руки, понес к своему шатру, подбадривая постанывавшего ребенка:

– Дыши, дыши дитя, ты должен жить теперь, когда тебя спас сам Абзу по слову мудрого Энки. Твой жизненный путь только начинается, а я помогу тебе понять смысл ее и найти путь предначертанной судьбой, я научу тебя великим знаниям и открою дверь к тайнам божественного мироздания, и мы пойдем с тобой по земле, неся добро и справедливость.

Войдя в шатер к лекарям, Шешу пожелал увидеть абгала. Ему доложили, что старый лекарь совсем выжил из ума, и принимает варварского мальчишку за покойного кингалья. Обеспокоенный за здоровье старика, он пришел сразу как

смог, чтоб удостовериться самому. Но к своему успокоению, увидел, что тот пребывает в добром здравии и в крепости ума. Подойдя поближе, он увидел то, что явилось причиной слухов: старик с отеческой заботой крутился возле больного мальчика, который бредил в горячем поту, ведун вод же, накладывая мокрую тряпку ему на лоб и опаивая зельем, был заметно повеселевшим. Присевшему подле ложа Шешу, только и оставалось спросить причину столь разительной перемены в настроении старика. На что получил ответ, что боги смилостившись над ним, вернули Далла-Дина к жизни в теле этого мальчика. Покачав головой, лушар хотел было возразить, но увидев счастливое лицо, не посмел портить настроения старого лекаря. Заметив это, абгал улыбнулся и сказал, что просто дух Далла-Дина соединился в теле с духом мальчика, сознание же, останется у мальчика прежним, с его прежними воспоминаниями и переживаниями. И он сам не будет знать, что он теперь там внутри себя теперь не один, может быть, лишь иногда обнаруживая в себе что-то новое, доселе неведомое.

– И как зовут, этого странного мальчика?

– Мальчик долго пробыл в воде и пока не приходил в себя, он бредил и повторял на своем языке одно лишь слово. И слово это – Ааш. Я немного понимаю язык варваров, и знаю, что оно означает у них надежду и ожидание, это и стало для меня знаком обозначающим прощение. И я смогу надеяться на него, приняв и воспитав мальчика как родного сына. Ведь

ничто не позволяло выжить ему в этих условиях, и все же он выжил, выжил, один из всего....

В этом выдохе и блеске в глазах старика, Шешу вычитал осуждение кроволития и сочувствие к варварам, что посчитал неуместным. Почувствовав это, старик поспешил добавить:

– Вероятно, он из тутошних рабов, ибо найден в месте их труда. Ааш, можно его просто так и называть. Но он дарован нам божественной мудростью Энки в наше искупление, и потому я буду звать его А-Аш-Ме-Ди, ибо он сохранен водой по воле закона мироздания, пусть же и сам он приносит его людям.

Тут вошел порученец с тревожным сообщением, что йаримец воспользовавшись неразберихой, пропал вместе с «посуленным» золотом, вероятно подозревая, что пришельцы не сдержат своего обещания и его постигнет участь кукулунов. Встревоженный военачальник, несмотря на полуденный жар, велел немедленно выступить. Остаться теперь было опасно.

Часть 2. В бегстве.

Глава 1. Астарот

1. Нибиру. Праздник

В просторных приемах Нибиру, празднование в честь прибытия нового энси города и его земель, было в разгаре. В обитаемых землях, среди знати при дворе, и в делах госу-

дарственных и торговых, применялся изящный язык – эмеги, но в обиходе кроме него, бытовало множество разных наречий, и чаще на севере люди разговаривали между собой на языке ки-ури.

От огней в тысячи медных и глиняных светильников все освещалось так, что с одного конца можно было увидеть как на другом конце иноземные гости, развалившись на ложах, лениво поедая изысканные блюда и сладости и ковыряясь в зубах, смотрели на разворачивающееся представление. Послушницы милосердной матери мира Инанны, прекрасной покровительницы храбрых воинов, именуемой также по-ки-урийски Эштар, давали представление. Размеренно виляя широкими, упругими бедрами, полуобнаженные прелестницы храма под звуки струн за-ми, притоптывая, кружили в танце, восхваляющем госпожу страстей. Медленно пританцовывая, на середину в такт под мерный стук бубнов, вышла танцовщица, облаченная в длинное до щиколоток платье и, выступая вперед, постукивая бубенцами, запевала грудным голосом:

– Таб-И-Ти Инанн-Нин, Та-Би-Ти Инанн-Ни.

Таб-И-Ти Инанн-Нин, Таб-Ит-И Инанн-Ни. -

«Свяжи в ночь жизни, Инанна богиня, проливающаяся лунным светом – досточтимая Инанна. Поспешим, глядит уж месяц – Инанне госпоже, соединяющую реку восславить – Инанны силы».

Подпевая, ей вторили остальные. Она же, раскачиваясь и

плавно покачивая бедрами, озирая сидящих перед ней зрителей, переливающимися цветами из серповидных разрезов, ударяла в свой бубен с бубенцами и притоптывая ногой, пела с все более усиливающейся твердостью в голосе, двигаясь с каждым напевом все стремительнее:

– Та-Би-Ти-Ина-нна, Та-Би-Ти Инанна.

Та-Би-Ти-Ина-А-ни, Таб-И-Ти Ин-А-На.

За ней все так же вторя, послушницы пели и плясали все быстрее, и эта песня возрастала с все большим нарастанием.

«В этот срок жизни, в сей час, раскрывая объятия нас примет Инанна. Отдадимся ж и встретим в почтении, сгорая в лунном свете дивного образа».

Скудные меняющие смысл слова песни, выговаривались скорей для ускорения возбужденного состояния танцовщиц, заводящие и всех находящихся рядом.

– Та-Би-Ти Ин-А-Ни, Та-Би-Ди Инанна.

Толмачи иноземных гостей, сами путавшиеся в значениях произносимых строк, взявшись переводить их и окончательно запутавшись, бросили это пустое занятие, поняв, что каждое произнесенное заклинание предназначено только самой богине, и смысл их неизвестен несведущим людям.

«Не просто стенаньями жизнь породим, сделаем то для Инанны».

В конце концов, танцовщицы довели себя до такого восторженного возбуждения, что казалось, они сейчас в наслаждении, находятся в чертогах самой богини красоты.

– Теш-Така! Теш-Та-Тар!

Иш-му-ду! Иш-му-ду! Иш-му-ду!

Резко, закончили они свои речитативы.

«Прочь стыд! Совокупляясь, освободись разрушая! Сношайся! Сношайся! Сношайся!».

И доведя себя до иступления, пустились в бешеный пляс, дико вертя головой и тряся распущенными волосами, крутя и двигая всеми частями тела, которые будто не имея костей, извивались словно змеи. От восторга увиденного и услышанного находящиеся здесь зрители, бывшие в изрядном подпитии, заразившись неистовством, также подхватили этот дикий танец разгульности и бесстыдства, и, забыв все законы приличия, долженствующие соблюдаться людьми их положения, запрыгали рядом как простые уличные бродяги. Между тем, музыка так же стремительно и резко оборвалась, завершая этот неистовый дикий танец. И на последнем звучании за-ми, на последнем ударе в бала, запевавшая танцовщица, распустив волосы надела на голову, веноч из спелых злаков и скинула облегающее одеяние, и все увидели, что под ней скрывалось стройное юношеское тело. Многие, узнав в нем воскресающего бога, подскочив от неожиданности, восторженными криками встретили покровителя плодородия. В просвещенной земле благородных хозяев, не было диковинкой, что мужчина наряжался женщиной и, наоборот женщина мужчиной, напротив, именно в дни празднеств почитания благородной госпожи небес, в обычаях Калама была об-

щая перемена мест между мужчинами и женщинами. Однако после признания единоначалия Ана и Энлиля, Инанну, как и остальных богов, не почитали как прежде, и обряды их почитания проводились все реже, а ревностные поклонники грозного сына Ана, объявленного единственным исполнителем воли своего отца, и вовсе проклинали поклонение иным богам с чуждыми Энлилию нравами, преследуя их прислужников. Вот и сейчас слышались смешки, и кто-то выкрикнул что-то обидное, но встретившись с взглядом послушника, тут же прикусил язык. По устоявшимся обычаям, даже к ну-гиг – прислужницам Инанны, отдававшимся и взимавшим плату, в отличие от уличных продажных женщин, исключительно во славу своей богини, хоть и не равняли с благочестивыми женами, относились уважительно и любили. Не так относились к гала, которых презирали, считая недомужами принявшими добровольно или по принуждению, эту недостойную стезю. Но, несмотря на презрительное отношение, перед ними всегда испытывали священный трепет с суеверным страхом, и не смели открыто обидеть без причины. Ведь горе тому, кто рассердит прислужников самой Инанны: не быть сильным в постели и не будет покровительствовать грозная богиня в войнах мужам, осмелившимся ее оскорбить; не видеть счастья в семейной жизни и не родить здоровое дитя женам, недостаточно почитающим помогающей в этом заступнице. Послушники богини любви и красоты набирались с улиц, либо сами прислужники Инанны искали и

выкупали смазливых мальчиков в бедных семьях; но порой ими становились и сыновья семей благородных, дабы еще больше подчеркнуть унижение гордецов посмевших выступить против воли богоизбранного народа; наконец, кто-то сам изъявлял желание посвятить свою жизнь служению богине. Молодой танцор, изображавший саму Инанну, или Гештинанну с ее братом Дамузи – сменяющих друг друга как времена года, привлек благородных жен, белой кожей и темными волосами. И когда одна из них посетовала, что у гала усечено или подавлено мужское достоинство, энси небрежным движением подозвав жреца сопровождавшего послушниц, спросил имя юного уду. Градоначальника назначенного за особые заслуги по высочайшему повелению единоподержца, занимало все, что происходило в его новых владениях. Прислужник Инанны прошаркав лебезящей походкой, чтобы ничего не упустить склонил голову с готовностью удовлетворить любопытство нового энси, и внимательно выслушав, ответил, что этот отрок не лишен уда. Теперь вельможные жены, разглядывали его с нескрываемым вожелением, чем задевали самолюбие своих мужей и ухажеров.

– Эшта-а-а-р. – Протянул энси, повторяя имя Инанны по-урийски, будто пытаясь что-то вспомнить.

И тихо, чтобы никто из посторонних не услышал, выразил желание видеть его в своих покоях. Заохав, старый хитрец запричитал, что-то льстиво лепеча о достоинствах градоправителя, но с сокрушением сожалел о том, что юноша

прибережен самой госпожой небес и находится под покровительством богов. Расстроенный вельможа, изображая презрительную бесстрастность, недовольно проворчал, что не понимает, зачем тогда вообще таких держать при храме, если только не для выноса помоев и уборки нужников. Сановник, бывший при старом правителе лагаром, и рассчитывающий на эту должность при новом, прикрикнул на бесполого женомольца. Уду округлив глаза, выразил на бабьем лице благообразное достоинство, не понимая как можно не замечать способностей послушника к пению и танцам, так необходимых для прославления богов и услаждения их зрения и слуха, и ответил:

– Этот послушник, славится умением слагать то, что люди не могут выразить богам своими мыслями, чтобы передать им все, что кроется в их душах.

– Замысловато сказано – оценил находчивость жреца градоправитель. – Пусть тогда споет что-нибудь, или спляшет.

– Эштарот! – Торжественно возвещал за жреца, желая выслужиться, сановник. – Спой для наших почтенных гостей и высокочтимого энси, песнь восславляющую мудрость государя и благодетеля нашего, да пребудет с ним всевышний, и вечную преданность ему – его послушных и любящих подданных!

Выслушав пожелания вельмож, до того принявший сладострунный зам-ми и готовый к выступлению, эштарот начал отнекиваться ссылаясь на служение богине. На это сановник,

раскрасневшись, разразился бранью:

– Неразумный гала! Не ведомо ли тебе, что наш государь, помазанник самого неба и Энлиля, которому подвластны все боги, в том числе и Инанна-Эштар?! Так не будут ли и ее промыслы, связаны с промыслами лугалья нашего, действующего угодно всевышнему?! И не презренным эштаротам отказывать ему!

На последних словах выкрикнутых сановником, глаза эштарота беспомощно задергались, лицо побледнело, и сам он как-то обмяк. Помолчав, облизывая пересохшие губы, будто вспоминая требуемые песни, он вдруг вспыхнул, его щеки зарделись багрянцем, а глаза снова оживились. Дерзко вздернув головой, и, перебирая струны, он процедил сквозь зубы:

– Старый козел, любит сладкую лесть,

Глупый баран за клюкою поплесть.

Друг друга нашли вы, и разносится весть,

По белому свету разносится весть:

«Старый козел на барана залез»,

– Разносится весть – «Как на вертел налез,

Глупый баран растерял свою честь

Старый козел как залез, так не слез,

Глупый баран так блюдет свою честь,

Что без стыда сам налез на насест».

Старый козел, коль с барана не слез,

Глупый баран позабыл, коль про честь,

Буду я петь вам про то лишь все песнь,
Как под козлом потеряли вы честь.
Вот лишь вам вся моя песнь,
О том моя песнь,
Вот вся моя песнь.

И закинув за спину за-ми, развернувшись, собрался уходить, оставив онемевших пировальщиков с открытыми ртами. Но не смог сделать и шага, как от толчка сильных рук оказавшись на полу, почувствовал всю силу ожесточенных ударов ног городских стражников. И без того обозленные на него вниманием прелестниц, они не заставили себя долго ждать, накинувшись на кощунника по едва заметному разрешению старшего. Испуганные танцовщицы, завизжав, забились в кучку, некоторые продолжали кричать, но тут, же заткнулись от окрика. Юноша свернувшись, пытался закрываться руками, но пинки боевых сапог, пробивали его нехитрую защиту. Равномерно, как вышагивали строем по улицам Нибиру, так же равномерно, с молчаливым остервенением били ногами, и так же обыденно лупили копьями. Так же, как привыкли бить неугодных и недовольных властью, хоть изначально, в заветные и незапамятные времена – городские стражи созывались волей граждан, лишь для соблюдения порядка в городах, и защиты их жителей от лихих людей и от своеволия этой самой власти. От неминуемой гибели, послушника спасло лишь заступничество жалостливых и блудливых эрес, и нежелание энси омрачать веселье убийством

любимца богини, вызывая ее гнев. Нарушитель спокойствия был в бессознательности унесен, чтобы быть брошенным в яму и не портить праздник видом своего окровавленного тела. Праздник продолжался соитием гостей с прислужницами и послушниками госпожи неба.

2. Нибиру. Дворец.

Энси, только что удостоенный чести быть назначенным главой священного города, после празднеств в честь Инанны не чувствовал себя довольным. Проклятые нибирцы и тут не обошлись без того, чтобы не преподнести с маслом жука-навозника. Он был зол на всех: на всех этих горожан, так и не смирившихся со своей участью – быть в подчинении и полной воле наместника единоподержца; на жриц сладострастия, подсунувших этого невесть откуда взявшегося избранника богини, как будто среди десятков прислужников Инанны не нашлось послушников посговорчивее. Злился на подострастных вельмож города, дошедших в своем заискивании перед ним до того, что жители Нибиру, стали ненавидеть его еще больше. Особая ненависть, конечно же, была к самому отроку, посмевавшему дерзнуть и оскорбить самого великого единоподержца при чествовании великой заступницы. Но не меньшую злость он испытывал сейчас к сановнику, чрезмерное желание выслужиться которого, привело к столь неприятным последствиям и которое неизвестно во что теперь еще выльется, ставя его в безвыходное положение. В сущности, выбор был невелик, либо он казнит его, навлекая

на себя гнев мстительной богини и настроивая против себя граждан этого злополучного города, чьи жалобы могут стоить ему места. Ведь царю легче сменить наместника, чем ссориться с жителями беспокойных владений. Либо помилует и отпустит – попуская наглую выходку и оказывая тем самым поддержку крамольным словам, а значит самому, становясь врагом государю. А это уже может стоить жизни.

Слишком долгим бездействием он показывает трусость и нерешительность перед лицом опасности, роняя себя в глазах среди местной и особенно столичной знати. Прохаживаясь сейчас среди всей этой злорадствующей в глубине души своры претендующей на его место и только и жаждущей от него какой-нибудь оплошности, и улыбаясь в ответ на лживые любезности, он не должен выдать своей растерянности. Пусть все они думают, что у него и теперь все схвачено, и он не сомневается в том, как поведет себя дальше, а некоторая неторопливость с принятием решения, связана не с его нерешительностью, но с неким замыслом, который он осуществит в свое время. Но только в замыслах решения нет, вернее, нет самих замыслов.

Градоначальник постарался уединиться, незаметно отдалившись, выйдя из душного помещения. Вглядываясь в темнеющую даль, он попытался не думать сейчас о том, что прошло уже три дня и нужно принимать решение. С тех пор как он сменил грубую перевязь воина, на изящное облачение царедворца, каждое его движение находится под присталь-

ным вниманием, и одно неосторожное движение может снова сменить мягкие подошвы на пыльные сапоги воина. Одна эта мысль сводит с ума. Это конечно хорошо, принимать почести завоевателя бесконечных побед, но к сожалению, не из них одних состоит походная жизнь, да и не случаются они так часто как хотелось бы. Ведь не всегда твой враг, это трусливый пастух или земледелец. Иногда это прирожденный воин, чей жизненный посыл и состоит в том, чтобы убивать чужеземных воинов – таких как ты, и его нельзя никак ни склонить, ни тем более замирить, его можно только уничтожить – пленить или убить. А это, ой как сложно. А как мучительны ожидания смерти, когда каждый день проживаешь как последний, живя со страхом не увидеть следующий. Не говоря уже об унылой действительности походной жизни, когда приходится претерпевать муки холода и зноя, болезни и голода. И при всем этом умудряться сохранять порядок среди этих неотесанных болванов, чьи единственные стремления: нажраться вусмерть и найти, во что бы приткнуть свое действительно дорогое им оружие, которое уж точно они никогда не бросят. Теперь хоть петлю на шею или бежать, бежать подальше отсюда, бежать к врагам, бежать с наворованным. Если повезет, там можно безбедно прожить остаток жизни. Но что это, по сравнению с тем положением, которое он занимал теперь, к которому стремился столько времени, столько лет. Благородных много, но не каждый из них глава столь обширных земель. Даже если его примут там, это не реша-

ет всех неприятностей, если только не договориться заранее с той стороной. Золото когда-нибудь закончится, или будет разворовано или отобрано – что, скорее всего, а имея власть, можно жить до старости не боясь лишиться завтра своих богатств, и если не быть богатым изначально, то иной выбор – с каждым годом становиться богаче, есть всегда. К тому же постоянно пребывать у врагов по их милости, это значит: вечно чувствовать презрение туземцев, начиная с их высокопоставленных вельмож, кончая последним отребьем, об которых и надсмотрщик не желает марать ремней своей плети. Не самое обнадеживающее будущее.

– Одолевают муки сомнения? – заставил его отвлечься от мыслей, бодрый голос. Энси оглянулся на знакомый голос. Чашника великого лугаля узнаешь всегда, по высокому росту и царственной стати. Подойдя, прихлебывая из чаши наполненной отборнейшим дином, он подлил из сосуда и ему.

– Отчего досточтимый са-ар саги так подумал? Скорее уж муки похмелья. – Попытался отшутиться градоправитель.

– Ты можешь обманывать их, – показал царедворец в сторону веселья – ты можешь обманывать себя, но ты не сможешь обмануть меня, я слишком хорошо знаю людские пороки. Люди как это питье, глядишь на него, и оно кажется чистым как слеза ребенка, но стоит только взболтнуть и оно мутнеет от осадка, и чем оно лучше, тем больше в нем мути. Мы называем его напитком жизни, за то, что оно поднимает в нас дух и заставляет кровь в наших жилах растекаться

быстрее. Но ведь стоит его только перебрать и это уже яд, яд самый коварный, обнажающий в нас все самое отвратительное, порой то, что мы сами в себе никогда не обнаруживали и не подозревали. И каким бы человек хорошим ни был, каким бы честным не казался, каким бы добродетельным не прикидывался, в нем всегда есть то, что лучше и не вынимать. Увы, люди не боги, они не совершенны, нет хороших людей, есть люди неплохие и не очень плохие, таких больше всего, есть плохие, но не очень, а есть и очень плохие, наконец, встречаются просто плохие.

«Гляжу, в тебе он изрядно постарался это вытащить», подумал энси. Поблагодарив за напиток, он не торопился пить, внимая словам столичного гостя. Как же он ненавидел, все эти многозначительные слова всех этих умников.

– Спасибо досточтимый са-ар саги, меня и самого посещают мысли о вреде пьянства, и я со своей стороны делаю все, чтобы не допустить его разгула в моем городе.

Рассмеявшись, его гость сказал, что ценит шутку досточтимого энси, но он и вправду проникся чувством неразрешимости трудностей, возникших, из-за опрометчивого поступка какого-то юнца и хочет помочь.

– Порой, если не знаешь что делать, лучше не делай. Решение придет со временем, а может и разрешиться само собой. Иногда лучше подождать, чем действовать с сомнением в сердце. Пусть твое молчаливое ожидание вызывает тревогу у друзей, пусть кого-то из них оно лишит достатка и кро-

ва, или, обездолив, уведет в неволю. Пусть, наконец, иногда твое ожидание, будет стоять им жизни. Но что это все, по сравнению с тем, что наше выжидание приводит в смятение наших врагов, и в замешательство недругов, гадающих, какую еще им пакость мы задумали, заставляя их делать глупости, своими же руками разрешая наши трудности. Приводит их к посрамлению и поражению, а нас к победе и процветанию, вознося людской молвой все выше.

– Ждать, чтобы все обвинили меня в трусости?

– Но ждать, не значит бездействовать, ведь одно не мешает другому. Впрочем, что мне учить того, кто в умении ходить по головам и ждать своего часа, превзошел самого держателя мира. – Улыбнулся приближенный держателя мира.

– Досточтимый са-ар саги мудр, и я по своей неразумности не пойму его речи. – Так и не пригубив, в недоумении отвечивал ему верный слуга своего государя.

– Бойся предательства, бойся предать, как боишься расплескать переполненную чашу. Бойся расплескать, но не бойся сливать, чтоб не расплескалось. Презрен предавший ради богатства, презрен предавший из страха, нет этому прощенья, и предательство всегда слывет предательством, если только ты сам не разливаешь. А разливаешь...

«Вот к чему, все твои ужимки», действительно с презрением подумал Мес-э. А вслух сказал:

– То и не было предательства?

– Как будто. – Прищурившись, ответил важный гость. –

Досточтимый энси догадлив. Как видно, не раз мысли об этом посещали твою черную голову. Ты станешь тем, кого не только примут, но будут чтить своим. Уметь быть своим там, где невозможно, уметь быть принимаемым везде: не в этом ли божественная сущность? А став богоподобны, мы перестаем зависеть от правил мира, богам закон не писан, они сами их пишут.

– Советник Азуф, решил искушением испытать мою преданность государю? – Предательски дребезжающим голосом пропел энси. – Всем известно, ты тот, кто предал и восстал и снова предал, но почему-то не казнен и даже не отдален как прежде, но стал ближе. И потому я не надеюсь, что мои слова сейчас тронут доверие государя. Но если твой совет, да против тебя? Ведь стоит мне лишь подождать...

– Все верно, но ты забыл одно: здесь разливаю я, не ты. Всегда.

Видя, что последние слова напугали его собеседника, Азуф поспешил его успокоить:

– Но я не ищу с тобой ссоры, наоборот, я хочу помочь тебе в разрешении твоих трудностей.

Мес-э, дрожа от волнения, зубами вцепился в чашу, жадно хватая живительную влагу.

Луч, проникая сквозь обрешетки окон, прорезаясь их очертаниями, прохаживал по стенам спальни витиеватым рисунком. Поливая из медной лейки, молодая рабыня отдер-

нувшая занавеску, чтобы полить у окна, закончив, потянулась рукой за край, собираясь задернуть ее снова.

– Не надо. Оставь. – Кликнул ей звонкий голос.

Потягиваясь и протирая заспанные глаза, госпожа Элилу попросила одеваться. Пока юная рабыня помогала ей привести себя в порядок, Элилу болтая без умолку, жаловалась ей на жизнь:

– Если бы ты могла представить Забар, какое это мучение, знать, что он где-то рядом, лежит весь побитый, взаперти, и ты ничем ему не можешь помочь.

– Госпожа Элилу, так и не поговорила с господином?

– Что ты! Да я боюсь даже заикнуться Мес-э про него, хотя бы даже просто спросить про жрецов Инанны. Я боюсь ему подать любой повод так думать. Все, кажется, что он тут же обо всем догадается и все прознает. Несмотря на то, что ночами он меня редко навещает, если он хотя бы заподозрит, что у меня в мыслях кто-то другой, я боюсь даже представить, что будет. Он ведь не испугается даже позора, хотя конечно, не посмеет подвергнуть меня утоплению, но отправить меня к моим бедным родителям у него рука поднимется.

– У госпожи родители не бедные и очень уважаемые люди, а предки господина Салаха были лугалями в Нибиру.

Элилу с пренебрежением вытянула лицо:

– Ну что это, по сравнению с тем положением, которое занимает мой муж, с тем богатством, которым он владеет?

А пройдет совсем немного времени и он станет заседать в совете Киша. И что я тогда со своими уважаемыми и именитыми предками буду делать в этой глуши, если вдруг он от меня откажется? Он итак, со мной так редко бывает в последнее время. Где он был этой ночью?

– Господин Мес-э очень важный человек, у него много важных дел. – Говоря это, рабыня старалась всем своим видом показать, что вся проникнута несчастьями госпожи и искренне пытается ей сопереживать, но ее внутреннее безразличие к чаяниям юной хозяйки, выдавал невозмутимый вид. Впрочем, вельможная красавица, погруженная в себя, не замечала коварного бессердечия служанки.

– Пфф, знаю я, как он занят. Всем известно, что он с некоторых пор предпочитает смазливых мальчиков и юношей, а может всегда их любил. А ведь когда-то он признавался мне в любви. Ты же помнишь, каким он был тогда. Ты помнишь, какой он был?

– О да госпожа, как не помнить, какой был красавец благородный сокрушитель варваров, разоблачитель изменников и гроза трусов. Мечта всех женщин Калама.

– Ну как мне было устоять перед ним. Ведь из всех благородных девиц единодержия, он выбрал меня. Если б я знала, что ему нужна всего лишь удачная женитьба на первой красавице, ради его не допоенного честолюбия. – Говорила она, пока Забар рисовала ей брови, соединяющиеся на переносице.

– Господин должен быть благодарен госпоже, ведь женитьба на ней и помогла ему, наконец, поставить коней в стойло.

Элилу раздраженно рассмеялась.

– Забар, ты рассуждаешь как настоящая степнячка. Вправду говорят, сильна кровь дикаря, долго родство. Я и без твоих подсказок догадываюсь, что была для него лишь ступенью к высотам.

А мне казалось тогда, что он меня и вправду любит, а я его, да так, что и позабыла про все... Оказывается не все. Стоило только понять, что не все крутится вокруг меня, прежде вспыхнуло с новой силой, но теперь с осознанием, что ничто уж не вернуть. И я смирилась с мыслью о том, что всю жизнь буду терпеть: не быть любимой и не любить. Но когда я увидела его, во мне будто вспыхнул огонь новой жизни, и мне безумно захотелось подойти к нему – юная эрес мечтательно подняла глаза, – чтобы снова говорить с ним, как тогда, слушать его песни, которые он пел мне и посвящал только мне, а не этой строптивой гордячке. Смотреть ему в глаза и улыбаться от счастья, зная, что он мой и он со мной, и прикоснуться к его груди, слушая как под ней, от волнения стучит его дикое сердце, и как дрожь запотевшего тела отдается в мою ладонь.

– Что поделать госпожа, это участь с которой всем нам приходится смиряться. И я не была рождена рабыней, и родители благородной эрес сошлись, не любя друг друга.

Сказала рабыня, все с тем же невозмутимым видом.

Недоуменно захлопав длинными ресницами, эрес рассерженно осадила распоясавшуюся служанку, забыв о том, что только что сама ждала от нее советов:

– Забар, ты забываешься! Дело ли глупой рабыни, рассуждать о господах, да еще равнять себя с ними?!

Задрожав, Забар не чуя ног, в ужасе пала ниц:

– Оо, досточтимая благородная егир, пусть простит она свою глупую рабыню, недостойную касаться следов ее, но, позволившую длинному и негодному языку коснуться ее достойнейших родителей, чья любовь друг к другу неоспорима и чьи отношения являются примером верности.

– Встань, встань Забар. – залепетала Элилу, жалея, что напугала свою верную хранительницу тайн. – Тем более я и сама знаю, как они крепко любят друг друга, и я не могу обижаться на ту, чьему сердцу не понятны высокие чувства.

– Я знаю, что ты думаешь. – Продолжила она, когда успокоившаяся рабыня, заканчивала ее прихорашивать. – Ты думаешь, что раз он чужеземец, то он такая же челядь как ты, или того хуже. Ошибаешься, он никогда не был рабом. Когда мы в первый раз с ним встретились, он был приемышем старого абгала, хотя и жил при храме послушником. Старик называл его сыном и учил всяким своим премудростям. Так что он грамотнее многих господ, кичащихся своим происхождением. Боже! Как же больно сознавать, что это всего лишь мечты, и ничего уж не вернуть, а он лежит там и умирает, а если и останется жить и его не казнят, то всю остав-

шуюся жизнь проведет с ярмом на шее, раскапывая отводы вод.

Из больших глаз эрес, заблестев, каплями задерживаясь на ресничках, потекли струйки.

Едва успокоив госпожу, хитрая рабыня решила отвлечь ее разговором о том, что объединяло их мысли, поправляя на ее голове накладные волосы:

– Сейчас в Кише, стало принято укладывать голову волосами по примеру йаримийских, состригая с плененных варварок их светлые пряди.

– Забар! – обиженно с негодованием вскричала на нее хозяйка, – Как ты, зная об этом, не позаботилась еще о том, чтобы и мою голову украшала копна золотых прядей?!

Когда обрадованная тем, что удалось перевести разговор, рабыня начала притворно извиняться, оправдываясь тем, что сама, как только об этом услышала от придворных рабынь, прибывших вместе с посланником единодержца в Нибиру, тут же сообщила ей, Элилу выказала желание, иметь это новшество у себя на голове.

3. Скитальцы

Худая рыжая собака рылась в соре, тщетно пытаясь найти там что-нибудь съестное, наконец, раздобыв старый почерневший кусок, она с усердием начала его обглаживать. Под стянувшейся от голода как вяленая рыба, кожей, проглядывали ребра, а рваные, облезлые проплешины, свидетельствовали о нелегкой бродячей судьбе, грязный обрывок же на ее

шее, напоминал о хозяйских милостях. Нин взглянув на нее с сожалением, невольно сравнила ее с собой. Сколько лет она уже скиталась по городам и селам враждовавших друг с другом столиц в обществе скоморохов? Казалось всю жизнь. Но ведь она помнила и другую жизнь, жизнь, лишенную скитаний и постоянного недоедания. Та жизнь ушла безвозвратно. А ведь тогда в детстве, казалось, она будет вечной. Но коварна бывает судьба к людям, когда богам вдруг вздумается повернуть что-то, чтобы что-то там у себя исправить или просто посмеяться над жалкими смертными. И тогда Намтар, мог одним своим решением перечеркнуть судьбы людей и целых народов. И вот, снова умирал супруг сладострастной Инанны, казалось теперь уже навсегда и никогда уже не воскреснет. И оттого, поля переставали давать урожай. И растекались по землям люди гонимые волей бога Нинурта; убежали из городов и селений, спасаясь от кровожадности Эркала, развязывающего нескончаемые войны, ради того, чтобы преподнести бессмертные души в дар своей жестокосердной супруге. И приходили болезни, приносимые злыми имина-би прислужниками Ашаг. И тогда, зной и холод, казалось, наступали вместе, принося ко всем несчастьям на землю, еще и мор и голод.

С теплотой и болью в сердце, она все время вспоминала счастливые дни детства, когда отец и мать были еще живы. Не проходило дня, чтоб она об этом не думала, а все годы, прожитые после пришедшего несчастья, пролетали для нее

так быстро и незаметно, словно их и не было. В сущности, для нее после этого закончилась сама жизнь, и она со смирением ждала только ее завершения, чтобы там за гробом, быть может, встретиться с любимыми родителями. А жить, предстояло еще ой как много. Конечно, она все еще надеялась на то, что все в ее жизни еще будет, но это будет другая уже жизнь, без прежней безмятежности, но надежда все еще теплилась там внутри, и питала веру в лучшую жизнь. А пока оставалась надежда, умирать не хотелось.

Она помнила, каждый камешек в доме, в котором жила когда-то, каждую щелочку, помнила каждый косогор мест, где любила бывать. И казалось, попади она опять в те места, там все будет как прежде, стоит только туда пойти, и то, что было – вернется. Но прошедшего уже не будет, и ничего, увы, не вернуть. Нин тяжело вздохнула. Опять вспомнилось, как отец, приходя со службы, возился с ней и с ее маленьким братиком. Он помнился ей сильным великаном, которого слушались суровые воины и от окрика которого приходили в трепет, а вся их суровость в мгновение исчезала. Он уже достиг таких высот, что мог позволить себе оплачивать ее обучение, и она начала получать знания, к которым ее любознательный ум был так пытлив. Иногда, к ним в гости заходили его друзья и тогда у них закатывались веселые застолья. Но эти застолья никогда не были обычной попойкой или развратной гулянкой, которые доводилось не раз ей видеть после у других. Это были просто дружеские посиделки

старых друзей, решивших вспомнить старые времена. Тогда, она любила слушать их бесконечные рассказы о городах и далеких странах, и наверно именно тогда, у нее зародилось это страстное желание отправиться куда-нибудь далеко и самой посмотреть на то, о чем так много слышала. Всей своей небольшой семьей, они были как единое целое, и казалось, ничто не в силах было разломать этого единства. От воспоминаний об этом становилась уютно, и приходило успокоение, как будто все это было рядом. Пока за ним не приходило осознание, что всего этого больше нет, и не будет уже никогда, а эти воспоминания, в одиночестве не с кем даже разделить. И тут же в памяти всплывало, то злое утро, когда ей едва начинающей вступать в жизнь, довелось познать ее тяготы.

Она хорошо помнила, как возвращаясь с учебы, спускалась к ограде родного дома с перекинутой сумой для писчих дощечек, и как уже у входа почувствовала что-то неладное. А войдя, увидела человека, которого она хоть и знала как одного из соратников ее отца, но не настолько близкого, чтобы посещать их дом для дружеских посиделок. И вот в то утро он стоял на их дворе: кингаль начальствующий над ее родителем, человек, чьи приказания ее могучий отец – которого боялись суровые воины, должен был выполнять беспрекословно, способный приказывать ее отцу, так же как тот приказывал своим воинам. Она хорошо это помнила. Он стоял и говорил, что-то ее матери, а та слушала его и тихо всхлипы-

вала. Она не слышала ее плача и не видела ее лица, которое мама старательно прятала, чтоб не напугать ее маленького братика, но подергивающие плечи выдавали ее. А она, поняв, что случилось что-то непоправимое, шла в оцепенении, боясь узнать это страшное. Но этот воитель высокого чина с каменным лицом, только заметив ее подходил сам, считая видимо, готовой уже принять суровую действительность. С ужасом она смотрела на него, мысленно крича и умоляя не подходить к ней. Но это каменное лицо неумолимо приближалось. Казалось само время замедлило свой ход, настолько оно было чужо и страшно. Наконец, он сделал то, чего она так боялась. Он сказал, что ее отец настоящий пример мужества для всякого воина, и что всякий бы хотел иметь такого отца, который не щадя своей жизни встанет на защиту родного отечества, и что она должна гордиться таким отцом... О чем он говорил дальше, она уже не помнила, память об этом заволокло туманом, а после...

А после было угасание. Вначале, как кингаль и обещал ее матери, товарищи отца по оружию помогали семье, и они жили благодаря их милости, что-то около года. Но как говорят старики – время стирает камни. И вот постепенно перестали навещать те, кто клялся не оставить их одних в беде, потом и помощь от них стала приходить все реже, затем не стало и ее. Потом были скитания. Мать, чтоб прокормить детей, сходилась с мужчинами, но те готовы были воспринимать ее лишь как женщину удовлетворяющую похоть или

служанку. В конце концов, она вынуждена была пойти в закуп к богатым людям. Младший братик, не выдержав долгих испытаний, вскоре умер. Поплакав над его крохотным, худеньким тельцем, они его тихо похоронили, но мать после не оправилась уже и оставила маленькую Нин одну. Наверно и ей бы пришлось уйти вслед за ними, или новый хозяин матери сгубил бы ее вконец на работах, или еще что хуже, если бы не встретился в ее жизни скомороший обоз. Мало ли сирот и нищенок бродят по землям благородных. Но они подобрали ее: голодную, холодную, всеми обижаемую. Может оттого, что она кого-то напомнила им, кого-то из их далекого прошлого, или оттого что она в отличие от других нищенок могла разбирать письма на указных камнях. Кто знает. Как бы то ни было, она давно стала своей для них.

Окрик Хуавы отгоняющий псину, заставил ее оторваться от воспоминаний. Свесив голову с крыши возка, она увидела и его самого, швыряющегося камнями. Взвизгнув, собака жалобно заскулила поджав хвост и потрусилась прочь. Сочувствуя несчастному животному, девушке захотелось наказать ее обидчика. Схватив в охапку пожухлой травы, она обрушила ворох на голову великану. Испуганный скоморох, замычав, отчаянно замахал руками, защищаясь от невесть откуда налетевшего «роя». Своими неуклюжими и нелепыми маханиями, он напоминал Нин медведя, подвергшегося падению ос. Выдав себя победным смехом, юная озорница, легко спорхнув мотыльком на землю, подпрыгивая, ускакала

от гнева осерчавшего дурачка.

Возок, из-за упрямства ослов, был крайне неудачно поставлен. Скоморохи приехали в ночь, поэтому разбираться, куда его ставить, не было ни времени, ни возможности. Когда донимала усталость и смыкались веки, хотелось спать, и главное было добраться до места и найти пристанище. Переставить же воз собирались, как только рассветет. Но вспомнив о том, что следует просить разрешение на остановку у местных чиновников, глава их небольшого сообщества с утра отправился в город. Оставшиеся под ворчливым присмотром его жены, не стали зря самовольничать, занимаясь своими делами. Раскрасневшаяся от бега Нин, утомившись, уже снова сидела на тростниковой крыше возка, не опасаясь отходчивого великана, и подшивала поизносившиеся наряды, Хувава бродил тут же внизу и расчищал становище.

Лищедеи на протяжении многих лет играли одни и те же образы, поэтому по негласным законам помимо личных имен, данных при рождении, у них были вторые – имена их образов, которые со временем становились родными. Нин например, уже и не помнила как ее называли при рождении: мать при разговорах, чаще просто обращалась к ней – думу-сал (доченька), а отец называл своей эрес или нин, как будто предопределяя ее будущее (Думал ли он, что через несколько лет, от удачного воплощения его дочью высокочтимых жен и цариц, и самой госпожи небес, будет зависеть,

прибавиться ли в ее суме ячменной лепешки?), маленький братик тоже называл ее просто – нин (сестра), а после, самое безобидное прозвище, которое она слышала от людей, было попрошайка, и только с появлением бродячих шутов, снова появилось это забытое и до боли родное – Нин. Тогда, как раз некому было играть вельможных жен и хозяек, а жена старшины этой скоморошьей дружины – своенравная Аль-Эги, ни в коем случае не желала менять образ томных царевен на зрелых женщин. Но может, Пузур заметил тогда в маленькой девчушке, что-то толкнувшее его через двенадцать две луны, как только стало возможным, предложить ей бывать наряду с Эги – самой всемилостивейшей госпожой. Впрочем, Эги ревностно относящаяся к любому соперничеству, этому яростно противилась, но муж здесь проявил твердость. Так и повелось у них с тех пор, юных красавиц и застенчивых барышень играла зрелая гашан, а заботливых жен и сварливых теток – отроковица саг-гемме. Потому и стали теперь ее называть Аль-Нин, или просто – Нин.

Гир – бывший вояка ушедший на покой, под чьей охраной находился их небольшой стан, разведя костер и время от времени помогая с обедом старой знахарке, сидя на передке, старательно подправлял снаряжение. Он приостановил свое занятие, прислушиваясь во что-то отдаленное, и, соскочив с престола, всполошил маленькое становище, призывая немедленно убирать возок с дороги. Его опасения были не напрасны: мимо них, сметая все на пути, на волокуше про-

тащила городская стража, увозя бессознательное тело очередного злодея. Нин не встречалась с ними так близко, старательно избегая подобных встреч, теперь же поневоле она была рядом, так близко, как только можно, успевая разглядеть разбитое от побоев и залитое кровью лицо. Приглядевшись в него, она охватила каким-то странным чувством, будто вместе с этим вернулось что-то родное, откуда-то из далекого прошлого, и даже не из счастливого детства, а откуда-то еще, откуда-то не из этого мира. «Что с ним будет, когда повозка исчезнет за поворотом? Что с ним сделают там?» – Тревожно думалось ей, когда она провожала взглядом, удаляющиеся сани для перевозки разбойных. Ей сейчас, впервые не хотелось, чтобы она пропадала из виду.

4. Божественная воля

Схватившись в схватке, мужи из последних сил пытались свалить один другого, настолько много по их лицам читалось отчаяния одновременно с непримиримым ожесточением, но видно, что никто из них не в силах взять вверх. Жилы поверх мышц скатавшись в тугие узлы, кажется, вот-вот готовы разорваться под напряжением, как разрывается переполненный пузырь. Они же, вцепившись крепкими перстами своих могучих рук, готовы разорвать друг друга. В этом сплетении тел, казалось, сошлись друг против друга все силы вселенной: огонь – вода, свет и тьма, небесное и земное, людское и животное, созидание и разрушение. Благородное лицо, искаженное яростью одного и звериный оскал другого, ясно да-

вали понять, кто здесь есть кто.

– Что досточтимый абгал, скажет об этом? – Победно улыбаясь, спросил старый ваятель, отрывая ошеломленного гостя, от созерцания творения.

Абгал, отойдя от оцепенения, ответил не сразу, продолжая разглядывать с открытым ртом запечатленную ваятелем борьбу сил.

– Кто мог сделать такое? Разве вообще, подвластно человеку божественное? – Только и мог спросить видевший многое старик.

– Досточтимый абгал прав, это не дело рук человеческих. А чьей? – Как бы сам себя, вопрошая, начал рассказ ваятель. – Ты знаешь, сколько лет уже, я вырезаю, леплю и отливаю во славу богов и для блага людей. Но мне всегда хотелось создать что-нибудь действительно божественное, такое, отчего я мог бы сказать, что да, я прожил жизнь свою не зря. И вот, прохаживался я как-то вдоль реки, чтобы разведать где можно найти хороший камень или глину для своего творения, и вспомнил, что где-то здесь в лесу есть место, где когда-то в пору моей молодости, я знал, была податливая и светлая глина, а такая как известно для ваяния самая пригодная... Удивительно, как раньше я туда еще не заглянул... Правда должен сказать, до сей поры, я не мог еще знать всей прелести жизни, чтобы сотворить что-то стоящее, а для обыденного сойдет и суглинок с оврага... О чем это я говорил?... А, да. И так незаметно для себя, набрел на буре-

лом леса. Побродив там, я уже отчаялся было найти заветное место, как вдруг мне в глаза бросилась странная чета. Вышеясь посреди поляны, крепко сцепившись друг с другом, как два исполина, стояли обдуваемые всеми ветрами – дуба дуба и тополя, волей самого Энлиля дивно сплетенные между собой. Приглядевшись, я узнал в них самих богоравных братьев, сошедшихся в смертном поединке, еще до того, когда они стали называться братьями, в то время, когда по молитвам людей, великой Аруру – был явлен на землю звероподобный образ Энкиду. И хоть я не работаю по дереву, я сказал, что это чудо и приказал взять их в мой дом.

– Это правда? Оно так и росло?

– Конечно мне пришлось внести свои правки, чтобы открыть людям глаза на то, что видел я. Но ведь я руководствовался волей богов, явивших мне это чудо.

– Не думаю, что жрецов и круг Энлиля, удовлетворят такие доводы. – С сомнением сказал абгал.

– Почему нет?! То, что я сделал их тела и лица более выразительными, не означает, что сотворены они не богами! – Горячо начал доказывать свою правоту ваятель.

Еще раз, взглянув на творение, абгал с еще большим сомнением возразил:

– Нет. Поначалу у меня еще были сомнения, как примут эту дивность наши уважаемые старцы, но теперь когда я знаю, что это дело рук человеческих, я боюсь не столько за истуканов, сколько за сотворившего их. Нашим старцам

не ведомы красоты жизни. По их мнению, в изваяниях все должно быть чинно и нарочито строго, как ваяли прежде, даже если они изображают не богов а людей. Сколько раз мне приходилось терпеть это. Я уж не говорю о том, с какой ненавистью встретят твоё творение другие чудотворцы: ваятели и художники.

– Божественное!! Божественное!! – Вскричал обиженный творец. – Я сказал, что я лишь раскрыл людям божественную сущность творения! А это не рукотворение!

– Пусть так. Я – тебе поверю, поверит народ, может быть, поверят даже вельможи, но поверит ли совет, а хуже всего, примут ли это уважаемые зодчие. Мой тебе совет, уничтожь это творение. Уничтожь, пока никто не прознал, про то, что ты сотворил... Я говорю это с болью в сердце, ибо оно наполнено любовью к тебе, но еще жальче мне это дивное творение, пусть не сотворенное богами, но я верю, подсказанное ими. И не спорь, ибо сотворенное человеком чудо, куда ценнее божественного, ведь богам легко сотворить чудо, но смертному – кажется невозможным. И тем важнее, когда кто-нибудь из смертных, своим трудом и прилежанием добивается божественного, и смущает умы тех, кто подобно застоявшейся воде стоит на том, что человеку недоступно дивное. Это не значит, что я не признаю в самом человеке огня божественного взора, но...

– Хватит!!!.. Замолчи!!!.. – Трясаясь от негодования, вскричал придворный зодчий. – Что можешь знать о боже-

ственном, ты – тайный поклонник Тиамат?!

– Погоди, я не...

– Я давно подозревал в тебе безбожие, но никак не находил этому подтверждения. Но теперь я точно вижу, что ты мерзкий богоборец.

– Что ты, говоришь такое?? – В ужасе промолвил старик, не ожидавший от старого друга таких слов. Он прекрасно знал, что ждет того, кого уличат в безбожии, но при этом сейчас это его волновало меньше всего. Больше его удручало то, во, что превратили его друзей и всех людей, эти бесконечные словоблудия государевых жрецов и их приспешников. Даже и он – его давний друг, подпал под их влияние. – Ты же знаешь, что это неправда. Да и что было бы, если даже это было бы так?

– Что было?! Да безбожник, хуже иноверца! Иноверец имеет веру в бога, пусть в своего бога, но верит, а значит в нем есть душа и потому он человек, а вы безбожники – против бога, и потому твари бездушные.

– И даже лучше те иноверцы, чьих богов мы почитаем исчадием зла, которым в кровавую жертву они приносят сердца наших добрых единоверцев?

Зло промолчав, на замечание человека называвшего его другом, и не находя, что ответить, ваятель еще больше воспалился:

– Вы... вы... в вас нет сострадания, вы лишены любви, вы не цените дружбу, у вас нет чувства долга и родины.

– Друг мой, прости меня, если мое беспокойство о тебе, задело твои чувства, но клянусь богами, клянусь Энки – мудрейшим из богов – попытался уладить все миром старый мудрец, – что я лишь боялся за твою судьбу из-за созданного тобой творения.

– Скажи лучше, что зависть одолевает тебя. Тебе ведь ни разу не удавалось закончить начатое.

– Разве стал бы я утверждать, что это твое творение, если бы завидовал? И я не пойму, что тебя так разозлило в моих словах. Но, что бы это ни было, прими мои извинения, и пожмем же друг другу руки в знак примирения. Ты ведь мне так и не сказал, нашел ли ты ту самую глину.

Замкнувшись в себе, друг его молниеносно изменившийся, сухо отрезал:

– Уйди.

На свою попытку вразумить его, абгал лишь снова слышал, сухое: «Уйди».

– И это ты, мой друг. Что с тобой? Я не узнаю тебя. О боги, что творится с людьми в нашем мире? О Энки, вразуми их. Только ты в силах сейчас помочь им. – Сказал в сердцах старик удаляясь.

Потянув телом Аш, убедившись, что ничего не сломано, попытался повернуться на другой бок. Сторона, на которой он лежал, онемела и неприятно покалывала, поэтому он захотел сменить положение. Пошевелив распухшими губами,

он почувствовал во рту неприятный привкус застоявшейся слизи смешанной с кровью. Все тело ныло, а голова ходила ходуном и даже при легком движении начинала гудеть и раскалываться, что больно даже думать, а от сухости во рту одолевала жажда. Он прощупал холодный пол рядом, в надежде найти воду, чтобы утолиться, но тщетно. Единственное спасение – постараться забыться. Но мысли упорно лезли в голову. Думалось почему-то не о том, что с ним стало сейчас, вспоминалось прошлое. Смутно выступали образы матери и людей, с той, казалось уже чужой, не его жизни. Странно, он ведь тогда не был уже ребенком, ему было уже почти четыре тысячи дней, около ста тридцати месяцев, двадцати времен года или десяти лет. Он должен был все это хорошо помнить, но помнил только смутные обрывки из прежнего, будто кто-то смыл все это из его памяти, как смывают с ног придорожную пыль после долгих странствий. Но отчетливо он помнил, что удивительно и страшно, лишь одно: тот день, когда лишился всего, что было родным и не удерживалось в памяти. А из того хорошего, сохранилось очень мало, но достаточно, чтобы помнить кто он и откуда пришел в этот чуждый для него мир, и чего его лишили когда-то, те – которые называют себя людьми образованными и милосердными, а его и таких как он – кровожадными дикарями.

Время от времени, в его видениях всплывал ласковый взор лазоревых глаз и смущенная, даже виноватая отчего-то улыбка. И тогда он вспоминал и свою мать с вечной печалью

на лице, и того, к кому матушка относилась не как все, с благоговейным трепетом, но в ней он замечал какую-то странную боль к этому человеку, такую же, пожалуй, какая связывала их. Он помнил, как пугал его один только взгляд из-под сведенности черных бровей, которым волхв порождал в людях не только страх, но и безмерную любовь. Впрочем, были и те, кого не затронули его черные чары, хоть он и был первым жрецом их бога, имя которого его память не сохранила. В памяти сохранилось, как старая безумная знахарка, не единожды обвиняла их вождя, в котором страшно даже было усомниться, в похоти. Он помнил, как старался не попадаться ей на глаза, так как лишь увидя его, она шипела, что и он порождение блуда и колдовства матери, а место окольным с окольными. Но никто не трогал старую ведьму, и не наказывал за хулу на жреца, не вникая словам обезумевшей старухи. Вспоминался и тот – последний день из прежнего: Последний день страны, последний день его народа, последний день счастья, конец жизни. Перед его глазами, до сих пор стояли: столб пожарищ, крики ужаса, плачь женщин и детей и их предсмертные стоны, и хрипы умирающих. Все вокруг рвалось и металось, и некуда было спрятаться от поражающей длани пришельцев. Но мальчику, считавшему себя уже взрослым мужем, несмотря на малый для его возраста рост, зазорным казалось, прятаться от злобных и бесчестных врагов, не гнушавшихся убийством женщин и детей. Он первым делом бросился искать свою мать, чтобы защитить ее от

кровавых объятий незваных гостей. Добежав до берега реки, где женщины заготавливали выловленную кукхулунскими рыбаками рыбу, и не застав ее, он собрался уже бежать обратно, как тут голова его уперлась в чей-то дородный живот. Тут он только увидел, мощные волосатые ноги, перетянутые не по-йаримийски. Не поднимая головы, мальчик оттолкнулся от него, чтоб свернуть в сторону, но громадный каламский воин, успел ухватить его, ругаясь на своем, непонятном ему тогда языке, и начал наносить побои огромными кулаками. Намахавшись всласть, каламец поднял уже руку, чтоб нанести смертельный удар, но сухие, скрюченные старушечьи пальцы, крепко в нее вцепились. С возмущением, дружинник дернулся, чтоб вырвать руку, но старая знахарка, оказавшись на удивление сильной, не отпускала. Когда же, чтоб высвободить руку, он, выпустив мальчика, замахнулся на нее свободной рукой, она, шипя как обычно, грозно его осадил:

– Ну, давай, ударь старую женщину, как вы, трусливые пришельцы это делаете, в то время когда ваши земли делят между собой ваши хозяева, не жалея голода детей и стариков!

Опешив от неожиданной брани и старческих увещеваний, каламец на время растерялся. Знахарка же, воспользовавшись его замешательством, не давая ему, опомниться, выхватила из-под лохмотий своих многочисленных подолов, нож, выточенный из огненного камня и протертый до про-

зрачного блеска, и вонзила его, ему прямо в середину груди. Подхватив избитого мальчика, она что-то бормоча под нос, говорила о том, что его мать просила позаботиться о нем. Не имея от обессиленности, возможности сопротивляться, мальчик не мог освободиться от ее цепких объятий, и поэтому ему ничего не оставалось, как послушно следовать за ней. Она же, потащив его к реке, затолкала в старую корзину для рыб, и, не позволяя вылезать, закидывая сверху тростником, говорила с собой, будто беседуя с кем-то:

–Вот, гляди. Я спасаю это дитя, ибо он твой сын, твое рождение, он часть, продолжение тебя, живи в нем и пусть он живет за всех нас.

Оттолкнув корзину и убедившись, что за травами с берега ее не видно, плюясь и ругаясь, старая женщина двинулась навстречу врагам, уводя их подальше от камышей.

Долго пришлось ему сидеть в корзине, ожидая неизвестно чего, пока не выдерживая тошнотворного запаха тухлой рыбы, он не выскочил из корзины и, бродя опьяненный среди тростника и камышей в воде, не потерял сознания. Он не помнил, как оказался в руках у кишцев. Первое, что он видел: как чужеземный воинский начальник в ярких и пышных одеждах, что-то доказывал бледному человеку, показывая в его сторону, а тщедушный старик с несвойственной для мужей безусой бородой, горячо ему возражал. Тогда этот старик, казался ему смешным и даже уродливым своей неполноценной бородой, но мог ли он знать тогда, что этот человек

со странной бородкой, заменит ему и мать, и отца которого он не знал. Озираясь по сторонам, он прослезился. Хотя в их племенах, у мужей это и почиталось за стыд, в горе он не стыдился их, ему даже сам шатер казался чуждым и страшным, и тогда тоска, завладевшая им, вырвалась волчьим завыванием. Услышав это, старик прервав разговор, тихо подошел к нему и что-то ласково бормоча, положил на его плечо, осторожно, не желая напугать, поверх покрывала, свою тонкую, жилистую руку.

Старику все же, не было позволено взять его в свой храм Энки в Шуруппаке, равно как, и не разрешено обучаться его приемышу вместе с детьми черноголовых в доме обучения писцов в Нибиру. Сама мысль, что великими знаниями их предков может завладеть чужеземец, пугала жрецов и благородных вельмож, а уж допустить дикаря управлять и овладевать умами черноголовых, казалась кошунственной. Вместо этого, старому ведуну вод, было предложено отдать мальчика послушником в храм всемилостивейшей Инанны, чтобы позднее, быть может, стать ее бесполом жрецом. Самое почетное звание, которое только может занять чужеземец в землях благородных. Скрипя сердцем согласившись на воспитание мальчика в женской обители, абгал со своей стороны, поставил условие не раскрывать происхождение его приемыша и заручился клятвенным обещанием верховной жрицы, чтобы он не подвергся усечению и по достижении совершеннолетия, юношей смог покинуть храм, чтобы после

сделаться ему помощником. При этом однако, не оставил намерения обучать найденыша, при каждом удобном случае проводя с ним свои уроки в пределе писцов, и передавая знания полученные им самим когда-то в храмах у мудрецов-алга, почерпнутые в древних письменах хранящихся там, и те к которым привел его жизненный путь и бесконечные опыты в клетях.

После того, чего он был лишен, Аш не мог сказать уже, что почувствует себя когда-нибудь совершенно счастливым, но он и не скажет, что время, проведенное в стенах храма, было потрачено зря. Конечно, он не получал от жриц и жрецов-уду тех знаний, ради которых его наставник собирался взять его в храм Энки – бога мудрости, но здесь он приобрел любовь к музыке, песням и танцам. Он любил слушать и древние сказания, которые, из поколения в поколение перепевали, своими писклявыми голосами храмовые сказители. К тому же, абгал как и обещал, лично занимался с ним в своих покоях в пределе писцов, обретаясь чародейством, врачеванием и гаданием по звездам.

Всегда нелюдимый в чужой стране, он так и не смог сдружиться с кем-то близко, ведь даже с послушниками, которые на него смотрели косо, он держался отстраненно, а с девушками, служившими при храме, должен был быть нарочито сдержан, ни к кому не привязываясь, и не мог полностью раскрепоститься перед ними, как впрочем, и водилось у юношей в его племени с его суровыми нравами. И только

рядом с приемным родителем, он мог чувствовать себя достаточно свободно. Когда-то в ранней юности тот, покинув людей, добровольно ушел в храм бога мудрости Энки, желая почерпнутые в нем знания направить на служение людям. Уроженец Лагаша, волею судеб оказавшийся на чужбине, он не забывал про главного бога своей далекой родины, справедливого Нингирсу, и верил, что за все грехи и добрые дела, человеку воздается им по справедливости. Его твердое убеждение в силе справедливости, всегда вызывала у Аша горькую усмешку, уж он то знал силу этой справедливости, и поэтому считал, что только сам человек должен творить ее, не дожидаясь пока боги сподобятся наказать убийц и насильников, оплачивая за боль и унижения всех невинно ими убиенных и замученных. Пока же он видел, что бедные люди бедны как прежде, какую бы праведную жизнь они не вели, а грешники – воры и убийцы, живут и здравствуют и правят миром. И часто живут еще лучше, чем прежде, за счет тех, кого они ограбили или убили, и даже принимаемы с почетом во дворцах и храмах. И что удивительного, если в них обитают те же воры и убийцы. Эти его откровения злили старика; особенно учитель, возмущался тому, с каким пренебрежением Аш отзывался о жрецах и правителях. Но, несмотря на показное раздражение, азу понимал, что именно его вера в справедливость, поддерживала еще в Аше надежду на нее.

Обучаясь, Аш всюду сопровождал учителя, помогая при лечении его многочисленных больных. Тогда, он впервые

увидел ее. Один из советников энси, обратился тогда с просьбой к учителю – подлечить беспокоившую его грыжу и рассказать о том, какую судьбу уготовливает будущее. Закончив с недугом, учитель попросил мальчика удалиться, дабы в уединении потолковать с важным сановником о делах государственных, недоступных ушам посторонних. В ожидании, без дела расхаживая по двору, задумавшись, Аш неожиданно забрел в самую глубь его. Голос, внезапно раздавшийся в безлюдном дворе, заставил его очнуться от раздумий:

– Как ты здесь оказался?! Здесь нельзя чужим!

Оглянувшись, он понял, что далеко отошел от гостевой половины, и с ужасом увидел, что уже расхаживает по внутренней. Девочка примерно его возраста, чей окрик его напугал, незло засмеялась. Наверно ее так рассмешил его испуганный и смущенный вид, что она позабыла о своем напускном гневе и соблюдении необходимых правил. На его неловкие извинения она, не переставая смеяться, ответила, что не сердится и спросила, кто он и откуда здесь оказался. А выслушав, предположила, что он наверно из очень знатной семьи, раз учителем у него является такой мудрец. Аш хотел было возразить, но девочка так тараторила, что он не мог вставить слова. Она говорила о себе, о своих развлечениях, о слугах которые так не расторопны; в свою очередь желала знать, что преподает ему абгал, где он успел побывать, и правда ли, что морские рыбы живородящи. Он ей рассказывал, обо всем что знал, но не мог уже сознаться в том, что он

не из какого-то славного рода, но всего лишь дикий варвар, воспитывающийся в доме Инанны. После, они стали постоянно встречаться, при следующих его с учителем посещениях ее дома.

Однажды, когда они стали уже чуть старше, она как-то таинственно тихо, знаками приказала Ашу следовать за ней. Поднявшись по ступенькам на старую разрушенную молельню, где они часто проводили время, повлекши его за собой, она достала из щели какой-то сверток. И подозвав его ближе, развернула, чтобы показать, что в нем. Это были плиты со странными надписями, не те знаки, которые он привык видеть при чтении и написании, но скорее начертанные изображения каких-то человечков, животных и растений с предметами. Старик ему рассказывал, что в храмовых хранилищах, встречаются подобные записи древних, записанные еще до великого потопа.

– Смотри – говорила она, – здесь сам Дамузи оставил любовное послание своей строптивой супруге. Говорят, если на них поклясться в любви, то узы влюбленных будут вечны.

Едва успев спрятать дощечки на место, она, только услышав приближающийся снизу зов служанки, резким движением, втянула Аша внутрь старой, обсыпавшейся засохшими кусками суглинки и соломы вежи. Когда опасность быть застигнутыми миновала, они, смеясь над своим испугом, схватились за колотящиеся от страха и неожиданного беспокойства сердца, чтоб унять волнение. В веселом испуге, Эли-

ду захотела сравнить их биения. Притронувшись к нему, девушка замерла, стараясь не дышать. Прислушиваясь и заговорчески улыбаясь, она держала руку на своей груди, другой же коснулась его. И от этого ее прикосновения становилось приятно, и кровь горячими потоками мчалась по жилам, и хотелось утонуть во взгляде лучистых глаз. Во внезапно вспыхнувшем порыве чувств, Аш не смея шелохнуться, молча смотрел в ее глаза, она же, словно боясь чего-то, опустила их. Наверно из-за всей этой неожиданной нежности, улыбка на ее лице, сменилась какой-то потерянной грустью. Дождавшись ухода няни, девушка снова достала из тайника свое сокровище и со значимостью достойною жрецов Энлиля, провещала:

– Я хочу, чтобы мы поклялись в вечной любви друг другу, и пусть ничто не разделит нас, и наши сердца, бьющиеся в едином порыве, будут биться вместе до конца.

– Нет, мы не можем. Я не имею права... – Попытался было возразить испуганный послушник, но увидев нетерпимость решительных глаз, не посмел досказать, чтоб не увидеть оскорбленное самолюбие.

Совершив определенные действия, она, с той же важностью в голосе, закрепила их строгим наказом:

– Гляди же, теперь мы с тобой супруги перед небом и друг другом. Теперь, ничто не сможет разорвать эти узы, и никто не сможет заменить нас друг другу.

Счастливые от мнимого сочетания, будто свершенное ими

тайнство, действительно имело какую-то силу, они в благостном расположении попросились до следующего свидания.

На другой день, в дверь абгала постучались с сообщением о разбушевавшейся в ближних деревнях болезни – одной из тех, что приходит вместе с распутицей, и они с учителем отправились на ее устранение. Три месяца они помогали людям излечиваться и снова вставать на ноги, три месяца ходили из деревни в деревню, разъясняя им, что нужно соблюдать себя и свой дом в чистоте и сухости, чтобы злые димы не коснулись их и даже не осмеливались постучаться в их двери. Наконец, как только они вернулись в город, Аш первым делом, под предлогом выполнения поручения своего учителя, направился в дом важного родителя Элилу. Но ни тогда, ни в последующие посещения после, он не застал ее, а рабы на вопросы о ней, лишь грубо ворочали носы и отмалчивались. Вскоре до его слуха стали доходить вести, открывающие причину ее исчезновения. Сплетники, проходящие к абгалу, болтали, что к ней сватается некий важный господин, и он любезно принимаем в ее доме. Встревоженный юноша, хоть и не верил пустословным байкам, в глубине души все же беспокоился за судьбу любимой девушки и решил на отчаянный поступок, за который, попадись он, вполне мог лишиться жизни. Перемахнув забор, он пробрался в то самое место, где они с ней клялись на древних письменах. Не застав ее на месте, Аш решил ждать, справедливо полагая, что она обязательно придет в свое «убежище». И

вот она пришла, Аш благодарил богов, что одна. Она плавно поднималась по ступенькам, о чем-то мило улыбаясь. На ее груди, переливаясь лунным светом, сверкало ожерелье из морских жемчужин и лазурита. Увидев его, она на мгновение встрепенулась, но тут, же сделала вид, что обрадовалась встрече. Обеспокоенный Аш, боясь прямо спросить, что послужило причиной ее перемены, спросил только о ее самочувствии. На что Элилу лишь пошутила, что так о ее здоровье беспокоится только мама, но она рада, что и кому-то из друзей тоже не безразлично ее состояние. «Друзей» – это слово словно ножом кольнуло сердце влюбленного юноши, возмнившего, что после данных клятв, он для нее значит нечто большее. Но все же, с дрожью волнения и обиды в голосе, спросил ее о сватовстве, в глубине души надеясь, что это неправда, или, по крайней мере, ожидая услышать, что она этому противиться или сожалеет. Но девушка оставаясь весела, признала слухи верными, ничуть не смущаясь и не жалея о предстоящем замужестве, намекая, что они как и прежде могли бы встречаться как друзья. При этих откровениях, сердце, еще сохранявшее каплю надежды, утянуло в какую-то бездонную падь, и ему казалось, что весь мир уходит у него из-под ног. Едва сдерживаясь от боли, Аш только и смог выдать из себя:

– Ты слишком весела, чтобы просто дружить.

От бурления в нем крови, он не мог сказать это достаточно громко и внятно, и даже сам не услышал эти свои слова, но

они достигли своей цели, испортив настроение и его жестокосердной обидчице. С ее лица тут же сошла вся веселость, а сама она, выпрямившись, молча сглотнула обиду. Он между тем, распаляясь произведенным впечатлением, грустно просипел:

– Как же быстро к кому-то приходят чувства и как быстро проходят, как же легко даются клятвы и как легко нарушаются.

Эти слова укора, однако, сильно разозлили вмиг охладевшую к нему девушку и, нахмутив брови, она с гневом высказалась, о том, что как он – дикарь, грязный гала, посмел только помыслить, что может равняться с благородной девушкой черноголовых, да еще и столь знатного и уважаемого рода. И что он просчитался, думая, что правда не станет известной, а за его гнусную ложь, его следовало бы бить палками и отправить на самые тяжкие работы, как и следует, поступать с провинившимися рабами, что он должен понимать, что всякие клятвы данные обманщику не имеют силы. Засовестившись, что обошелся с ней слишком резко, юноша попытался пойти на примиренье, сознавая, что сам вовремя не рассказал ей всего. В свое оправданье он начал говорить о том, что она сама не дала рассказать ему о себе, и потому он думал, что это – оттого что ей все про него известно, и что он не раб, но приемный сын абгала – человека мудрого и всеми уважаемого. Но Элилу, в жестокой обиде лишь больше раззадорилась, и велела ему убираться, пока она не позвала слуг

и не сдала городским стражам как вора проникшего в чужие владения. Зная, что она этого не сделает хотя бы потому, что не захочет лишней огласки, Аш с чувством несправедливо обвиненного, обещал дождаться их, раз она так этого хочет. Как вдруг вопреки ожиданию, девушка до того казавшаяся непреклонной, не успокоилась, чтоб выслушать и не затопала от злости, но присев задрожала и плача от бессилия гнала и умоляла его уйти. Растерянный от девичьих слез, Аш, смог лишь едва шевеля губами обещать, не беспокоить ее больше, если его присутствие досаждаст ей.

С тех пор они не виделись. Говорили, что они с мужем уехали из Нибиру куда-то по местонахождению его службы на севере. Не виделись, до самого того дня, когда он унижаемый градскими придворными, вынужден был сносить оскорбления. И среди всей этой веселящейся толпы, плящущейся на него, он не мог не заметить взволнованных глаз, ибо хозяйка их, сидела подле градоначальника – жирное, обрюзгшее тело которого, восседало в самой среде. Он узнал ее, и от него не укрылось, то, что и она его узнала. Поэтому он не сглотнул обиды на мерзкие пожелания ее спутника, и не стал отмалчиваться на оскорбительные требования сановника-лизоблюда и выполнять их – как наверно должен был, но ответил дерзко, да так, что теперь наверняка поплатится за это, если не головой то свободой. Ну, уж нет, свободу им у него не отнять, уж лучше смерть.

Свет, ворвавшийся в темницу, своей яркостью ослепляв-

ший привыкшие к темноте глаза, проливаясь сверху, отвлек от раздумий. «Ну вот, – подумал он с тоской – пришла пора умирать».

5. Милость и справедливость.

Повозка скрипя, нехотя поколесила вокруг города к посадам в сторону бедняцких пределов. Мрачный Пузур, покрикивая на заленившихся ослов, был зол от негодования. Что можно насобирать у этих оборванцев? Две лепешки и пригоршню зерен? Когда начальник стражи запросил у него вдвое больше серебряных ги, чем брал обычно, он не знал, как быть, все что они скопом смогли насобирать, едва хватало на покрытие сборов на прежних условиях. А все этот проклятый новый энси, назначенный единодержным лугалем, будь они неладны с их ненасытностью. Все это у них называлось борьбой с мздоимством.

– Чем больше повышаешь мздоимцам плату, тем меньше они будут брать; чем меньше будут просить, тем меньше будут давать. Какой «мудрец» это придумал? Всем известно, что жадный, чем больше жрет, тем прожорливее становится. – Бурча под нос, ругался он, пытаясь разобраться в их мыслях. – А это «мудрое» решение, об изничтожении мздоимства вообще? Этой заразы, проедающей все земли благородных людей. Они решили с особой строгостью карать тех, кто вынужден взятку приносить, чем тех, кто эту взятку требует. Как?! Я спрашиваю: Как?! Как, это поможет покончить с ней?! – Кричал он уже взалхлеб. – Неужели вдове погибше-

го воина – настоящего гира, вынужденной обивать пороги, неприятностей достанется больше, нежели борову, объедающемуся на доходном месте и требующему у нее мзду? Как это можно понять? Объясните мне, может быть, я старый, совсем выжил из ума, что не пойму всей мудрости наших властителей?!

– Алга, не стоит, так громко. – Только и мог сказать, озираясь по сторонам, обеспокоенный Гир, сидевший рядом с ним на передке.

Но, не угомоняясь, Пузур обратился к нему, ища поддержки, спрашивая, не боясь быть услышанным:

– Вот скажи Гир. Ты бывший воин каламских зштов, ты славно бился на чужбине за наше отечество. Согласился бы ты посидеть на колу, за то, что ты дал мзду, которую с тебя требовал мытарь – когда он, сдиравший с твоей семьи по три шкуры пока ты воевал, взял с тебя ее, чтобы по твоему возвращению не содрать четвертую – отделается испачканным набедренником, и дальше продолжит обдирать людей?

Помрачнев в лице, старый вояка сказал:

– Не надо про это Пузур, ты прекрасно знаешь, чем он отделался и что стало со мной.

– Прости, что я напомнил тебе про это. Но не показательно ли, что тот, кто вынужден был дать, чтобы тот кто должен, выполнял свои обязанности и не злоупотреблял ими, в итоге оказывается виноватым и скрывается как последний вор, а тот, кто брал, продолжает брать у других? Видишь, и тогда

мздоимцам это сходило с рук. А представь, что будет теперь. И хоть с тебя сняли обвинения, когда община заплатила за тебя, никто не в силах вернуть тебе жену, ушедшую к другому пока ты скрывался.

– Не надо, прошу тебя. – Взмолился Гир, ели сдерживаясь от слез.

– Не жалей о том, кто не берег – не обращая внимание на горестное настроение товарища, продолжал вожак – если бы любила, дождалась бы.

– Не надо так про нее. Я сам виноват, что смалодушничал тогда и оставил поселение. Столько ждать мужа с войны и снова потерять, дожидаясь в неизвестности, не зная жив ли я. Что ей оставалось делать? – В отчаянии спросил Гир.

– Не вини себя. Если б ты не бежал, тебя уж наверняка, никто бы не увидел больше. А она, зная, что ты делаешь все, чтобы вернуться, все равно не стала ждать. Ну, ничего, – подбодрил старик, видя, что его собеседник совсем пал духом – пусть теперь ты не воюешь, не сеешь и не пашешь, но ты все равно остаешься свободным, даже свободней чем был. Так цени это. Вот накопим достаточно средств, станет маленькая Нин старше, и мы сосватаем ее тебе.

Расстроенный Гир, соскочив с передка, дальше сопровождал повозку рядом уже пешком. Нин между тем, мирно посапывала в возке, не подозревая о замыслах на ее судьбу Пузура.

– Нануум!! Отдай сам, это мракобесное творение! – Послышалось снизу. Ваятель узнал голос Силиг-Силига, своего заклятого соперника. – Отдай, и мы вместе разрушим его и разойдемся друзьями! Оно овладело тобой, но у тебя еще есть возможность вырваться из цепких объятий темных гулла!

Взглянув с узкого проема вниз, Нанум среди беснующейся толпы, увидел блиставшую в свете огней, бритую голову Силиг-Силига.

– Убирайтесь! – закричал он – Здесь нет никаких гулла!

– Отдай нам то богомерзкое творение, которое ты делал под их гнусным наущением!

– Уйди по-хорошему Силиг-Силиг! Не то, я не ручаюсь за твою паршивую, полную зависти и скверны головешку!

Разбогатевшего за счет влиятельных заказчиков, прельщаемых изображением их в наилучшем виде, Силиг-Силига это задело за живое. Он тщательно скрывал свою зависть к умению Нанума в простых вещах находить значимое и с легкостью воплощать задуманное, и всем видом показывал презрение к сопернику, наоборот, рассказывая всем вокруг как Нанум ему завидует.

– Ты сам завидуешь моему успеху, мелкий завистник! – Крикнул он, выглядывая из-за спин.

Нанум наоборот считал несправедливым, что бездарь, лепящий свои творения так же быстро как пекарь стряпает лепешки, не задумываясь о возвышенном, пользуется большим

спросом, чем тот, кто над каждым своим творением корпит, обливаясь потом, как повитуха над роженицей, помогающая появиться на свет божьему созданию.

– Успеху?! Да я предпочту умереть под забором, чем иметь успех продажной женщины!

Видно было, как внизу, раскрасневшись, его закадычный «собрат» по резцу, заметался от злобы. Заметив, что его слова возымели действие, ваятель торжествующе высунулся в окно.

– Уходите, пока я не обратился к стражам! – Прокричал он.

– Я сам вызову стражей, и они тебя вытащат, вместе с твоей богомерзостью, грязный поклонник Тиамат! – отвечал ему снизу Силиг-Силиг.

Возможно, все бы и закончилось перебранкой, но тут в сторону учеников Силиг-Силига, не решавшихся на приступ, полетели камни. Откуда они летят, никто разбираться не стал, вооруженные дубинками ученики бросились выламывать двери, в свою очередь рабы и немногочисленные ученики Нанума бросились их защищать. Не надеясь пробиться сквозь крепкую дубовую дверь, осаждающие начали кидать камни в сторону обиталища «богомерзости». Хозяин этого обиталища, победно высунувший голову, чтобы снова крикнуть что-то обидное, получив камнем в лоб, вынужден был спрятать ее обратно и больше не показываться; лишь обсыпаящееся здание, глядело облупленными стенами на бесну-

ющихся людей. Сверху, защитники верные хозяину, также отвечали градом камней, гораздо удачней попадая в незащищенные тела осаждающих. Не выдерживая давления и работы орудий каменотесов, дверь все же поддавшись, сорвалась с петель. Ликующие ученики Силиг-Силига, подначиваемые наставником, ворвались в помещение вооруженные тесаками и дубинками, однако внутри нападающих встретило достойное сопротивление. Не имея возможности размахнуться для удара в узком проходе, осаждающие получали ощутимые тумаки по телу и несносные удары по голове и лицу, больше всего доставалось непокрытым головам, разлетаясь в разные стороны, кровь забрызгивала стены прохода коптившегося от едкого дыма светильников. Сошедшимся лицом к лицу врагам, из-за тесноты не оставалось ничего другого, как ухватившись, за шеи друг друга, стараться придушить противника; либо тыкая достать их палками, или просто, в ожесточенном бессилии, пытаться ногтями исцарапать ненавистные лица, вырывая бороды и волосы с немногих косматых голов. И слышались в полутьме прохода, крики проклятий и хрипы удушаемых; полетели вырванные клочья волос и выбитые зубы. В теснине потасовки, уже нельзя было понять, кто свой кто чужой, противники знали только, что тот, кто впереди напротив, это враг. Явно проигрывая подготовленным к обороне защитникам, нападавшие служители прекрасного, думали теперь лишь о том, как бы выйти из этой заварушки живыми и невредимыми. Вынужденные

отступить, под улюлюканье учеников Нанума, чья очередь теперь пришла ликовать, они вырвались из дома, с той же скоростью с какой ворвались в него. За ними тут же встала выломанная дверь, и послышались звуки заставляемой утвари. Видя их бесславное бегство и ожесточенное сопротивление защитников дома, расстроенные поборники добродетели, начали покидать место побоища. Побитые и израненные – отступившие, потирая ушибы и прикладывая к кровавым ранам, оторванные одежды, уходили злые, угрожая кулаками в сторону ненавистного дома и обещая еще вернуться. Вслед им неслись издевательские возгласы победителей их маленькой битвы.

Это была не первая попытка завистливых врагов Нанума, отобрать у него это его творение, но в первый раз случилось, что кто-то попытался сделать это силой.

6. Отрешенность.

Где-то близко, яростно залаяла собака, но для обитателя большого, пустующего, некогда богатого дома, этот лай не значил ничего. Сидя в полутьме, укрывшись с головой грубым рубищем в знак вечного траура, его хозяин не обращал внимания на посторонние шумы, зная, что никто уже не бежит с радостным криком, встречая его из далекого похода, никто не обнимет, и никто в нем не будет любить как прежде. То, что он еще не умер с голоду, и в доме сохранялся кое-какой порядок, несмотря на заплеванный пол и нечистоты, говорило о том, что кто-то еще заботится об этом. Глядя пу-

стыми бесстрастными глазами вперед, он раскачивался из стороны в сторону. Глубокие рваные рубцы, нанесенные когда-то в знак глубокой скорби, рассекали его заросшие медные щеки. Он мучительно о чем-то думал, напрягая мышцы на морщинистом лбу, неслышно поминая кого-то вновь и вновь. Но за дверью, а затем и в проходе, действительно послышался шум и стук приближающихся шагов. Насторожившийся хозяин притих, не узнавая в шаркающих тяжелых звуках, походки приходящей рабыни, иногда убирающейся в доме и ухаживающей за ним в те редкие дни, когда он позволял это делать. Он хотел иногда еще, с надеждой услышать – легкое дуновение и родное шуршание платьев, и радостный топот быстрых маленьких ножек. Пусть бы они пришли к нему даже в образе посмертных духов, но были бы рядом. Много бы он отдал, чтобы вновь увидеть ушедших. Сам он не пытался воспользоваться возможностью уйти вслед за ними, лишь оттого, что боялся не удостоиться пропуска туда, где сейчас они обитают. Но это были чужие шаги, может когда-то знакомые, хоть и изменившиеся со временем, но не ожидаемые.

– Здравствуй сагду! – Прорезал тишину пустого дома, чей-то уверенный в собственной значимости голос.

– Зачем, неприятное прошлое, снова врывается в мой дом? – Глухо ответил, из-под своих грязных накидок, не поворачиваясь, хозяин.

– К чему такие мрачные мысли сагду? – Дружески, ре-

шил расположить к себе, бывшего боевого товарища незваный гость, морщась от запаха. – Разве не может воин навестить своего старого соратника просто так, чтобы за дружеской чашей вспомнить старые добрые времена и прошлые победы?

– Для кого добрые, для кого злые, а для кого и такие о которых и вспоминать не хочется.

– Полно. Зачем же заперших в четырех стенах, ты продолжаешь жить этим прошлым? Не пора ли проснуться и начать жить новой жизнью?

– Жизнь, которую отняли? – Потянул хозяин.

– Я понимаю, тебе сложно смириться с тем, что теперь ты не в чести и не занимаешь как прежде высоких чинов. Но у тебя есть еще достаточно средств, чтобы заняться хозяйством. Да и гнев государя не вечен. Конечно, тебе пока не вернуть прежнего могущества, но ты еще можешь, как прежде послужить своей стране простым кингалем, начальником городской стражи, или, заняв достойное место в рядах чиновничества, удостоишься доверия, по счету мер и весов. А после, может быть, женишься на молодой красавице, и это пристанище мрака оживет. А со средствами я тебе помогу, можешь даже не думать об этом. – Говоря это, он с неприязнью озирает помещение.

– Не исправить, то, что свершено. – Раскачиваясь, глядя в пустоту, бормотал тот в ответ.

– Я знаю, ты зол на меня, но ты как старый служака дол-

жен понять. – Продолжал вельможа, начиная уже жалеть что пришел. – Я тогда сделал то, что должен был сделать ради правоты, как верный слуга своего государя.

– Что? – Подняв в его сторону, мутные, непонимающие глаза, спросил хозяин дома, будто только проснувшись.

– Поставь себя на мое место. – В отчаянии, от того, что не удастся найти понимания, сказал гость. – Что я должен был сделать? Не прикажи ты тогда, движимый страхом перед мнимым преследованием, бросить сборку плотов и пуститься в путь под палящим солнцем с поклажей и ранеными, не имея даже в достатке выючных и тягловых, не навлек бы на свою голову гнев государя за гибель половины войска.

Все таким же тусклым, но уже проясняющимся взглядом, скорбящий осознав сказанное гостем, громко расхохотался. Его гость, в испуге отпрянув, сидел не шелохнувшись. Вспоминая тот день, когда, оставив замысел о сплаве по реке, он вынужден был дать приказ дуть сбор к переходу по пеклу пешком, хозяин горько улыбаясь, сказал:

– Мои несчастные воины, понесли заслуженное наказание за неразумно проявленное рвение в жестокосердии, в прилежном исполнении мнимой воли Ана. И мы все теперь, находимся под пятой небесного судьи Сатараны как клятвопреступники нарушившие законы Ме, ибо выполняя поручения великого единодержца во имя небесного вседержителя, нарушили все законы мироздания.

На возражения его влиятельного гостя, о том, что даже

бывшим воинам не пристало обсуждать волю правителя, избранного всевышним и названного им исполнителем своей воли. Бывший воин ответил, что и сам единодержец понесет должную кару, а с ним и весь народ его, если вовремя не остановить этого шута возомнившего себя богом.

Надуваясь от возмущения, вельможа, гневно зашевелив своими складками, пригрозил, что он как человек наделенный полномочиями единодержца, примет всю полноту власти, чтобы не допустить охаивания государя и дел его высокого предназначения. Скорбящий усмехаясь, ответил:

– Умерь свое рвение Мес-э. Ты уже достаточно натворил бед, а хуже, чем я себе сделал сам, ты мне не сделаешь. Ты думаешь напугать меня? Посмотри на меня, посмотри вокруг меня. Скажи, что ты видишь здесь такого, что могло бы удержать меня?

Озадаченный гость, не зная, что ответить, с сожалением подметил для себя, что не добьется того за чем пришел. Медленно отшаркивая к выходу, он все же спросил наудачу, не ожидая получить ответ:

– Я здесь недавно и мало кого знаю, хоть и бывал здесь проездом, но уже слышу краем уха слухи о том, что заслуги, за которые государь возвысил меня, совершены, дескать, не мною, но будто я присвоил чужие деяния и подвиги. Будто это я оклеветал тебя из зависти, а в действительности вся заслуга в победе над варварами принадлежит тебе. Скажи, зачем ты это делаешь? Зачем распространяешь эти грязные

слухи обо мне? Чего ты добиваешься?

– Мес-э, ты слышал о нем?

– О ком?

– О том, что уже явился по наши души и творит свои злодеяния, чтоб добраться до нас и отдать под суд Сатараны.

– Ничего я такого не слышал. – С досадой выдохнул Мес-э, не услышав имени виновника своего поношения. – Ты лучше передай шепчущим по углам, пусть не считают, что им все сойдет с рук за их грязные домыслы, возмездие неминуемо и оно близко.

– О, как же ты ошибаешься Мес-Э. Возмездие неминуемо и близко, но не к ним. Ты слышал о сыне?

– О каком еще сыне?!

– Что ты слышал о сыне, что старик ведающий водами приготовил для нас?

– Ты про абгала? По прибытии я видел его, он подходил ко мне. Хлопотал о судьбе дерзкого недомужа, посмевшего своим длинным языком, поносить единоподержца и его верных подданных. Я отказал ему, конечно. Так он обманом нашел способ выхлопотать спасение для него. Неужели...?

Да, я помню, когда мы покончили с племенем черного колдуна, до моего слуха доходило, что этот ведун вод приютит какого-то их змееныша. Говорили, что только благодаря твоему заступничеству ему было позволено остаться при нем, и никто не смел тогда тронуть дикаренка. Разве он не сгинул вместе со многими, тогда при переходе? Он ведь был

очень слаб и даже при смерти я слышал. Я бы попытал самого старика, но он недоступен мне теперь.

– Маалчиик?! – Торжествуя, вскрикнув, вскочил с тростникового сиденья хозяин, и в его беснующихся глазах, впервые вспыхнул огонь жизни. Гость, итак чувствовавший себя в полутьме заброшенного холодного дома неуютно, невольно поежился от суеверного страха. – Маальчиик?! Да-да, мальчик. Скажи, что он жив теперь, и я приползу к нему на коленях, чтобы умоляя, просить у него прощения за все то зло, что мы причинили ему – лишив семьи и родного очага. Быть может его прощение и им даст знак, чтобы смириться...

Но остыв, от вспыхнувшей было надежды, медленно опустился обратно.

– Нееет. – Затрясся он губами. – Не исправить то, что свершено.

– Так что – мальчик? – Спросил Мес-э, борясь с неприятным чувством, обнадеженный тем, что удалось пробудить потерянного в скорби.

– Мальчик? А зачем тебе этот мальчик? Аааа, верно до тебя дошли слухи, что в нем теплится неуспокоившаяся душа Далла-Дина, замученного и оклеветанного тобой. – Прищурившись, гадал Шешу, будто не он только что говорил об этом. – Не думаешь ли ты, что избавившись от него, все совершенное нами уже нам не отольется? Ты думаешь, я не замышлял погубить этого мальчика, отправить его вслед за его

нечестивыми сородичами, несмотря на то, что обязан был абгалу жизнью? Ты решил, что жестокосердный Шешу стал мягкосердечным? Неет, нельзя оставить даже одного плеве-ла, что собрался искорнять, пусть это будет только всход. И я бы сделал это, не случись худого. Сами высшие у него на подхвате. Ты так и не понял? – Снова вскочил он тор-жествующе, и накидка, сползая с головы, скользнула по пле-чам, обнажив морщинистое и истощенное тело. – Не понял, что это не мальчик был вовсе, не дитя, не человек, вовсе не смертный? Нельзя уничтожить, то, что давно мертво или бессмертно. И не тебе смертному, пытаться сделать это. Это мечь проклятия черного колдуна; страж возмездия; это са-ма смерть поджидающая нас на каждом шагу. Придет время, и скоро и ты и я – уже трижды проклятый, но все еще со страхом ожидающий его безжалостного рока, и даже сам все-могущий государь – вцепившийся как клещ в землю благо-родных: подвергнемся его лишенному милости судилищу, и получим должное наказание. Но что мы – заслужившие это. Я боюсь, что и город объединявший языки, будет уничтожен и скрыт, за то клятвопреступление, которое мы совершили. И народ наш, от имени которого мы клялись, поневоле при-мет общую кару и, развеявшись по миру, сгинет в веках, и не останется ни семени его, ни памяти о нем. Это не чело-век. Это сам Суд Мироздания! Посланник Сатараны! Божья кара!

Его, давно нечесанные, свалявшиеся волосы, длинной па-

клея качались над перекошенной личиной. Не желая больше слушать бред помешавшегося человека, Мэс-э поспешил к выходу, но тот успел подскочить и схватить его за плечи, и заглядывая своими мутными, выступающими из глазниц яблоками ему в глаза, зашептал, не вытирая выступающей слюны изо рта:

– Что, не веришь? Тогда вспомни судьбу воинов, сгинувших под палящими лучами Уту, чьим именем мы клялись. Вспомни о Далла-Дине, поплатившимся за святотатство жизнью и добрым именем. Посмотри на меня.

С трудом освободившись от его жарких объятий, гость бежал, уже не стараясь сохранять достойный вид. А вслед ему несло:

– Помни! Они придут за тобой! Те, кого ты в своем честолюбии и жажде наживы, уничтожал и мучил, нарушая все законы Ме, лишая их разлагающиеся тела должного уважения! Придут за оплатой! Они придут за всеми нами! И скоро всему наступит конец! Никому не спастись, и ничего уже больше не будет...!

Только выскочив за ворота, Мес-э едва пришедшему в себя от ужаса, удалось выругаться в сторону дома с сумасшедшим, продолжавшим кричать свои пророчества.

7. Воздаяние.

В тиши пустого дома, слышно только собственное дыхание, скрип подминаемого сиденья и биение одинокого сердца. Слышно как за стеной: кипит, бурлит и клокочет чья-

то безмятежная, страстная, бурная, счастливая или не очень, меняющаяся или однообразная, но такая живая – чужая жизнь. Как хотелось ему выйти и присоединиться к ним, чтобы самому почувствовать снова, это дыхание жизни. С тех пор как он остался один среди людей, он прослыл человеком нелюдимым, отшельником и затворником. Да, иногда он не мог думать о чем-то другом и не хотел никого видеть, но это ведь не значит, что он всегда такой. Он был бы рад, если бы кто-нибудь завел с ним разговор, ни о чем, просто так, но так, как разговаривают приятели между собой, делясь новостями и впечатлениями о чем-нибудь житейском, простом, но таком живом. Но он также прекрасно понимал, что этого не будет, и оттого, чувствовал себя еще более одиноким. Поначалу он пытался завязывать с людьми отношения, но не находя понимания, воспалялся, стараясь достучаться, и этим лишь отпугивал их. И чем чаще это случалось, тем меньше людям, шарахающимся от него, хотелось сталкиваться с ним. Вся беда его заключалась в том, что он тянулся к людям, но не мог или не умел с ними общаться, а они не понимали или не желали его понимать. Постепенно дом его, и без того ставший одиноким, окончательно пришел в запустение. Да так быстро, что снаружи выглядел просевшим, черным и заброшенным много поколений назад, и не всякий смельчак отваживался подходить к нему. А он врос в него, и никуда не выходит уже, лишь иногда позволяя пугливым рабам приносить еду и питье, и совсем уж редко прибираться за собой. Вот

тогда и пришел к нему он, злорадствуя его горю. И мысль о том, чтобы забыться в новой жизни, забылась сама, поглощенная болью и навязчивыми видениями, усилившимися с вынужденным затворничеством.

Если бы кто-нибудь из тех, кого он считал друзьями, пришел к нему и просто бы погрустил вместе с ним, в дни, когда ему бывало особенно тяжело, он бы мог сказать наверно, что у него есть друзья. Но они приходят, вот так, лишь тогда, когда им что-нибудь нужно от него, чтобы что-то попросить, что-то выведать, и бередают душу. И лишь думы не оставляют его никогда, навевая своими воспоминаниями, его и без того изможденную видениями голову.

Они шли, гонимые страхом перед разгромом. Удивительно, а ведь еще недавно казалось, что ничто не сможет сломить доблестные силы черноголовых, и уж тем более не эти жалкие варварские горстки, не знающие порядка и правил ведения войн. Казалось, развороши это гнездо дикости, и ничто уже не вылупится из него без их дозволения. Вот только гнездо оказалось осиным роем, и теперь разорители сами не рады, что просто прикоснулись к нему. Разворошили так, что уничтожив малую часть его, потеряли свое, и главное, обессилив не могли, не то что искоренять или подчинять, но даже и противостоять кому-либо. Вот и бросили все, даже не подумав о том, что наспех сготовленные к переходу потрепаные войска, это не совсем то, какими полными сил, с полной выкладкой вооружения и продовольствия, большим

обозом, с множеством вьючных и колесниц, они пришли сюда. И путь, которым они пришли сюда, был совсем не тот, которым они с изможденными воинами отправились обратно. Если бы он знал, как трудно обремененным плутать по пустыне, не зная даже точно, когда же покажется спасительный островок с прохладным, живительным источником, он ни за что бы, не пошел на этот губительный шаг. Даже зная наверняка, что йаримийские колесницы с их лошадьми растоптали бы их, а дальнобойные луки разили бы их без промаха, и воины, с трудом только избавившись от страшного противника, снова подверглись бы нападению и пали от смертоносных жал. Он предпочел бы, чтобы они встретили смерть, как подобает воинам, в бою и с оружием в руках, а не изнывая от жары и жажды. Но даже теперь, он утешал себя тем, что приняв трудное решение, спас половину войска. Горькая правда была в том, что он не мог ручаться, что враг придет, но и оставаться, полагаясь на то, что он не нагрянет, было самоубийственно. Вот и шли они под солнцем, обдуваемые жестокими ветрами, не приносящими прохладу, а наоборот выветривающими из них последние силы. Воинам, страдающим от обжигающего солнца, не имеющим достаточных запасов воды, все труднее было объяснить, важность для их самосохранения соблюдения порядка. Умиравших мучительной смертью людей, трудно приучить к порядку. Мучимые жаждой, сгорающие под дланью Уту – разгневанного клятвенной ложью его именем, воины начинали сходиться с ума и

бросались друг на друга с оружием, и только благодаря верным воинам, получавшим за службу больше воды при ее распределении, удалось утихомирить назревавший мятеж.

Зная, что сначала должен предстать перед лугалем, чтобы отчитаться, и отлично понимая, что за победный, но такой бесславный, завершившийся столь печальным исходом поход, в столице его не ждет ничего хорошего. Лушар чудом дойдя с половиной войск до границ калама, оставив выживших под опекой кингалей и спокойный теперь за их судьбу, спешил домой, где его ждала его маленькая эрес. Он готов был принять любое решение единодержца, но для начала хотел увидеть жену и дочь, быть может, в последний раз. Погнав в сторону дома, он думал повидаться с родными, пока остатки славного войска не добрались до столицы. А затем, упреждая гнев Ур-Забабы, явиться перед ним и объяснить, что всему виной явилась трусость и предательская обособленность колесничих во главе с их старшиной Мес-э, бросивших погибающее войско и не пожелавших обременять свои колесницы лишним грузом, оправдывая это тем, что ни они, ни их животные, не предназначены для перевозки тяжестей. Набравшись душевных сил дома, он примет любую кару, какая полагается ему как человеку возглавлявшему поход, но сделает все, чтобы и виновные понесли заслуженное наказание. Так ему думалось тогда. Но не успел Шешу еще даже узреть стен родного города, как был перехвачен гонцами, сопровождаемых державной стражей, с предписанием срочно

явиться в Киш.

Восседая на возвышении, в резном, украшенном драгоценными камнями кресле, изготовленном лучшими умельцами из кости дивного заморского зверя и благовонного дерева произрастающего где-то далеко у моря, единоподержец принял его весьма прохладно. На подступах к нему, стояли грозные стражи и не давали приблизиться ближе, хотя казалось, что хищные животные, сотворенные из золота, итак не дадут подступиться любому со зломыслием, свирепо рыча по-звериному, и громко хлопая крыльями крича по-орлиному. Видя, что кто-то уже доложил правителю о бедственном положении войска, не объяснив при этом всей сути произошедшего, Шешу все понял. Сомнений у него не было, сообщить об этом, мог только, кто-то из его благородных и вельможных соратников. Точнее самых высокочтимых из них. Только они, убежавшие далеко вперед, могли принести известие о заплутавших эштах раньше него, выехавшего впереди войска. Только кого-то из них, за столь печальное известие, в застенках Киша не ожидала пыточная дыба. Слишком много связывало их с государем, так, что даже и он не мог сделать им чего-нибудь худого, без оглядки на их богатейших родителей, и без волнения за свое дальнейшее спокойствие. Зная честолюбивый нрав их старшины, он не перебирал, кто мог, не только спасая свою шкуру, но и пользуясь возможностью возвыситься за счет его оплошности доложить об этом.

Все же надеясь на какое-то чудо, собравшись с духом, военачальник попытался все прояснить, но был перебит грубым выкриком с престола, обвиняющим его в трусости. Шешу ожидал этого, и потому страх был не таким сильным, каким мог бы быть, он боялся лишь одного, что его без разбирательств обвинят в предательстве, а это означает самое худшее. В ужасе ожидая, это страшное как проклятие слово – «изменник», он зажмурился, ожидая его, боясь как смертного приговора, но к счастью, к радостному его изумлению, лугаль не произнес его. Лушар с облегчением вздохнул, это оставляло ему надежду на то, что его семью не ждет разорение, позор и всеобщее порицание, а может быть, и он будет еще жив. Единодержец по своему обыкновению, не стал пока решать, что с ним делать, и Шешу по его приказу был спущен в яму, ожидать там своей участи.

Прошло какое-то время и его подняли, чтобы зачитать волю повелителя о лишении его всех званий и наград, и что ему запрещено впредь занимать военные и гражданские должности, но учитывая прежние заслуги, не лишали жизни и свобод, и даже оставили на кормление землю, наследованную от предков. «Что ж, я и сам хотел уже оставить службу, а чиновничьи накидки не по мне. Буду жить трудом земледельца в своем доме с семьей, и никогда уже не покину их». Так думал он с облегченной душой, идя быстрым шагом до родных мест, несмотря на истощение в ногах.

Подходя к дому, он не увидел никого возле него, и даже

не слышал никаких звуков. Это его немного насторожило, но зная о болезни дочери, он лишь с сожалением для себя заметил, что должно быть оберег переданный им, не возымел еще своей силы. А как хотелось бы, чтобы она как прежде, выбежала его встретить. Но чем ближе он подходил, тем зловещей казалась эта неживая тишина. Медленно открывая дверь, он теперь боялся чего-то; будто от того, что он затянет время, этого не случится. Но это случилось все равно. В доме он застал только старую рабыню: не услышав шума открываемой двери, она продолжала с усердием прибираться, и только когда он ее окликнул, чтобы расспросить о семье, она подняла голову и, увидев его, скривясь в лице, заревела. Так он узнал, что остался совсем один в этом мире. Сидя над их могилами в доме, ошеломленный, он слышал уже сквозь туман, грустный рассказ рабыни о том, как уходили в мрачную страну Кур его родные. Растирая по запыленному лицу слезы и размазывая их грязью по щекам, старая служанка говорила, время от времени прерывая свое повествование едва сдерживаемым рыданьем:

– Когда до нас дошло твое послание, вместе с вестью о вашей великой победе, господин, маленькая госпожа ожила, словно цветок под первыми лучами. Она стала весела и говорлива, и все только и болтала о вашей скорой встрече, а подарок, который ты ей отправил, хранила как самое дорогое – у своей груди. Она стала больше сидеть и даже пробовала вставать. А госпожа, видя, как она поправляется, то-

же повеселела, и говорила мне, что наверно единый бог и вправду так силен, как говорят, раз этот оберег – освященный им, так дивно помогает ее дочери. Так продолжалось несколько дней, пока маленькая госпожа не проснулась однажды посреди ночи исходясь рвотой и не заплакала. Когда же мы подбежали, чтобы помочь, хозяйка стала спрашивать ее: «Что болит?». Она отвечала, у нее все мол, болит.

Мы все делали, чтобы облегчить ее страдание, но ей с каждым днем становилось только хуже, она плакала и все жаловалась, что ее изнутри грызут злые маленькие удугу, и даже лекарь за которым госпожа посылала, не знал, как помочь. Бедная девочка, так страдала и плакала, что мы с госпожой от бессилия сами только рыдали, а она все спрашивала: «Где тятенька? Когда тятя приедет?». Как будто надеялась, что с твоим приездом господин, придет выздоровление. Она так и говорила: «Тятенька прогонит злую черную птицу, он разрубит ее своим большим мечом», а сама угасала как уголек. Так она и умерла, в ожидании тебя с большим мечом. А потом, уже после ее смерти, когда лекарь стал осматривать ее, чтобы понять, отчего она так быстро угасла, он показал нам на бурое пятнышко на ее груди. Все хорошенько, сверив, мы заметили, что оно точно совпадает с тем местом, где она держала твой подарок. Вот тогда то, госпожа, взыв, начала всех проклинать, а в особенности, да не прогневается на меня всевышний и твоя милость, единого бога и тебя господин. И она сказала, такие нехорошие слова, что страшно даже переска-

зывать их, что мол, она проклинает: «...вашего изуверского бога, который любит давать надежду, а потом отнимать, получая удовольствие, от людских страданий». И так, плача и проклиная, она вышла. Мы же с мужем боясь ее гнева, а еще больше страшась гнева божьего, не пошли вслед за ней, а остались раплачиваться с лекарем. Ее еще долго было слышно, мы же, сидя ниже травы, боялись выходить, чтобы не навлечь гнев на свою голову. Когда крик прекратился, мы с облегчением вздохнули, думая, что она успокоилась, и вскоре вышли, чтобы получить от нее нужные поручения по подготовке похорон, но никак не могли найти ее. Когда же муж заглянул в хлев, он тут же кликнул меня. Я как глянула, меня ужас охватил, там, на власяной веревке висела госпожа. Звуки ударов ее ног о ясли, до сих пор стоят у меня в ушах. Она несчастная, не смогла смириться с мыслью, что поневоле стала причастна к смерти своего дитятко, позволив посланнику передать – «дар несущий смерть». Так она говорила.

Эти – последние слова, пробудили в Шешу какие-то важные обрывки памяти, на которые ранее он не обращал внимания. Он ухватился руками за голову, и начал раскачиваться пугая рабыню. Воспоминания вихрем пронеслись в голове и, соединяясь в единый образ, наводили на страшные мысли.

– Оберег, молот... Оберег, молот... – Бормотал он, раскачиваясь все сильнее. Пока не сорвался в крик, подскочив

на месте. – Колдун! Это воздаяние? Что было бы, не нарушь я тогда слово?

Обеспокоенная служанка, старалась утешить его, думая, что он с горя клеветает на себя. Но он, продолжал:

– Он ведь обещал мне, что девочка моя не будет больше болеть и жена перестанет грустить. И вот моя эрес не болеет больше и жена больше не грустит, и никогда уж больше..., потому, что их нет больше... А если б я сдержал клятву? Свершились ли бы, его пророчество?

Он говорил, а служанка все причитала и плакала, и просила его, не казнить себя напрасным самобичеванием.

– Я б не поднимал молота и не связывал его черную силу оберегом – говорил он. – Не посылал бы эрес оберег для защиты из опасения за нее, и черная сила варварского бога не коснулась бы ее маленького нежного тельца. Выходит, пророчество не сбылось бы? К чему, тогда его слова? Если он знал, что может статься с ним и с его народом, почему допустил этому свершиться? Постигнуть это, моему разуму не под силу...

Он осекся, приходя к какой-то догадке, и холодея от ужаса, прошептал:

– А может... это свершилось бы, как он и обещал. И моя маленькая доченька, моя мышка, была бы жива и выздоровела, и бедная супруга моя, перестала бы тогда грустить и ненавидеть меня. «Слова богов истинны, но неоднозначны» – так он сказал.

И он скрежеща зубами, зарычал так громко и страшно, что служанка, все еще находившаяся рядом, с перепуга поспешила к выходу.

С тех пор прошло много времени, а он все не утешиться. Когда-то он пытался что-то изменить и, оставив прошлое позади, начать новую жизнь. И казалось, все уже забылось, и снова забрезжил рассвет, и появилось желание жить, и вот он даже, собирается свататься к богатой вдовушке – смешливой хохотушке, которая своим нравом могла бы расшевелить покойника, а пухленькими телесами, обогреть и успокоить припадочного. И как раз именно тогда, злобно ухмыляясь, явился он: тот, чей истерзанный труп давно растаскали птицы, а останки изъели черви, тот, чьи кости остались белеть где-то там – очень далеко, и череп вечным оскалом, улыбается теперь меняющемуся миру, где уже нет места для его племени. Но его дух стоял и скалился ему здесь, сверля его злобой болотных глаз. И он вспомнил, и всегда печальную жену и страдающую дочь, и, немея от ужаса, повторял вслед за волхвом лишь одно:

– Не исправить, то, что свершено.

И осознание того, что все зря, что ничего уже не будет, и что никогда он больше не увидит ни дочь, ни жену, и лишь этот гидим будет всегда сопутствовать ему, вернуло его в забвенную отрешенность. Вдова, весело подбоченившись, подсевшая было ближе, чтобы поболтать и полюбезничать, в ужасе отшатнулась, когда он, не отвечая на ее расспросы,

раскачиваясь, беспрерывно повторял одно и то же:

– Не исправить, то, что свершено. Не исправить, то, что свершено...

8. Нибиру. Падший.

Продираясь сквозь толчею грязного люда, издающего неприятные запахи, два здоровенных детины, на носилках, изготовленных на скорую руку, осторожно, чтобы ненароком не задеть больную ногу, несли юношу. Сопровождая незваных гостей к более менее спокойным окраинам, расположенным в наделе работяг, где их не побеспокоят многочисленное ворье и попрошайки разбойничьего надела – мешая выздоровлению сына премудрого старца; они между тем, сами не чувствовали здесь себя уютно, спеша и время от времени озираясь по сторонам.

Свет проливаясь сверху, осветил распухшее от побоев лицо. Жмурясь от яркого света, пленник прикрыл глаза рукой, пытаясь разглядеть человека переступающего по перекладинам лестницы спущенной стражниками. «Поскорей бы уже, ждатель нет больше мочи», подумал он. Но взглядевшись, узнал сторбленность своего учителя. Наряду с радостью свидания с близким, его охватило чувство тревоги. Что заставило его оказаться здесь, желание попроситься или просто увидеться? А может быть, все намного хуже и причина этому объяснима просто, и старика сюда тоже уpekли, и страшнее всего, если из-за него, прихватив заодно с ним и его. Замерев

сердцем, Аш ожидал самого худшего. Но бодрый вид старика, несколько успокоил его. Спустившись, абгал сам развеял все его опасения.

Склонившись над отроком, он взбадривал парня словами утешения, а сам, осматривая раны, оценивал возможность его подъема.

– Безсердные, вы повредили ему ногу, беспечно свергая вниз в эту бездну! – В сердцах воскликнул он, обращаясь к стражникам, пальцами ощупывая распухшую ногу.

Только тут Аш почувствовал, что правая нога не слушается и ужасно болит, неприятно ноя, резко и сильно при прикосновении к ней или неосторожном движении. Он удивился, как не замечал этого раньше.

– Да, что мы то? – Оправдываясь, проворчал старший стражник. – Мы его, что ли сюда свергали? Наше дело охранять, и следить, чтобы пленник не помер с голоду.

– Ну, ничего, мы излечим ее, и ты снова будешь ходить и даже сможешь плясать в угоду Инанне как прежде. – Успокаивал своего злосчастливого ученика учитель, знаком приказав стражникам осторожно поднимать его вверх, наружу.

– Поосторожней с ногой, паршивцы! – Прикрикнул он на них, когда те, неуклюже ухватились за перевязку наспех затянутой ноги.

Оказавшись с приемышем на воле, опытный войсковой лекарь, зная, о недолговечности решений власть предержащих, поспешил увезти его в укромный угол, подальше от

глаз соглядатаев энси. Посчитав, что лучше дальних бедняцких пределов расположенных в посаде за городскими стенами, места не найти, куда не очень-то любят заглядывать городские стражи, старик велел нанятому возчику поворачивать туда.

Животное, доехав до начала пределов, остановилось. Далее возчик, наотрез отказывался вести своего осла, зная местные нравы, ведь даже грозные городские стражи, казалось державшие весь город в своих руках, трусливо отворачивали свои головы, не смея соваться в этот мир бесправия и беспорядка почем зря. Их главе, достаточно было иметь заверения местного «лугаля» о подчинении общим правилам и взносе определенной платы и в его кошелек, и он не вмешивался во внутренние дела общества воров и попрошайек. И имея эти мелкие подачки от них, приносящие кое-какие доходы, он считал это своей личной победой, ибо при другом раскладе, не было бы и этого. Именно тут, среди выветренных хижин бедняцких пределов, среди тысячи нечесаных и небритых голов, можно на время затеряться, именно тут и только тут, можно скрыться от всевидящих глаз городских стражей и соглядателей энси. Тут, восстанавливая здоровье Аша, абгал и решил переждать, чтобы после увести его подалее от города, где ему еще могут припомнить стгоряча брошенные слова, несмотря на заступничество высокого гостя, выпрошенное лекарем на тяжелых условиях. Абгалу едва удалось уговорить своего несговорчивого возчика, дове-

сти их до местного торга, чтобы здесь найти тех, у кого можно снять скромное убежище, и где странствующие шутейники, с которыми можно отправиться прочь из города – колеся по дорогам Калама, показывали свои умения. Но и этого он не сделал, бросив их прямо здесь. Оказавшись, за чертой определяющей начало бедняцкого предела, абгал со своим спутником тут же был обступлен чумазой детворой, приученных с малых лет к нищенствованию, с уводом чужого состояния и умением ловко обдурить доверчивых обывателей. Галдя и прыгая вокруг, малыши стали наперебой просить милостыню, а дети постарше, кроме того старались подойти сзади, прощупывая место где могли храниться серебряные ги. Побывавший не в одних трущобах, лекарь был знаком с нравами, царившими в подобных местах, поэтому тоже знал, как запрятать свои серебряные ги, так далеко, откуда не всякий ловкач, мог их стащить. Окруженный, не зная как избавиться от будущего поколения попрошаек, он, тем не менее, не пытался их гнать и кричать на них, не забывая про поколение нынешнее – их старших братьев, отцов и дедов, от чьего решения могла зависеть их с Ашем судьба. И те не заставив себя ждать, отогнав полуголую малышню, подошли к непрошеным гостям, с видом не предвещающим ничего хорошего.

– Именем единодержца, пропустите нас! – Грозно вскрикнул абгал, предъявляя им глиняный шарик, удостоверяющий его положение с начертаниями и печатью единодержца.

Но те, не были проявлены уважением к государевым побрякушкам.

– Назад! – Снова пригрозил он, прикрывая сидящего на земле юношу, выгруженного так возчиком. – Или испытаете силу, божьего гнева!

Но те, ухмыляясь, тянули уже к ним свои грязные руки. Тогда старик прыснул ладонью, и оттуда с каким-то шипением, извиваясь и искрясь, выскочил желтый огонь, кружась, треща и распугивая и ослепляя всех вокруг. «Колдун»! «Колдун»! Послышались испуганные возгласы. Хоть обвинения в колдовстве, его несколько и смутили, мудрец с облегчением вздохнул, думая, что все разрешилось. Но как выяснилось, вздохнул рано. Своими хитростями, он только напугал, но не отвадил толпу, лишь еще больше разозлив. «Колдун!», «Хватайте его!» – Слышалось вокруг, и хозяева предела, окружили незваных гостей, чтобы не дать вырваться колдуну с его помощником. Растерявшись, не зная как быть, абгал достал наудачу кольцо, испещренное писменами, данное им чашеносцем единоподержца для беспрепятственного прохождения в темницу, и поднял над головой. Схватившие его руки, стягивавшие уже с него суму и дорожный плащ, вдруг куда-то исчезли, а угрюмые лица готовые убить, сменились растерянными и смиренными. Глядя на медное кольцо со знаками, разбойники о чем-то живо между собой затараторили. По толпе прошелся шепот: «Козлобородый», «Козлобородый»... Переминаясь с ногу на ногу, люди

только что желавшие их растерзать, теперь смотрели на них с почтением. Вперед вышел невысокий, сухощавый, но жилистый человек, с самоуверенной дерзостью во взгляде, отчего и без слов становилось понятно, что он не последний среди этого сброда. Не задавая лишних вопросов, он сухо бросил:

– Надо было сразу сказать, что вы находитесь под защитой Козлобородого. Мы отведем вас к кому надо, чтобы больше не возникало лишних неприятностей ни у вас, ни у нас и ни у кого из наших людей.

Бугристый детина, уже нацеленный на послушничий плащ красивой отделки, досадуя, что дело может сорваться, заревел:

– Да что мне ваш Козлобород! Мы свободные люди!

И с неколебимой решимостью двинулся к Ашу с намерением исполнить задуманное, но наткнулся на клюку старика. Здоровяк повернулся к абгалу и со снисходительной ухмылкой попытался ухватить его за бороду, но вместо этого неожиданно для себя, издал скрежет зубов от удара в челюсть; оторопев от такой наглости, детина на мгновение растерялся, но опомнившись, рассвирепев, набросился на старика с кулаками, и тут же получил ощутимый удар по лбу. С помутневшим от удара взглядом, он, держась за ушибленное место рукой, злобно прошипел:

– А-а-а, значит, на палках биться? Добро же, будь, по-твоему. Дайте кто-нибудь дубинку!

Молодцы, стоявшие рядом, попытались его унять, но были остановлены окриком своего вожака.

– Стоять! Дайте ему дубинку, пусть дерутся. – Сказал он усмехаясь, ожидая забавного зрелища от скачущего от туманов старичка.

Когда дубинка была вручена, все ожидали скорого завершения расправы, и действительно, расправа вскоре прекратилась, но не так как ожидали. Сильнейший удар здоровяка, был с легкостью отбит и тут же вернулся ему хлестким шлепком в бок. Рассерженный разбойник решил сменить прием, направив в абгала, заостренный конец своего оружия, но и это ему не помогло, промахнувшись, здоровяк провалился в пустоту. И так все его удары заканчивались ничем, сам же он получал обидные шлепки и тычки. Все завершилось, когда взбешенный издевками своих людей, замахнувшийся со всей силы здоровяк, подкошенный дорожным посохом, грохнувшись, ударился об пыльную, утоптанную в камень глинистую улочку, отчего не смог уже встать самостоятельно.

– Ого! Алга, где ты научился так ловко драться? – Изумленно спросил жилистый главарь.

– Войсковой лекарь должен многое уметь. – Ответил абгал, вытирая выступивший от невольной разминки пот.

Посмеявшись над незадачливым бойцом, никто уже не посмел нападать, опасаясь такого же посрамления от сухонького старика. Восхитившись ловким колдуном, разбойники

отнесли к чужакам с должным уважением, и, подняв юношу, повели их к местной площади.

Торговлю на главной площади в нищенских пределах, стыдливо называемых горожанами – бедняцкими, нельзя было назвать полноценными торгами, тем не менее, шума торга, веселья и выяснения отношений, здесь не меньше, чем на любом другом, а то и больше. Здесь такие же жадные торговцы, готовые подраться из-за покупателя, или не поделенного места, из-за того, что продаваемые лохмотья у соседа оказались чуть лучше или чуть дешевле. Здесь тоже есть свои стражи, следящие за порядком и ежедневно кормящиеся этим; которыми руководят свои начальники; которые в свою очередь отчитываются перед своим лугалем; который также избирается самоназначением на сходах, может из главарей не самых уважаемых и честных, но зато самых влиятельных и сильных. Здесь столь же ушлые воришки, те самые, что потом шуруют на главном городском торжище; только здесь они пользуются большим почетом и уважением, чем там где их могут погнать не только стражи и торговцы, но и более удачливые прощелыги, которым удалось вырваться из тины нищенских болот.

Лихие люди вели «колдунов», к самому большому и богатому зданию нищенских пределов. Несмотря на то, что пределы назывались бедняцкими, оттого что населены были людьми бедными и неимущими, в них встречались до-

ма далеко не бедные, порой такие, что не всякий мог себе такое позволить среди зажиточных горожан. И самый красивый и богатый, принадлежал местному лугалю воров, заправлявшему бедняцкими пределами. Жилистый вор, что-то тихо сказал парням стоявшим у входа, и один из них войдя в дом и недолго там пробыв, вышел, показывая жестом, что они могут войти. Проходя сквозь чистые и просторные покои, перегороденные сучеными занавесями, украшенные цветными изображениями и уставленные изваяниями богов, людей и животных, абгал заметил своему ученику, что люди, впервые пришедшие в подобные места из внешнего мира, дивятся: «Как божественная красота, может находиться среди мрака беззакония и грязи бессовестности?» Как она здесь оказалась, вопросов не возникает, ответ очевиден, но напрашивается вопрос: «Как можно жить в роскоши, когда кругом голод, нищета и болезни?» Но вспомнив, что жизнь за пределами, ничуть не справедливей, чем здесь, находят, что воры и убийцы мало чем отличаются от тех, кто называет себя властью законной, разве, что жизнь здесь беднее. А видя нищих и изувеченных людей, которые именно здесь нашли себе пристанище которого были лишены там, признают, что сильные здесь, хоть так же не утруждены заботой делиться, в меру своих понятий хотят казаться справедливыми и держать данное слово. Попрошаек подсоблявших хромоту Ашу, радовавшихся, что их порядки уважаемым мудрецом оценены выше государевых, не возмущали даже и не очень

лестные отзывы.

Самопровозглашенный лугаль нищих, принимал решения касающиеся судеб своего обездоленного люда, возлежа на шкуре черногривого льва. Выпирая лоснящимся и сытым животом к просящим, он утверждал этим свое презрение и к ним и к любому равноправию и ко всем правилам вообще. В мире бесправия – будто пересмешка мира внешнего, подчеркивающая всю его несправедливость и лицемерие, как нигде властвовало право сильного. При этом воры здесь заправляющие, не скупилась на хвальбу о его справедливости и равноправии в нем, утверждая, что здесь для каждого открыты равные возможности, и каждый своим умом и умением может пробиться в люди, лишь слегка забывая сказать, что имеется в виду умение обдурить, обокрасть, подстроиться или взять силой. Изрезанный по телу, замысловатыми узорами, показывающими его положение среди разбойного люда, главарь и без того внушал невольное уважение твердостью бугристых мышц и остротой взгляда, как у человека привыкшего быть начеку. Небрежно, едва слышимо будто издалека, он начал:

– Я слышал, что у вас есть защитный знак самого Козлобородого. Покажите мне его, чтоб я мог убедиться в том, что вы достойны того внимания какое они вам оказали.

Взглянув на подарок Азуфа, резанный, оценивая начертания, сказал:

– Да, это Козлобородый, я узнаю его печать и вижу, что это

не подделка. А меня сложно обмануть, в этом я дока. Горе тому кто попытается меня обмануть, подлог я чую мгновенно и не прощаю этого никому. А вы можете быть спокойны, ибо Козлобородый не дает защиту абы кому. Он наш друг, а стало быть, вы теперь находитесь и под нашей защитой.

Получив в ответ благодарственные слова, он продолжил:

– Так что, столь благородных веж, привело в наши невежественные отшибы?

Помня о словах главара, старому лекарю не оставалось ничего другого как рассказать правду. Внимательно выслушав рассказ старика, лугаль нищих восхитившись дерзости Аша, захотел узнать, что это за крамольные слова за которые можно певца продержат в яме как опасного преступника и теперь еще вынуждают скрываться из-за этого в столь непристойном месте. Абгал поспешил ответить за своего еще очень слабого подопечного. Услышав содержание слов его частушки, главарь, схватившись за пузо, покатился со смеху, громыхая утробным хохотом.

– Хо-хо-хо, старый... ха-ха-ха, козел..., ха-ха-ха. представляю, как понравилось это козлу молодому, то-то он взялся вам помочь, а он никогда ничего не делает просто так. Еще бы, когда парень оказал ему такую услугу. Теперь эта поговорка пойдет гулять по городу, а потом и по всему Каламу, а мы то, уж об этом позаботимся.

– Это хорошо, что вы решили спрятаться именно у нас, мне не помешает личный иш-ки-ти. – Продолжил он успо-

коившись.

– До досточтимого лугалья, видно дошло утверждение его народа о том, что я колдун. Но, я уверяю, они вероятно были введены в заблуждение маленькой хитростью, которой я подловчился в стенах премудрого Энки еще в юности, примененной мной в страхе перед их бездумным самоуправством. Мы мирные лекари и далеки от занятий волшбой и волхованием. – В оправдание отказа, сказал испуганный подозрением и внезапным предложением жрец Энки.

– Не бойся, мы не ваши кровожадные служители единобожия, и не сжигаем всех подряд колдунов и ведьм, не разделяющих наших взглядов. Если ты колдун мирный и не будешь творить нам худого, поклоняйся и дальше своим червям и жабам, лишь вноси в общее дело должное.

– Я не колдун – снова попытался разуверить старик, воровского лугалья в его подозрениях, – я ученый, а это мой ученик.

– Хорошо, хорошо колдун, называйся, как хочешь, но только дай согласие. Я ведь прошу не за себя. – Тут он вытолкнул вперед человека, с культей вместо рук. – Гляди, он когда-то сражался в рядах кишского лугалья, пожертвовав руками за его пустые призывы, а потом, когда этот верноподанный человек потерял вместе с руками все, его бросили как испорченную вещь, оставив наедине с собой. И только мы, подобрав его, стали ему поддержкой, заменив и семью и отказавшуюся от него, чтобы не содержать по счетам еди-

нодержца, общину.

Оттолкнув его обратно, он вытянул одноногого мальчика.

– А у этого мальчика не осталось никого, и сам он чудом остался жив, когда протоку, которую рыли по приказу энси, прорвало, и вязкой жижой накрыло всю его деревню. Там то, под грязью его и нашли мои люди, при этом у него была сдавлена нога, так, что пришлось ее отрезать, дабы не допустить заражения. С тех пор он среди нас. И таких как они здесь много, все они нуждаются в помощи, а один, я не в силах этого сделать. – При рассказах об их судьбах, у него было такое благородное выражение на лице, полное сострадания и жалости, что действительно можно было подумать, что он это из лучших побуждений взялся помочь немощным людям.

Поняв бессмысленность, что-либо объяснять о своем звании и значении, абгал сказал только, что сожалеет, но вынужден отказать, так как связан уже словом с тем человеком, которого они величают Козлобородым. Погрустнев, резаный лугаль промолвил:

– Да, конечно. Должно быть, он из-за этого и взял вас под свою защиту. Не быть мне больше лугалем, если я и впредь не смогу предугадывать такие вещи.

– У нас, вам будет небезопасно, – слукавил он, опасаясь держать подле себя, не подчиняемого ему колдуна Козлобородого. – Вас отведут в дальние и потому спокойные надежды, но вы должны поклясться, что не будете ничего делать

во вред мне.

Успокоенный, заверением гостей, что они не враги, людям заботящимися об обездоленных, лугаль нищих распорядился подготовить им все необходимое.

– С вами, для вашей безопасности, пойдет мой человек. – При этих словах он подозвал какого-то бойкого паренька и двух здоровяков. – Они вам помогут добраться без приключений.

Окраина и впрямь оказалась вполне сносной для проживания тем, кто решил укрыться в тиши, вдали от любопытных глаз. Да и местные жители, измотанные нескончаемыми заботами, хоть и проявляли оправданное любопытство, все же не лезли с лишними вопросами. Жизнь в бедняцких пределах, итак нельзя было сравнить с относительной неизменностью благополучных пределов, но каждый день проходил в постоянной борьбе за нее. А здесь на окраине, ближе к земле, работающие люди привыкли довольствоваться малым, получая подачки за свои тяжкие труды, полностью покоряясь воле богов и своих хозяев, коих у них было множество. Ведь кроме налога взимаемого государевыми мытарями, им приходилось отдавать часть прибыли в закрома хозяев, другая же ее часть уходила на оплату спокойствия от набегов разбойных сборищ лугалья нищих. Считалось, что им еще повезло, тогда как их обнищавшие соседи, которым не посчастливилось пристроиться к мотыге какого-нибудь за-

житочного горожанина, побираясь, не всегда могли надеяться встретить следующий день. Спутники сопровождавшие гостей, доставив их до места, вопреки приказу своего «лугаля», поспешили поскорей убраться восвояси, зная, что здесь их не ждет теплый прием. Это вооруженные, скопом, они могли чувствовать себя здесь хозяевами, но поодиночке соваться сюда не осмеливались, так же, как городские стражи, не смели соваться в бедняцкие пределы из-за их хозяйничанья в них.

Старания старого лекаря, применившего для его излечения все свои знания и умения, не прошли даром, через несколько дней Аш уже смог самостоятельно, без посторонней помощи прогуливаться на свежем воздухе, опираясь на палку. Еще чуть-чуть и он сможет отбросить ее, но пока приходится смиряться с уделом хромца. Жмурясь по привычке от яркого света, эштарот вздохнул полной грудью. Только здесь за долгое время, он почувствовал себя свободным. Здесь, где казалось бы, меньше всего должно думаться об этом, он был свободен. Пусть сейчас они жили в нужде, в постоянном поиске пищи для урчащей от голода утробы, но вместе с тем, теперь он чувствовал ее – жизнь. Бытие в храме действительно было лишено забот о хлебе насущном и беспокойстве о будущем, а учитывая его особое положение в услужении Инанне, он мог рассчитывать на небедную жизнь в дальнейшем и вне храма, и даже может быть с позволения всемилостивейшей богини – обзавестись семьей. Но мысль

о том, что это однообразное и бессмысленное для него существование, пройдет всю его последующую жизнь до самой ее кончины, удручала и вводила в тоску. Теперь же, когда вроде бы стоило кричать от отчаяния, от того положения в котором они оказались, он впервые за время проведенное на чужбине, мог вот так просто вздохнуть полной грудью, набрав в легкие воздуха и чувствовать себя счастливым. И ни о чем уже не думается, ничего уже не хочется. Достаток, вера, привязанность, любовь, да и сама жизнь ничто, по сравнению с этим чувством полной свободы. Он знал теперь, каким должно быть, если оно вообще должно быть, существование после смерти. Это не то, о чем твердят богословы или иноверцы и рассказывают старики: там нет бездонных подземелий с ужасными судьями, или цветущих садов с прелестными созданиями; но это и не отсутствие совсем, но только это приятное чувство совершенной безмятежности. Он стоял в ожидании учителя, который о чем-то беседовал с молодым, но не старым еще человеком. Нога начинала ныть, но он не обращал на то внимание, с любопытством разглядывая собеседника своего учителя, так не похожего на серых и угрюмых местных. Его любопытство не было праздным, абгал говорил, что как только он станет достаточно здоровым, чтобы без опаски совершать долгие странствия, они покинут город. И словно в подтверждение его догадки, учитель рассказывая что-то яркому человеку, махнул в его сторону, а яркий человек с готовностью кивнул головой. Поговорив с

ним немного, старик подошел к Ашу.

– А-Аш-Ме-Ди, мальчик мой, послушай меня. – По тому, что он начал говорить, назвав его по имени, Аш понял, что его учителю непросто выдавить из себя, то, что он собирается сказать. – Ты знаешь, я мало кому доверяю. Мало тех, кому я смогу доверить чью-то судьбу, и тем более судьбу близких мне людей...

Он редко называл его по имени, чаще просто – "мальчик мой", или как-то иначе. А вот если звал по имени, называл так, полным именем, и никогда так как называли его другие, ставшим привычным для уха, этим емким, коротким – "Аш".

– И вот этот человек – один из них. – Продолжал между тем старик. – С ним мы знакомы очень давно. Он встретился мне еще безусым юношей: когда я – набравшись мудрости, решил покинуть стены храма в Шуррупаке, где провел цветущую пору, чтобы знания полученные в служении богам, направить на служение людям; а он – бросив чужие стада, решил попытать счастья в бродяжничестве. И поэтому, ему я могу довериться как себе...

– Лишь скитальцы, не подвержены еще общему помутнению, постигшему умы людей земли просвещенных. – Вздохнул он с сожалением.

Аш не понимал к чему все эти слова, но видя виноватое выражения учителя, догадывался, что он хочет сказать что-то не очень хорошее, и чтобы избавить старика от мучительных попыток подобрать слова, внимательно слушал, давая

понять, что готов принять любое его решение.

– И я хочу..., чтобы и ты доверился, как я верю.

Страхи Аша оправдались. Он все понял, но из уважения к учителю, продолжал слушать не прерывая, все еще на что-то надеясь.

– Пузур руководит общиной шутейников и игроков, и у него есть возок с ослами. Повыступав здесь, они отправляются дальше. Им было отказано выступать в городе, а здесь – в окрестностях, много не набираешь, люди трясутся за каждую бобовую горсть, а воры – так и норовят сами что-нибудь стянуть. И я...

Видя, что старику нелегко, Аш решил закончить это мучение.

– Когда ехать? – Спросил он, как ему показалось слишком резко.

Абгал, с облегчением, что не придется больше ничего объяснять, выпалил:

– Сегодня же.

– Сегодня?? – Чуть не воскликнул от отчаяния, не ожидавший ехать так скоро ученик.

– Да, сегодня. – Ответил ему с сожалением учитель. – Он не хочет ждать ни дня. И распрощаемся мы с тобой прямо сейчас.

И без того будучи в невеселом расположении, Аш совсем пал духом. Заметив это, абгал утешил его:

– Обещаю, как только выполню свою часть уговора, я на-

гоною вас.

Юноша молчал, не в силах произнести слова. Тогда старик, желая снять возникшую неловкость, предложил обняться на прощанье. Принимая отеческие объятия, приемный сын хотел сказать приемному родителю что-то теплое, но дикий нрав, переданный с воспитанием в духе предков, прохладностью матери и вынужденной нелюдимостью на чужбине, учил встречать радости и невзгоды, не выдавая своих чувств, с лицом каменным и невозмутимым, а поведение нарочито отстраненным. С виду холоден, внутри он разрывался от горечи расставания. Надвинув на глаза сатуш с высокой тульей с полями, чтобы скрыть нахлынувшие чувства, он захромал вслед за скоморохом.

9. Страх и огонь.

Глядя на догорающие головешки, ваятель тяжело вздохнул. Вот он и добился своего, и так мешавший ему соперник повержен. Но отчего не чувствовалось радости облегчения? Отчего не наступало удовлетворения? Казалось, живи и радуйся теперь, но зависть, донимавшая его пока существовала ее причина, не переставала мучить его и после. Наоборот, в груди поселилась какая-то пустота, грызущая изнутри и гнетущая его сильнее, чем прежде. Все ради чего он жил последнее время, ради чего расставлял свои сети, вел происки и плел заговоры, вдруг неожиданно в одночасье исчезло. Он понимал теперь, после того как Нанум создал это несносное изваяние, отнявшее его покой от угнетавшей душу зави-

сти, что все что бы он ни делал, чтобы уничтожить своего злейшего врага, странным образом и стало его предназначением в этой жизни. Быть может изначально, богами ему было предначертано иное, но с тех пор как он всю свою жизнь посвятил, растрчивая силы на борьбу со своим противником, на иное уже сил не оставалось. Да он не сидел сложа руки. Он творил много и успешно, и даже был почитаем среди высшего общества Нибиру, за великого творца и зодчего: его творения пользовались спросом, а вельможи сочли за честь быть им изваянными. Но сам он понимал, что как бы он не пыжился, как бы не изображал на своем лице присутствие божественного дыхания, все, что бы он ни делал, то, по сравнению с этим, было лишь изделием ремесленника. И завтра кто-нибудь другой встанет на его место, и на его творения больше никто не обратит внимания а его самого никто и не вспомнит. А вот это – не существующее уже изваяние, будут вспоминать еще очень долго. Оно долго еще будет будоражить умы людей, воспеваясь ими в песнях и пересказываясь в сказах, в их воображении дорисовывая свой образ до невообразимых высот, а его ваятеля назовут великим творцом. Возможно и у него получилось бы что-нибудь достойное воспевания многими поколениями, но борясь со своим извечным соперником наговорами и науськиваниями, он только и пытался превзойти его, не задумываясь о том, чтобы сделать что-то ради самого творения, не соревнуясь напрасно. И так, растрчивая свое умение на изделия одноразовые –

недостойные памяти, или на жалкие попытки повторить созданное и сделать лучше, не пытаясь достигнуть чего-то своего; оставляя многое после себя, он не смог оставить ничего. Ему вдруг стало жалко и это творение и его создателя, которого он так ненавидел. Он ведь даже не прилаживал своей руки к этому. Они – власти, сами так решили: что то из-за чего происходит столько нехорошего и из-за чего люди даже начинают увечить друг друга, то – следует уничтожить. Его коробило, что причиной этого, было лишь это, а не кощунственность самого только замысла замаха на божественное, с желанием сравниться с бессмертными. Но обвиняя, он боялся сам сознаться себе, что если бы подобная мысль посетила раньше его голову: смог ли бы он сам удержаться от соблазна, быть первым кто сделает это? Может быть именно то, что этого не случилось, злило его больше всего. Новый энси, раздраженный вечными склоками своих зодчих и ненужной болтовней об этом в городе, пожелал узнать их природу, а узнав, повелел устранить причину. Кроме того, шум поднятый неразумными поборниками устоев, только усилил любопытство простого люда, которое не в состоянии остановить даже страх перед преисподней. Что не могло не волновать, только приступившего к своим обязанностям градоначальника.

Настойчивый стук в дверь, заставил обитателей дома встать раньше обычного. Нанум, недовольный нерастороп-

ностью заспанных рабов, ругаясь про себя, приказывал узнать, кого принесла нелегкая, и гнать их в три шеи, если это опять кто-то из бродяг – под коими также разумея недоброжелателей, да и просто, вдруг прибавившихся у его дома ротозеев. Слыша в передней, не прекращающейся шум и голоса, и видя, что его поручение не исполняется, рассерженный, прикрывшись, он сам решил разобраться с нарушителями спокойствия и с ленивой прислугой. Однако спустившись и увидев пришедших гостей и виноватые взгляды рабов, он понял, что никто из домочадцев не в силах им противостоять. Стражи во главе с молодым и оттого преисполненным рвения десятником, пришли с предписанием энси: обыскать дом, дабы подтвердить или опровергнуть обвинения в безбожии, выдвинутые против его хозяина, и если в доме действительно обнаружатся богоборческие творения, подвергнуть это пленению, а ваятеля обязать явиться на суд божественного сонма. Нанум перегородил стражам проход, пытаясь убедить их, что в этом нет необходимости, так как он сам собирался представить свое извятие – тем самым не отрицая нахождения в доме истукана. А приглашая благородного са-каля самому взглянуть на него, чтобы убедиться в его божественной природе, настаивал, чтобы десятник вошел один, дабы не смущать обитель посещаемую богами.

– Вперед! – Решительно приказал десятник, преисполненный праведного гнева, внутреннее возмущаясь: как этот гнусный поклонник Тиамат – мог подумать, что его – сумев-

шего в столь юные годы дослужится до звания десятника городской стражи – легко будет обратиться в свою веру. Да еще иметь наглость утверждать, что это обиталище нечисти, могут посещать боги. Всем известно, что почитатели Тиамат, вознамерившей возродиться и набраться сил новым потоком, каждую ночь приносят своей госпоже кровавые жертвы в виде невинных душ убиенных ими младенцев, чтобы из бушующих волн бездонных вод, воскресить ее необузданного супруга Абзу и ввергнуть мир в век бесконечного мрака безвластия. Правда новоиспеченного предводителя стражей, всегда удивляло, откуда они их каждую ночь достают, и кто так своевременно обеспечивает их чернодействия жертвенной плотью, но каждый раз со страхом отгонял от себя эти мысли. Даже искра сомнения, не должна посещать голову последователя истинной веры.

Ворвавшись в глубину двора, и сразу же натолкнувшись на то, зачем пришли, стражи увидев исполинов, будто замерших – сошедших в вечной битве, сами в страхе забылись, с суеверным почтением глядя на поединок великих. Их сакаль, тоже на миг подвергшись общему оцепенению, невольно с восхищением взирал на изваяние, но тут же со злостью отбросил нахлынувшие чувства, прикрикнув на застывших подчиненных:

– Что встали?! Языческих истуканов не видели?! Грузите это мракобесие на волокушу и вывозите! Энци и сонмище жрецов будут решать, что с этим делать.

Стражники, очнувшись от окрика, водрузив истукана на полозья, желая усердием загладить невольную вину перед начальством, с ожесточением начали крушить и переворачивать все в доме, вымещая злобу за собственный страх. Один из учеников, попытавшийся воспротивиться произволу, тут же был отброшен и бездыханный грохнулся с окровавленной головой. Желание мешать стражам, выполнять свою работу, у остальных тут же отпало. Выволоча на улицу упирающегося ваятеля, продолжавшего клясть их срамными словами, стражники закинули его в ту же волокушу и погнали ее к рукотворной горе.

Священный круг жрецов и лучших людей города во главе с машкимом Нибиру назначенного новым энси, на храмовой площади у подножия великого дома неба и земли провозгласил свой приговор. Творцу запрещалось впредь заниматься ваянием, зодчеством, либо иным отображением божественного сотворения, будь то рисование или начертание надуманных молитв, и он с позором изгонялся за пределы стен города, но сначала должен был лицезреть на то, как созданное им творение, прежде им так оберегаемое, будет истлевать в языках пламени. Стоя перед высоким престолом опустив голову, старый ваятель молчаливо выслушивал, смирившись с уготованной ему участью, но услышав приговор в отношении изваяния, вздрогнул, и пав ниц, своим упрямством и крепостью веры к черным богам, крайне рассердил жрецов, со слезами умоляя о милости к своему бесовскому

творению. Затопав ногами, жрец Энлиля даже хотел изменить богохульнику меру наказания, и лишь то, что помилование, считавшееся гласом божьим, не подвергалось пересмотру, спасло Нанума от мучительной казни. Все же жрец единого бога, получал долю удовлетворения в том, что подсудимый будет вынужден созерцать гибель своих бесовских исполинов, и мучения безбожника, глядящего, как его детище погибает, хоть немного возместят боль задетых чувств его веры.

Прослышав о готовящейся казни колдовских кумиров, люди стали стекаться со всех концов к месту исполнения приговора на берегу реки, даже и из тех бедняцких пределов города, чьи обитатели за свои деяния, сами нередко оказывались, подвергнуты здесь позорному истязанию. Стараясь перекричать шумную толпу, глашатай зачитал вынесенный приговор, затем по знаку чиновника – отвечающего за соблюдение беспрекословного и точного выполнения всех подвижек наказания, вытащили приговоренное творение на возвышение, облысевшее от нескончаемых казней, и двое громадного вида палачей, начали исполнять первую часть предписанного. Со знанием дела поплевав на ладони, они со всего маху начали стегать деревянное изваяние сыромятными плетями. Раскачиваясь под хлесткими ударами, бесовское творение, треща и скрипя, издавало душераздирающие звуки, раздающиеся по округе, словно стона и плача от жестокосердия людей, и от этих звуков у присутствующих хо-

лодело на сердце. Еще больший страх охватил их, когда от стараний палачей, лики великанов вдруг повернулись к ним, страха свирепостью своих разъяренных взоров, заглядывающих прямо в испуганные души. Наконец закончив наказание плетью, истязатели, пряча глаза и стараясь не смотреть на рассерженных гулла, подожгли подложенный у их подножия хворост, политый земляным жиром. Изрядно высохшие и также обильно облитые жиром, деревья затрещали от вползающего огня, поднимающегося все выше и выше, и поднявшись к самому верху, ухватившего там, сцепленные в борьбе руки богоравных братьев. Стражники придерживавшие Нанума, чтобы он смотрел на казнь своего творения, поддавшись общему смятению, уже про него не думая ослабили твердую хватку; воспользовавшись свободой, старый ваятель плача и причитая, бросился к своему детищу, тщетно пытаясь спасти его от всепоглощающего жара. Когда объятый пламенем зодчий заметался на кострище, опомнившись стражники, кинувшись, было оттащить его, тут же отпряли, поняв всю безнадежность попыток сделать это. Под силой жара пламени, пальцы исполинов расцепились, вселяя в притихших людей ужас, и указующие персты разжались, грозя в посеревшее небо, словно предупреждая о неотвратимости скорой расплаты.

Только спустя какое-то время, как костер немного приутих, виноватые стражники смогли оттащить обгорелое тело бездыханного старика и увезти с собой, чтобы отдать до-

мочадцам. Пораженные увиденным люди, вопреки обыкновению не стали оставаться после казни, чтоб повеселиться, быстро разойдясь по домам, и вскоре на ней оставался один лишь слепой старик со своей облезлой псиной.

Силиг-Силиг, подав слепцу, так и не понявшему, что вокруг него происходило, велел ему уходить. Оставшись один, он продолжал наблюдать за тлением ненавистного творения, размышляя о несправедливости мира. Он не застал всего ужаса творящегося здесь, предпочтя не присутствовать на казни, не желая своим злорадством, добивать поверженного уже противника, и в большей мере боясь неожиданной отмены самого приговора. В пыли угасающего пепла, ему приметилась не успевшая еще рассыпаться, кисть руки полубога с разжатыми перстами. Краем своей накидки, ваятель осторожно, чтобы не повредить, поддел ее. Держа в руках остаток не остывшего еще изваяния, творец прекрасного, снова поражался живости даже этого его – последнего, мертвого обрывка. Очередной вздох сожаления растряс его, на этот раз от переполнявшей его до сих пор зависти, и ладонь, просыпавшись прахом, медленно развеялась из пригоршни, оставив на ткани лишь черный ее огарок.

10. Исход.

Еще издали увидав странный возок, украшенный рисунками и цветами, Аш понял, что путешествие не будет скучным, а слоняющаяся толпа, вокруг людей в диковинных оде-

ниях, укрепили его предчувствие. Когда они с товарищем абгала подошли поближе, он подумал, что тут должно быть собранся весь бедняцкий надел. Увидев приближающихся путников, от возка отделился озабоченный человек. Обрадованный приходом старшего, он тут же начал жаловаться на не желающую расходиться толпу:

– Никак не можно их унять, покажи им опять про бедняка Нинурту и все тут. Грозятся, что не выпустят нас, пока снова не увидят, как градоначальник получает тумаки. Мы бы сами начали, но без тебя никак. Не получать же тумаки досточтимой Эгэ, а Нин итак в привратниках.

– Сейчас-сейчас. Поди пока, успокой народ, скажи: "Непременно сейчас начнем". – Успокоил своего соратника старый скоморох, подходя к повозке, чтобы переодеться.

Добившись спокойствия, не дожидаясь пока Пузур переоденется, беспокойный человек, выйдя на проплешину между людьми и возком, начал:

– Сейчас мы покажем, как глупый и жадный градоначальник Нибиру, за свою жадность, был трижды наказан голосом правды Гимил-Нинурту.

После этого, он, на мгновенье, скрывшись за пологом, вышел оттуда уже в лохмотьях с нарисованной лукавой улыбкой на лице, изображая пройдоху-бедняка. Вся суть представления заключалось в том, что хитроумный бедняк, между непродолжительными действиями и глупыми разговорами, под дружный хохот и одобрительные крики зрителей, по-

колачивал жадного до чужого добра градоначальника, от чего последний смешно сжимался и подпрыгивал, а его глупая рожа, под которой скрывался старый приятель абгала, была преисполнена мучительного страдания. У Аша, привыкшего к изысканным представлениям торжественных выходов и воспитанного в человеколюбии, и не успевшего оправиться еще от побоев, сие лицедейство вызывало лишь отторжение, и он хотел с негодованием покинуть сборище охульников и грубиянов, с нескрываемой радостью глядящей на избиение человека человеком. Но только одного взгляда брошенного в скопление люда, хватило, чтобы понять это их злорадство – порожденное беспросветностью бытия. Глядя на эти серые, изможденные лица, радующиеся неотвратимости наказания для вороватого чиновника, он вдруг осознал, насколько велика в людях жажда справедливости, если даже находясь на самом дне существования, люди продолжают верить в то, что придет кто-то, кто сумеет рассудить и установить все по правильному и воздаст каждому по справедливости. Этот голос справедливости Нинурты, возможно единственная их вера в хоть какую-то расплату за обиды, перенесенные за многие годы и поколения. Того Нинурты, которого на родине абгала кличут Нингирсой – покровителем их города. Теперь он понимал желание своего учителя, в его надежде на помощь высших сил. Они еще поговорят об этом, после того как он окажется у старика на родине, ведь именно туда собрались направить колеса своего огорода эти бродяги.

После того как выступление закончилось, и благодарные зрители разошлись, оставив наполненное всем миром зерном блюдо и настоятельно всученное главе скоморохов, Пузур, все еще не снявший с себя сноп соломы – от тумачков, вспомнил про юношу пришедшего с ним. Засуетившись, маленький человек поторопился познакомить его с теми, с кем ему предстояло проделать долгий путь.

– Это наша гордость, досточтимая Аль-Эги, ею восхищаются самые знатные вельможи в Кише. – Говорил он, знакомя его с уже немолодой, но молодящейся женщиной, которая надменно кивнув в ответ на приветствие, тут же отошла.

Представив озабоченного человека, бывшего уже спокойным и занимавшегося починкой колеса, хозяин хвалил его как великого умельца, который бывает незаменимым на долгих дорогах. Тут был великан с говорящим именем, вместо приветствия лыбящегося и лопочащего что-то невразумительное. Была ведьма, которую Пузур назвал просто травницей и целительницей, в долгом пути лечащей их от болезней и ран, умеющей прознавать людей, а по костям животных гадающей не хуже жриц храма. Этим и кормящейся.

– Если захочешь, Ама и тебе погадает. – Предложил он полушутя, на что старуха, схватив гостя за руки и вглядываясь в глаза, пообещала, что в свое время сделает это, ибо видит в нем надел великих, что впрочем, наверно говорила всем.

Пузур, покликнув, изловил девчущку чуть младше Аша,

делавшую вид, что ухаживает за ослами. Вслух дивясь и подшучивая над появившейся застенчивостью у бойкой непоседы, старший лицедей, велел ей познакомить уставшего и болезненного еще гостя с его новым ночлегом, чтоб он отдохнул в дороге. Девушка, сорвавшись с места, схватила его за руку и подвела к пологу вежи. Вскоре и остальные набились внутрь, и ослы погоняемые возчиком, потянув свою ношу, тронулись в путь.

Вглядываясь на раскинувшиеся виды все отдаляющиеся города, ставшего на какое-то время ему домом и темницей, Аш заметил про себя, что ему все же нелегко покидать место ставшее уже привычным. Он не сказал бы, что город, в котором прошло его отрочество, стал для него родным, и его нравы стали для него понятными и принимаемыми. В то же время он понимал, что и за пределами его – в обитаемых землях просвещенных, по чьим пыльным дорогам колесит их повозка, жизнь мало отличается от той, что царила в Нибиру, особенно в тех их краях, которые уже поглотила алчущая утроба безликого бога. Трясаясь в шатком от бесконечных дорог возке, он тяготился тем, что невольно стал обузой этим добрым людям, без того сводящих концы с концами не всегда удачными заработками. Он знал, что рачительный хозяин возка не остался внакладе, получив от абгала серебряные накопления, изрядно оскудевшие на подкупах чиновников и стражников, и плате воровским са-калям за спокойствие в нищенских пределах. Но это мало утешало, когда жена хозя-

ина выказывала мужу свое недовольство новым и бесполезным едоком, а детина пугающего обличья, поддерживал ее невразумительным мычанием, давая понять, что тоже далеко не в восторге от его присутствия. Остальные впрочем, встретили его приветливо, а Нин, своими разговорами располагала к себе и помогала понемногу привыкать к непривычной обстановке, вселяя уверенности веселым настроением. При встрече, она поразила его удивительной лучистостью взволнованных глаз, отчего ее итак большие, невероятно красивые глаза, становились огромными. Сам бы он не стал надоедать расспросами, стесненный чувством, что чужой среди них. Теперь же благодаря ей, он вливался в новое для себя общество бродячих скоморохов, людей пусть и обездоленных, но свободных. Что ж, его всегда привлекала дорога, а дорога сопровождаемая песнями и танцами и вовсе для него – взрослого на подобном, будет приятным путешествием. Может быть в этом и была его судьба. И пусть сейчас, после избиения и сырости ямы, он еще не может полноценно проявить себя, но в состоянии делать вещи не требующие особой силы и сноровки, чтобы не быть им обузой.

– Тяжело расставаться с родным домом? – Участливо спросила Нин эштарота, прожигающего очи, взиранием пролетающих мимо и скрывающихся обветрием жилищ.

Внутренне поблагодарив ее за поддержку, Аш ответил с напускным безразличием:

– Этот город никогда не был и не будет моим домом, и уж

точно никогда не станет родным. Лишь останется напоминовение о том, что порой приходится покоряться судьбе, чтобы совершить предначертанное.

И дождавшись, пока последняя хижина скроется с глаз, натянув клубук по самые уши, отвел глаза от уходящей дали.

Глава 2 Скиталец.

1. Перемена.

Выехав за пределы Нибиру, вожак бродяжей общинки правил вожжи на восход, чтобы достигнув Идигны, повернуть на юг вдоль по течению к Лагашу.

За время пути Нин все же удалось поговорить с прислужником Инанны, казалось таким же своенравным как и его госпожа, пугающим своей таинственной молчаливостью. Но наблюдая за ним, она поняла, что не так уж он и страшен, что никакой он не недотрога и вполне словоохотлив когда проникается доверием к собеседнику. Поняв это, она не только сама осмелела, но своей непринужденностью позволила суровому попутчику расслабиться от гнетущего состояния.

Как-то во время одной из остановок, пока забавный хромец знакомился с их поделками, Нин веселилась, разглядывала его наряд. Ей все не терпелось узнать, зачем их гость скрывает голову под чудным чепцом с полями и что он под ними прячет. Не выдерживая давления своего природного любопытства, она решила рассмотреть его поближе. Из вежливости подойдя потупя взор, она глазами прошлась по пла-

щу, поднимаясь с подола до горловины, затем снова переключив внимание на его голову, немного постояв, спросила смущенно улыбаясь:

– Для чего покрышке такие поля? Ты в нем похож на гриб.

– Служителю богов, должно содержать в чистоте не только свою душу, но и тело предстающее в молитвах перед бессмертными. Не пристало нечистым телом, оскорблять небесных скверню смертных, будь то покров великой матери Ки или чернь от прикосновения лучезарного Уту. – Ответил бывший прислужник Инанны давно заученное.

– А-аа. – С пониманием закивала девушка и отошла.

Затем прищурясь, подскочила и быстро стянула клобук с не познавшей еще пострига головы, задорно прозвенев словами:

– Но теперь-то, тебе это не нужно.

Не привыкший вне помещения обходиться без головного убора, только почувствовав ветерок обдувающий затылок и зажмуриваясь от яркого солнца, юноша непроизвольно потянулся за сатушем, но не поспевая за уклонившейся бродяжкой из-за хромоты, не сумел ухватить даже край его полей. Неуклюже повалившись на землю, он тут же попытался вскочить, опершись на посох, но у него это не очень ловко получилось. Рассердившись своей неловкости, Аш погнался за прыткой обидчицей, смеющейся над его неудачными попытками поймать ее, но остановился, когда напялившая на свою голову его сатуш, она оказалась наверху. Победно

взглянув вниз, Нин ожидала увидеть лезущего за ней обобленного парня, но к своему неудовольствию не увидела его вовсе. Найдя, наконец, его трясущуюся спину глазами, девочка засовестившись, что обидела больного и возможно пострадавшего из-за нее хромца. И спустившись, мучимая раскаянием, примиренно извинилась:

– Ну прости, не обижайся, я же пошутила. Возьми свой сатуш.

Но увидела обойдя спереди, что он не обижен, а его всхлипы, были слезами радости. Обхватив руками больную ногу, он сгибал и разгибал ее, опуская и поднимая, снова и снова убеждаясь, что хромота проходит.

– Помогает зелье учителя. – Поделился он с ней своей радостью. – Еще немного, и я смогу отбросить проклятый костыль. А клубук я ношу, только при плохой погоде и при сторонних.

По этим словам и по общему его настрою, юная бродяжка заключила, что теперь он их не чуждается и не считает сторонними.

Солнце заходило на закат. Ослы, шевеля ушами, прислушивались к речам обхаживающих их Пузура и Гира; вечно устающая Эги, уже отдыхала в повозке; Нин помогала Ама перевязывать Ашу больную ногу, смазанную чудодейственным зельем абгала; а странный великан, которого, как видно за обличье называли Хувавой, просто околачивался вокруг,

что-то недовольно бурча.

В поездке, Аш успел со всеми познакомиться ближе, а во время кратких остановок, входил в суть их дела, разглядывая предметы и хитрости ремесла скитальцев. Иногда они останавливались в небольших поселениях, показывая людям свои представления, и тогда он лучше познавал мир, которым жили его новые знакомцы. Он во все вникал с нескрываемым любопытством, открывая для себя что-то новое, о чем раньше не ведал. Про то, например, что вылепленная из глины харя, обязательно наделялась каким-нибудь выражением для определенного образа, а раскрашенная ткань с многочисленными кисточками по краям, показывала принадлежность к богатым и важным господам. Эта условность умиляла и притягивала его. В храме они тоже постоянно что-то исполняли – разыгрывая деяния вседержительной Инанны, сопровождая это хвалебными песнями и танцами. Но то было совсем другое. Они одевались в красивые и богатые одежды, украшения их были из золота и пили они настоящий дин; но не было той свободы в восприятии взаимоотношений богов и людей, какая царила здесь. У них было все строго и сдержано установленным порядком, а если и придумывалось что-то новое, то кропотливо сверялось старшими на следование правилам. Здесь же он видел, что и люди и боги у них одинаково просты и доступны пониманию обычных людей, плохо знакомых со сказаниями жрецов и сказителей – передающих их из поколения в поколение. Глядя на их представления, он

поражался тому, насколько скоморохи умели повернуть все так, что и боги и люди из известных сказаний, заговорили у них словами простыми, доступными, порой с непристойными шутками. И даже для Хувавы, не отличавшегося болтливостью, но выделявшегося громадой тела, находились выходы в виде безмолвных чудищ и великанов. Кроме этого, скоморохи радовали и удивляли людей своим диковинным умениями: Гир приводил людей в трепетный восторг – бесстрашием и неуязвимостью перед опасностью; Пузур творил настоящие чудеса с простыми вещами, а его жена ему в этом помогала; Ама – старая матушка общины, гадала и предсказывала, и даже недалекий Хувава, удивлял своей невероятной выносливостью, жадных до всего необычного ротозеев. Нин, за время нахождения в этой общине тоже кое-чему обучилась, ловко орудуя предметами, а в силу возраста обладая изяществом и гибкостью, успевала еще приплясывать, что-нибудь напевая. Все более, вовлекаясь в завораживающее действие, Аш вскоре и сам стал подменять Пузура, подвергаясь побоям от плутоватого бедняка.

Повозка, медленно продвигаясь на восток, катила в обход тысячных эштов лугалья Уммы и Унука Лугальзагесси. Попасться воинам, находящимся на войне и особо не разбирающих кто свой кто чужой, небезопасно даже таким мирным людям как веселые шуты и скоморохи, особенно если они пришли с противной стороны. Путь по дороге, по которой

не встречается больших городов: утомителен, долог и тяжел. Здесь нет нарочно проложенных дорог, нет мест, где можно набраться еды и припасов; старая коляска вот-вот готовая развалиться, трясется по ухабам, с трудом преодолевая препятствия и разбалтывая измученных людей внутри. Несмотря на это, путники, не встречая лихих людей, которых множество на дорогах земель разоренных войной, уверенные в своей безопасности, чувствовали себя здесь гораздо спокойнее и увереннее, зная, что здесь сохраняется хрупкий мир и пока еще спокойно. Глядя из повозки, проезжающей мимо перекопанных рвов рукотворных русл и речушек, малоухоженного еще края, бывший храмовый затворник, не выезжавший так далеко, видел свидетельство той мощи человеческой мысли в союзе с волей и невероятными силами, что способны ради жизни, преодолевать трудности, создаваемые самими богами. Тех, о чьих деяниях столько слышал от своего учителя, сознательно или по чьему-то невежеству приписываемых тем же богам. Недаром иноземные гости дивились, всегда расчищаемым руслам и возделываемым полям, там, где общинники работали всем миром, стараясь успеть до разлива рек к севу или сбору.

Едва поддувавший прохладный ветерок, неожиданно раздулся, превратившись в полноценный ветер, и с каждым порывом раскачивая плетеное жилище на колесах, постепенно усиливаясь и почти разросстаясь до бури, раскачивал уже всю повозку вместе с основанием. Передав Гиру вожжи и

всунув взъерошенную копну внутрь, Пузур попросил выйти из повозки всех находящихся в ней, чтобы помочь отвести ее в безопасное место, а ослов скрыть в овражке и самим схорониться там же от непогоды. Выйдя наружу, скоморохи съежились от внезапного похолодания, но прибодрившись, дружно взялись за работу. Оставив возок наверху у редких кустарников, они повели ослов, груженных самыми необходимыми пожитками книзу под овраг. За ветром или вместе с ним, разгоряченную плоть начинали беспокоить редкие еще, но неприятные капли приближающегося дождя. Пока все суетились, загоня упирающихся ослов, хлынул ливень, люди успев намокнуть, укрылись, наконец, под дерновым навесом сами. К счастью для них, ветер быстро стих, оставив ливню право вволю поливать пересохшую землю. Эта договоренность работы богов в слаженном взаимодействии, всегда вызвали у Нин уважение к ним. Ей думалось, отчего люди, не могут так же слаженно работать, не ущемляя друг друга, не отбирая у другого право на жизнь, но обязательно кто-то захочет чего-то большего, и непременно, хитростью ли, богатством или силой, сделает так, чтобы кто-то работал за него и на него. Всегда в чем-то был подвох, и если что-то и где-то сильно улучшалось, то кому-то становилась хуже, и чаще тем же, кто больше всего и трудился, и если где-то пребывает очень много, то где-то убывает не восполняясь. Не так у богов. Конечно иногда, кажется, и у них случаются непорядки, и тогда на землю приходят страшные для лю-

дей бедствия: засухи и неурожаи, холодные зимы и наводнения. Но так бывает не всегда, все это лишь выделяющиеся нестройностью исключения из правил течений времени. Раньше, когда это все вдруг происходило, что-то менялось, терялся какой-то порядок. Недаром многие поколения помнят как великое бедствие, один только великий потоп. Но все бедствия, как говорят божи люди и старики: от человеческих грехов и божьего гнева на них. А значит и здесь не божи распри, а снова лишь людские пороки. Ей было смешно слушать все эти басни новых богословов, о том, что один лишь Энлиль правит на земле от имени Ана, а все остальные послушно вершат по его воле и каждые их действия подчинены ему, и только злая тьма мать пытается противодействовать ему, желая вернуть все в лоно первоначального мрака. Нин претила сама мысль о том, что вольные боги кому-то могут подчиняться (тем более этому злему, человеконенавистному богу), что кто-то может приказывать им как челяди, даже такому свободолюбивому как ее любимый Ишкур. Она боялась допустить принять подобное, это окончательно бы подорвало ее веру в силу правды, впитанную с детства. Энлиль – один из первых среди равных, и это всех устраивало, но кому-то из смертных вздумалось его именем, возвысить себя и свою власть. Теперь даже утверждают крамольное, что он де и вовсе один бог на небе и он вездесущ. Вот это, она уж совсем не могла себе представить, смеясь над глупыми богословами. Они сами то, могут представить себе,

например, чтобы где-то они могли бы насыщать себя пищей, и одновременно где-то в другом месте опорожнять ее? Хотя с них станется. И куда только, они девали остальных богов?

По-детски радуясь проливному дождю, не боясь снова промокнуть, девушка с веселым криком выскочила под потоки небесных вод, словно желая набраться благости у Ишкура. Ее не беспокоило то, что платье промокло до нитки, и после, не очень уютно будет находиться в нем; что придется снова, подыскивать что-нибудь взамен, пока оно не высохнет, и, раздевшись, долго сохнуть у костра. Проливаясь сверху, обтекая, дождь будто нарочно выделял все очертания молодого тела, словно это сам Ишкур захотел полюбоваться прелестью девичьего стана. Давно возмужавшие мужчины, словно впервые видя женскую плоть, с восхищением глядели на нее из своего укрытия: Гир радостно скалился, заражаясь ее настроением; и почтенный Пузур, замечая про себя, что некогда маленькая девочка выросла и вошла в пору цветения, забывшись, засмотрелся, тут же получая за это от разгневанной жены; и даже глупый Хувава стоял с раскрытым ртом. В то время когда мужчины, в едином порыве восторженно уставились на нее, женщины были не столь единодушны: если старая Ама, с ласковой укоризной лишь слегка качала головой, Эги, смотрела на шалости младшей с явным неудовольствием, хмурясь и сердито толкая своего бесстыжего мужа в бок. Впрочем, веселящейся девушке, не было сейчас дела до того, кто и что сейчас про нее думает. Уже до-

стигнув того возраста когда начинают занимать умы молодые юноши, она еще не до конца осознавала силу своей привлекательности для других, быть может, только внимание одного человека ей было бы не безразлично, да и то именно сейчас она об этом не думала. Но именно сейчас, впервые этот самый человек, смотрел на нее теперь другими глазами, такими о которых ей только мечталось лунными ночами.

В силу схожести возраста, неусидчивая Нин много времени проводила и общалась с ним, знакомя его с хитростями их ремесла. Она показывала, как тележка, не тронувшись с места, переносится за тридевять земель, в мгновение ока, превращаясь из хижины бедняка во дворец энси, затем зачем-то вытаскивала разнообразные наряды и, надев на себя, рассказывала про них. Так, постепенно находя общий язык, они сдруживались. Едва уловив, возможно впервые, в ее детской непосредственности, какую-то неуловимую глазу привлекательность, взгляд Аша, как и остальных, был заморожен природной красотой его новой товарки. Она и до этого нравилась ему, но впервые он видел в ней нечто большее. Удивляясь, как не замечал этого раньше, служитель самой покровительницы юности и красоты, нашел ответ в том, что до сих пор относился к ней лишь как к маленькой девочке, и что не угасшие еще прежние чувства не позволяли искать новых, будто надеясь, что все еще вернется. Но теперь, казалось, в одно из каких-то молниеносных мгновений, он излечен от тяжкого недуга, давившего словно гнет.

Между тем, девушка не подозревая, сколько чувств и дум вызвала у разных людей своим безобидным поступком, продолжала плясать под опрокидывающимися с неба хлябями, повторяя шуточную закличку, принесенную из счастливого, но далекого детства, за которую на неугомонных ребятишек недовольно ворча, бранились набожные старики:

Ишкур, Ишкур!
Возьми ошкур!
Ишкур, Ишкур!
Ходи в раскур!
Похлещи хлябей,
По полям пролей!
Выйдет солнце поскорей,
Станет небо веселей!

Ее пышные, слегка вьющиеся волосы, распрямляясь под тяжестью стекающих вод, улаживались по плечам, еще больше подчеркивая стройные изгибы. Попрыгав и пропев свою шутливую прибаутку, девушка тут же звеня радостным смехом, спряталась от дождя, присоединившись к остальным под сень оврага. Аш ринувшись с порывом прикрыть ее своим плащом, со стыдливой досадой отпрянул назад, увидев, что это, опередив его, сделал уже благородный Гир. Вскоре дождь прекратился вовсе, и солнце, действительно выйдя из-за туч, заиграло лучами, разрисовывая небо цветными крас-

ками, словно бы позволяя людям – радуясь теплу, снова восхититься красотами божественного мироздания.

Согревшись, скоморохи вышли из своего временного убежища, приводя в порядок подпорченное непогодой имущество. После налетевшего ветра, покрытие их передвижного дома сильно обтрепалось, поэтому, прежде чем дальше продолжать путь, следовало заняться его починкой. Благодаря дружным действиям скоморохов, возок постепенно приобрел прежний вид, оставалось лишь защитить его внутренность от возможных осадков и палящего солнца. Пока женщины крыли прохудившуюся кровлю их передвижного дома, мужчины собирали тростник и камыши для нее по берегу. Уже почти полностью избавившись от хромоты, Аш не желая оставаться в стороне, работал со всеми вместе, стараясь не отставать от остальных. Срезая длинные стебли кривым клинком, и складывая их в снопы, он в то же время выискивал среди них, для себя только один. Сочинителю хвалебных речений, залюбовавшемуся снизу ловкими движениями девушки, легко ловящей и раскладывающей по крыше озерный сухостой, пришла в голову счастливая мысль, о том, какую пользу для их общины, мог бы принести его навык, бывший пока пригодным лишь в храмовой обители. Это помогло бы почувствовать хоть какую-то сопричастность к общему делу, да и молчаливые попреки взбалмошной хозяйки не оставляли его в покое. Как только был срезан последний стебель, как только был свит и разложен по кровле послед-

ний пучок, как только скитальцы расположились после утомительного труда на отдых: так сразу и незамедлительно, Аш вооружившись кривым ножом, удобно устроился на облучке, с тростником – выбранным из многих с самыми гладкими и ровными стволами. Тихо наблюдая, как юноша обтачивает своим ножичком не самый тонкий стебель, Нин любопытствовала, что он делает, осторожно, чтоб не побеспокоить, словно боясь получить отказ.

– Вот проделаю дырочки и получится сопель. – Непридуманно отвечал он вырезая отверстие.

Закончив, Аш тут же начал что-то выдувать в тросточку, извлекая свистящие, беспорядочные шумы, пока они не стали выстраиваться в стройные и плавные лады, постепенно переходящие в музыку. Через какое-то время, он наигрывал уже, то, что получилось из этих передыханий. Лищедеи и сами владеющие игрой на всевозможных приладах, невольно вслушиваясь в убажжающие слух звуки, переливающиеся из жалейки, с замиранием познавали для себя в них что-то новое. Свиристящее пицание с хрипотцой, защемляло сердца нежной жалостью, пробуждая лучшие чувства, отчего хотелось грустить какой-то беззлобной грустью. Нин, замороженная игрой эштарота, слушала затаив дыхание, словно от лишнего вздоха все это волшебство куда-то испарится. Только когда он закончил, она, выдыхая, смогла спросить:

– Что это? Я раньше такого не слышала.

Словно ожидая, Аш с готовностью ей ответил:

– Эту песню я сочинил когда-то в дни печали, и вспомнил теперь. Мы ведь обойдем многие города и деревни, пусть она нам поможет собрать с людей их заветные ги

– А можно? Так хотелось бы послушать. – Заискивающе потянула Нин.

– Я могу напеть... только...

– Ну, пожалуйста. – Умоляла бродяжка, наседая.

Заглядывая в глаза полные жадной познавания, Аш заговорил почти шепотом:

– Нин, я тебе напою слова, но я хотел бы, чтобы ты сама спела под мой наигрыш. Я нарочно переделал ее.

Спустя время после того как Аш увел Нин, лицедеи встретились, когда увидели ее возвращающуюся всю в слезах. Обеспокоенные, они подбегали к ним, уверенные, что ее обидел храмовый служитель. Разъяренный Гир уже подскокил, чтобы наказать обидчика, но девушка вовремя предупредившая надвигающуюся опасность, всхлипывая и вытирая лицо, поспешила всех успокоить:

– Тихо, тихо. Все хорошо. Это все из-за песни.

– Ах, как же она все-таки впечатлительна. – Скорее умиляясь, нежели сердясь, проворчала старая Ама.

– Но вы послушайте только эту песню. – Наконец перестав всхлипывать, оправдывалась виновница переполоха.

Вскоре, она уже распевала эту незамысловатую песню по селеньям, дребезжанием голоса взволновывая сердца людей, а самих их – притоптывающих под музыку, заставляя задумываться

мываться; а Аш наигрывал ей из под надвинутого на глаза сатуша, на жалейке с надтреснутым пересвищем:

Где ты, моя мечта,
Радость, где ты моя,
Счастье ты где мое?
Мне расскажи про все:

Буду ли я грустна,
Встречу ли я тебя,
Будет ли жизнь моя,
Лучше, иль снова я
Буду бродить одна
И впереди меня,
Вечная ждет нужда?
Счастье там без меня,
Слезы моя семья:

Страх – отец, мать – нужда,
Плач – брат, сестра – беда.
Поле, мой дом родной,
Голод, мой стол с едой,
Холод, мой сон ночной.
Счастье, ты не со мной.
Где ты и для кого,
Держишь свое добро?

Может быть я дурна,
Перед людьми грешна?
Может быть, жизнь – мой грех,
Счастье, дар не для всех?
Счастье в больших домах,
Радость в тугих кошнях.
Тех кто крал, убивал,
Бог ведь, не покарал.

Сбудется пусть мечта,
Счастье найдет меня,
Радость спасет меня
И позовет маня.
Счастье приди, приди,
К нам и к таким как мы,
Пусть разобьются в прах:
Голод, нужда и страх.
Пусть расцветет весна,
Сея тепло в сердцах,
Пусть, что пока мечта,
В ваши придет дома.

Пусть же взойдет, взойдет
Солнце для тех кто ждет,
Светом, теплом войдет,

Там где нужда гнетет.
Счастье пусть всех найдет,
Радость судьба несет,
Пусть за собой зовет,
Всех в ком мечта живет.

Где ты, моя мечта,
Радость, где ты моя,
Счастье ты где мое?
Мне расскажи про то.

2. Нибиру. Измена.

Бравая кучка отпускников, где-то уже изрядно нахлеставшаяся, шумной попойкой чествовала новичков, пропивая честно обработанное у них достояние – заботливо завернутое на дорогу любящими домочадцами. Толстый новобранец, громко о чем-то перед ними хвалился, а они, улыбаясь, поддакивали и подливали ему в чарку.

– И тут, я его шмякнул об землю. – Хвастливо закончил свое повествование новобранец. И хлебнув из чарки, добавил – Вот какие дела творились у нас в городе, в бытность мою стражником.

– Даа, брат. Стало быть, служба для тебя не в новинку? – С напускным восхищением и любезностью в лице, заключил для себя его новый са-каль.

– Да, стало быть. Я не как эти. – Кивнул он с пренебре-

женьем в сторону своих сослуживцев, стеснено сбившихся в кучу. – Уж я-то, знаю цену хорошей драки

– Даа, не хотел бы я с тобой ссориться. А что это, питье кажется, задерживают? Рябой, ты спрашивал? Когда подадут?

– Да я уж не единожды кликал. Все обещают, мол, непременно сейчас принесут, а все не несут.

– Да ты, как следует, просить не умеешь. У тебя нет твердости в голосе. Не то, что, у нашего нового друга. Ох, не быть тебе кингалем..., может, если только у бабы под подолом.

– Да я и не стремлюсь. – Слегка обиженно ответил рябой. – Может, сам покличешь, раз такой твердогласый?

– Не пристало кингалю за выпивкой бегать.

– Зато и твердость в голосе.

– Ну, каково, а? Видал? Опять на меня повернул. – Обратился он к новобранцу. – Ему бы только с бабами и воевать.

– Гы-гы-гы. Ага, у них под подолом. – Выдохнул из себя новоявленный вояка, надуваясь от гогота.

– Да не, вру. Не только в голосе, но и пониже похоже. Здесь хозяйка такая красотка, а ты ее ублажить не хочешь.

– Сам ее и ублажай, раз у тебя такая стойкость. – Снова обидчиво огрызнулся рябой.

– Гляди-ка на него, опять повернул: «Стойкость». – Передразнил кингаль рябого, подмигнув развеселевшему бану.

– Похоже, все рассказы о твоих победах по блудной части, обычные байки, что ты вещаешь глупым ки-сикиль. – Продолжал поддевать товарища десятник, шлепнув по пыш-

ным ягодицам, крутившую задом блудницу. – Балабол ты. Не то, что мой новый друг.

– Что скажешь? – Повернулся он к бану. – Ты стал бы как этот гала уду, красотки избегать?

– Сам ты уду? – Отвернулся рябой.

– Гы-гы-гы. Уду, гы-гы-гы.

Разъяренный неуважительным смешком молодого, рябой привстал, чтобы проучить чересчур осмелевшего бана:

– Чего ты, тут расхихикался?! Может помочь зубы пересчитать?!

– А ну, сядь! – Резким окриком, осадил его кингаль.

– Смог бы ты ублажить красотку? Ты ведь мужик, а не...

– Начал он снова, но осекшись на друга, перевел разговор. – Ну, ты понял, о чем я.

– Хо-хо-хо, а не этот уду. Гы-гы-гы – Как будто нарочно, еще пуще начал смеяться новичок, закончив то, что, по его мнению, хотел сказать са-каль.

А десятник, обращаясь к бану, как к равному, со вздохом заметил:

– Старееет.

И снова к помощнику:

– Какой-то ты вялый стал, думаю, пора тебя сменить. Вот и достойная тебе замена.

– Вот и целуйся с ним.

– Да ладно, не стоит так обижаться, такова жизнь: твое время вышло, пришла пора молодых. Лучше, покличка еще.

Да погромче. А то, после твоих писков толку никакого.

– Сам поклич.

– Слушай Мушу, может ты крикнешь? Я вижу, в тебе есть все задатки са-каля. Чего он там застрял? – Начал подбивать толстяка десятник.

– Эй, корчмарь! Где, ты там застрял?! Неси свежего пива! Хватит натирать свой лоснящийся зад! Тащи его сюда!! – С готовностью заорал на всю корчму, новоиспеченный вояка. Затем, ободряясь одобрительными смешками сотрапезников, довольный собой, добавил – Да поторопись, а то я тебе его надеру! – Расхохотавшись, и обнаглев окончательно, подумав еще немного, крикнул – Ладно, свою задницу можешь оставить, лучше пришли с хозяйкой ее задок! Я лучше ее задок надеру, если ты не можешь! И в передке протрусь, ублажу хозяйку!

Делая неприличествующие движения животом, толстяк так же раскатисто расхохотался, радуясь своей шутке. Оглядывая оторопевших от такой дерзости сотрапезников, и оценивая, какое впечатление она на них произвела, он открыл рот, чтоб крикнуть еще:

– Да где ты, ослиная мо...?!

И тут же замолк, макушкой почувствовав чью-то тяжелую руку.

– Ты чего это, тут разорался? – Услышал он за спиной грубый, грудной голос.

Здоровенная пятерня, ухватившая куцые волосы, выкру-

тила из весельчака последние капли веселья. Поневоле поворачиваясь вслед за волосами, он видел мощную, волосатую руку, чьи жилы, перекручиваясь толстыми узлами, с каждым поворотом пальцев двигались как живые. В следующее мгновение, он узрел, то чему это принадлежало: женщина, превышающая размерами любого из известных ему мужей, нависала над ним большой черной тучей. Она была не просто велика, она была громадна. В огромных объёмах ее телес, едва угадывалась женщина. От осознания этого, видевшим ее в первый раз становилось дурно. Приблизив харю, с чертами заправской пропойцы – красную от постоянных возлияний, великанша, оценивая новичка, прошлась по его лицу кровавыми прожилками воспаленных глаз.

– Кто тут меня ублажить грозился? – Не освобождая руку от стриженной шевелюры, обратилась она ко всем выпивавшим с добрым молодцем.

– Не серчай Ку-Баба, – давясь от смеха, оправдывались бывалые вояки. – Это не мы, это все наш уру-бан, он очень нетерпеливый и все время рвется в бой.

Снова повернув голову в его сторону, Ку-Баба вопросительно на него взглянула, словно ожидая, опровергающего или подтверждающего ответа. Перепуганный до смерти смельчак, сжавшись в комок, совершенно потерял дар речи. Из его только что неумолкающего рта, не издалось ни звука, и он едва смог что-то неслышно промямлить.

– Уу??! – Надавливала на него корчмарка, надвигаясь

всей своей дородностью.

– Это я не тебе, это я просто... – Не находя поддержки у старших, едва смог выдавить бедный бан прижимаясь к своим скромным сослуживцам, таким же новобранцам как и он, которые в свою очередь поспешили от него отодвинуться, чтоб не навлечь гнев грозной женщины на себя.

– Оо! А храбрец то наш уже наложил. Чуете, душком потянуло? – Расхохотался рябой воин, обращаясь к товарищам. – А ведь только что подойти страшно было, такой урса, ни дать ни взять...

– А мне и сейчас, чего-то не хочется к нему подходить. – Прикрывая нос рукой, пожаловался смешливый ополченец.

– Чего это вы гогочете? Кто все мне это, после него чистить будет? Уж верно не вы.

– Не серчай Ку-Баба. – Повторил, не переставая смеяться, удовлетворенный шуткой десятник, пожалев вконец задавленного новичка. – Рябой пошутил. Этот увалень должно быть, просто склонен пускать ветры после сытного обеда.

– А уж, твои обеды не просто сытные, но такие вкусные, что после трапезы и руки не замочишь. – Поддерживал его рябой, чтоб оправдаться, польстив великанше.

– А какое питье! – Икая, подхватил его, один из постоянных посетителей, несчастный пропойца.

– Ну зачем бы мы еще, постоянно к тебе заваливали?! – Громко заключил кингаль, чем окончательно задобрил грозную великаншу.

– Что нынче слышно про войну? – Спросила корчмарка у десятника, спустя какое-то время, после того как все успокоились.

– Что за вопрос? Какой воин, без хорошей драки? Где мы – там не можно без войны. Вот только что, мы вернулись с закатных земель, где замиряли мракобесов, поклоняющихся богомерзкому пожирателю младенцев – Дагану.

– Брось, ты знаешь про что я. – Оскорбленная недоверием сказала Ку-Баба, и, снизив громкость своего звука, добавила. – Всех жителей священного Нибиру волнует, когда начнется война между частями когда-то единой страны.

– Оо! Об этом можешь, не беспокоится! Мир между нашими странами крепко поддерживается нашим великим единодержцем, несмотря на жалкие попытки его противников вбить между нами клинья, но воля наших народов и мудрость великого помазанника не позволят рассорить два братских народа! – Торжественно провозгласил кингаль. – Затем знаком привлекая великаншу, прошептал – Между нами: всем уже осточертело это лживое перемирие, когда наших братьев и единоверцев медленно уничтожают как заправленного зверя. И многим невдомек, как можно обвиняя Лугальзагесси в кровожадности, слать ему дары, пропускать его людей к медным рудникам и продолжать сплавлять древесину, якобы в помощь его нуждающимся жителям, зная, что все это идет на вооружение его несметного войска. Но у высших свои великие помыслы, до которых наши скудные

умишки не достигают. Раз они так решили, значит так лучше. Предадимся же их великому разуму, они знают что делают, ведь ими водит сам всевышний!

– Значит, об освобождении Унука можно забыть. – С тихой злобой, скорее заключила для себя а не спросила Ку-Баба.

– Да не беспокойся. Освободим мы твой Унук, и жителям Урима скоро придет подмога.

– Когда?! Сколько еще держаться Уриму?! Когда прекратятся бесчинства и грабеж на землях захваченных знахарским ублюдком, насилия и убийства жителей их поселений?!

– Ну, это я тебе не скажу.

– Ну так и нечего мне тут рассказывать. Глядя на участь непокорных Умме городов, я беспокоюсь о том, что может произойти со священным Нибиру.

– Ээ, а мы тут на что?! – Обиженно возмутился рябой.

– Аа. Ну конечно, я совсем и забыла про наших доблестных вояк, накладывающих при первом шорохе.

– Эй! Не обобщай, и не равняй меня с молокососом! – Вздернув курносый нос, вскричал рябой, и, вскочив, тут же уперся им в живот корчмарки.

– А ну Рябой, успокойся! Не хватало, чтоб мы еще поссорились... – начал было утихомиривать своего подчиненного десятник, но Ку-Баба не дала ему договорить.

– Не обижайся воробышек, я пошутила – не зло обозвала великанша маленького задиру. – Ну конечно же, вы встанете

на нашу защиту. И ты будешь моей личной защитой и обороной от злобных захватчиков.

Этой шуткой, корчмарка решила окончательно снять возникшую напряженность, вызвав громоподобное гоготанье всей корчмы, так как предполагаемый защитник, был вполтину ниже своей предполагаемой подзащитной.

После такого примиренья, вояки решили, что пора знать и честь, чтобы долгими посиделками, не давать повода к ненужной ссоре с хозяйкой заведения, где им порой бесплатно разливали диду, этот искрящийся напиток богов, охлаждающий в жару и согревающий в холод, приятно кислящий и прибавляющий веселья в кругу друзей. Притихший урса, замешкавшись из-за живота, также засобирался домой, но громадная лапа потянула его обратно.

– Куда? А кто мне в передке протирать обещался?

Толстяк побледнел от ужаса, представив, что его ожидает. Са-каль с трудом сдерживая улыбку, сочувственно произнес:

– Ну брат, держись. Придется тебе видно, всю ночь за свое недостойное поведение ее ублажать.

Дружный смех сопровождал удаляющихся товарищей.

Сам не свой от страха, толстяк был ни жив ни мертв, но громогласный голос корчмарки не давал забыться.

– Что встал? Пошли за мной. – Всучила она ему что-то колючее.

– Входи. – Тихо приказала служанка.

Дверь чуть скрипнула, и стражник проскользнул вслед за ней в неширокое отверстие раскрытой двери. Осторожно ступая за рабыней, молодой десятник городской стражи недоумевал, к чему такая таинственность, когда можно было просто сообщить о его прибытии, да и вызвать можно было его обычным поручением; но боясь вызвать недовольство ее высокородной хозяйки, послушно выполнял все ее распоряжения. Пройдя по узкому переходу, они попали в широкое и светлое пространство богатого двора. Стражника одолевало чувство тревоги и неудобства от того, что он входит во дворец тайком как вор, с черного входа. Немногословная рабыня, когда сообщала, что его настоятельно просит явиться по неотложной нужде ее госпожа – перед чьими носилками он как-то расчищал улицу от сброда когда ей вздумалось посетить рыночную площадь, не предупредила, что это настоящий дворец, и что нужно будет пробираться в него столь необычным образом. Мысленно он ругал себя за то, что не сказался больным, но чувство долга пересилило в нем ощущение лени и страха, и он внутренне предчувствуя неладное, все-таки собрался, полагая, что дело действительно не терпит отлагательств. Тогда не думалось, что такое можно расценивать как-то иначе, сейчас же это не казалось столь однозначным: может быть это кто-то захотел вовлечь его в нечто противоправное, или же сама служанка задумала недоброе, решив с его помощью завладеть имуществом хозяев. Ну, если второе! Тогда уж он не посмотрит, что пред ним любими-

ца высокородной госпожи и если не убьет ее сам, то непременно воспользуется правом городского стража и предаст ее суду, если не сам, то с помощью безжалостного меча правосудия.

Приказав ждать в приемной, расторопная служанка исчезла за плотными занавесями. Рабов не было, не считая дрыхнувшего у дверей привратника. Видимо заблаговременно перед его приходом, их удалили в дальние покои. Это еще больше забеспокоило молодого кингалья, и непроизвольно схватившись за нож, не отпуская его рукояти, в напряжении он ожидал своей участи.

– Ты пришел. – Услышал он за спиной шелестящий голос.

Обернувшись, он, пялясь не отрывая глаз, невольно залюбовался обладательницей этого чудного голоса: ему чудилось, он созерцал явление на грешную землю самой богини – настолько хороша была сейчас хозяйка в своей воздушной, полупрозрачной сорочнице. Она поразила его своей красотой еще тогда, когда он видел ее в первый раз, но тогда не смел поднимать своих глаз на вельможную госпожу. Теперь же находясь с ней один на один, он забыл о том, что перед ним замужняя женщина высокородных кровей, а не какая-нибудь девица равная по положению. Опомнившись, со стыдом опустив глаза, он тут же бросился извиняться, вызвав скрытое неудовольствие госпожи, которой кажется, нравились восхищенные взоры воздыхателей. Ответив на его покаяния, речами об их беспричинности – потому как его

смелый взгляд ничуть ее не смутил; красавица попыталась убедить своего гостя, важностью дела, ради которого был вызван.

– Надеюсь, благородный кингаль, догадывается, зачем я пригласила его к себе в столь поздний час?

– Да простит всемилостивейшая госпожа, но нет, не смею даже предполагать. – Попытался заранее вежливо отказаться от предложенной игры в отгадку взволнованный страж порядка, боясь даже предполагать, что ей от него могло пондобиться.

– Такой молодой, а уже десятник. – Подивилась хозяйка, разглядывая гостя.

– Я очень благодарен нашему улла, что он заприметил и оценил мои старания. – Смущенно ответил хозяйке молодой кингаль.

– Сколько, в твоём десятке человек? – Деловито прохаживаясь, издалека начала она.

– Пять, не считая меня.

– Так маало? Тогда почему он называется десяток? Это ведь, уже пяток какой-то, а ты, стало быть – пятник. – Пошутила, засмеявшись, молодая госпожа.

Стражник, густо покраснев, сказал:

– Мне придан новый десяток, и он еще не полностью сколочен, но я подбираю новобранцев. В этом деле торопиться нельзя, нужны не просто подготовленные мужи, но и проверенные люди.

– Бог тебе в помощь.

– Благодарствую, досточтимая эрес. – Опустив голову в знак признательности, поблагодарил молодой десятник хозяйку.

– Я пригласила тебя к себе, потому, что помню добро сделанное мне. – Со значением в голосе произнесла она. – Также я оценила твое усердие и умение управляться не только со своими людьми, но и справляться с всевозможным сбродом, заполонившим улицы нашего священного города.

Его глаза, снова помимо воли скользнули по воздушной накидке и остановились на набухших сосках, вполне различимых под одеждой и даже слегка проглядываемых.

– Поэтому мне хочется помочь тебе.

При этих словах, глаза молодого кингаля загорелись алчностью.

– Я знаю, – между тем продолжала госпожа, превратно поняв огонь в его глазах, – вы – честные стражники, считаете оскорбительным для себя любые разговоры о благодарении вас золотом и серебром за ваш служебный долг, и даже намеки об этом вас гневят, поэтому даже не буду заикаться об этом.

Глаза кингаля разочаровано погасли. В голове бешено начала крутиться мысль, как бы дать ей понять, что он не прочь пошебуршить золотом и не отказался бы и от мешочка с серебром, но последние слова хозяйки окончательно развеяли в прах все его надежды:

– Я и сама считаю, что задаривать верных слуг, значит возвращать, превращая их в алчных прихлебателей, погрязших в мзде и пороке. Как говорит мой мудрый муж: Даже мысли об этом, должны стращать государственных мужей как смерть.

Это говорила женщина, знавшая о лицемерности сих словоречий, так как сознавала источник благ своего благоверного супруга, – а, следовательно и своих, – с каждым днем, будто лишь растущих на опаре; ведь ее муж сам не гнушался подобных обычаев, бывших у него уже семейными, и позволивших его родителю когда-то из бессчетного множества безвестных чиновников, пробиться в вельможи, а ему занять высокую должность в державном войске и как итог – положение главы священного города. У стражника в запасе осталось последнее предположение, но зато самое заманчивое, он с нетерпением ждал, когда прекрасная госпожа назовет его.

– Если бы было в моей воле повлиять на твое продвижение по службе, я бы этому поспособствовала, но, увы, я не вправе вступать в мужнины дела. – Тут же разбила она и эти его мечты. – Я бы замолвила за тебя свое скромное словечко, но муж мой ужасно ревнив, и боюсь, я бы только навредила тебе.

Слушая, раскрыв рот, подающий надежды служака, усиленно напряг извилины, гадая, для чего же его тогда могла позвать благородная эрес.

– Но я еще раз повторяю: я умею быть благодарной. По-

этому, так как у меня больше не остается иных возможностей, остается лишь одно...

В следующее мгновение произошло то, от чего молодой предводитель стражников, застыл в смешанности ужаса и вожделения: перед ним, как молодая львица во время брачных игр перед своим львом, с царственной осанистостью – расхаживала обнаженная эрес. Стараясь понять, как это произошло, в ошеломленном мозгу хранителя порядка, остатки мышления начали изнуряющую работу над приведением в порядок здравомыслия. До его сознания стало доходить, как произошло, что она перед ним стояла сейчас голой: да-да, при последних словах она скинула свою накидку, и он, совершенно не ожидавший подобного, от ужаса, совсем на краткий миг, впал в забытие.

Дразня набухшими от возбуждения сосками и треугольником в ложбинке, юная градоначальша, виляя задом обхаживала вокруг него, и говорила что-то своим приятным, мурлыкающим голосом, а он, приходя в себя после первоначальной растерянности, совершенно обалдевший от свалившегося на него счастья, отвечал ей невпопад.

От нудной работы, трудно думать о чем-то другом кроме как о том, как бы поскорее подошло время, когда можно будет опустить уставшее тело на подстилку, пусть даже сплетенную из самого жесткого тростника, еще тяжелее, если пузо тебя постоянно тянет вниз и мешает сгибаться и ползать

на четвереньках. Но чего не сделаешь, чтоб избежать заслуженного наказания. Незадачливый вояка, соскребая с глинобитного пола, очередное пятно чего-то непонятного, украдкой поглядывал сквозь прорехи занавеси, и, опасаясь, как бы разговор не касался его особы, вслушивался в однообразное разноголосье раздающейся с клетки – нарочно отведенной для важных гостей. Тем более, повод подозревать, что-то нечистое, был. Таинственные гости, скрывая лица под страшными клобуками, о чем-то перешептывались с хозяйкой, Мушу пытался понять смысл разговора, но те говорили слишком тихо.

– Вы все слышали? – Спросила угрюмая корчмарка гостей.

– Да, слышали. – Утвердительно закивали гости своими накидками.

– Ку-Баба, ты же ненавидишь Загесси. Почему ты на его стороне? – Спросил кто-то.

– Я научена горьким опытом, когда обещавший помочь Киш, бросил Шуруппак в беде, лишь раззадорив уммийцев, сотворивших великие насилия над шуруппакцами. Лучше предать заранее самому, чем ждать, когда за тебя это сделает твой трусливый «друг». Чтобы избежать худшего.

– А что я вам говорил? – Самодовольно подметил высокий гость. – Противоречивость нашего самозванца, приводит к тому, что скоро и самые упертые его сторонники пошатнутся в своей вере. Впрочем, мы не будем ждать, пока он приведет

свой народ к гибели. Уже и святейшие жрецы с нами.

– Как?! И служители Вседержителя?! – Удивленно воскликнул, кто-то из гостей.

– Чему удивляться? Вседержитель не потерпит, чтобы от его имени кто-то смел, тешить свое честолюбие и единолично править; тем более чужак, из земель подвластных иному богу. Только богам дано право, единолично решать судьбы мира. – Мрачно осадил недоверчивого, сухой голос, принадлежащий ряженному в дерюжки одежды.

– Но Энлиль, при нем стал единым богом всех жителей Калама по эту сторону.

– И думаешь, нам лучше от того? Наш бог и прежде был первейшим, и все города по эту и по ту сторону признавали это, а город его, бесспорно, оставался священным местом для всего Калама. Теперь же, благодаря стараниям Ур-Забобы, посмевшего самозваньем поносить имя нашего бога, и подлостью нашего святейшего первосвященника, продавшегося за честолюбивые помыслы и побрякушки; бога нашего всюду ненавидят, а нас презирают: открыто на землях по ту сторону и скрыто по эту.

– Святейший, много ли, среди служителей вседержителя, думающих так же? – Коротко спросил кто-то, с привычной уверенностью в голосе.

– Все, кого самозванец не успел умастить, и многие из тех кто принимал его дары без радости. Но у нас есть условие...

– Сколько вас?

– Должен быть избран новый энси, из нашего круга. – Про-
верещал жрец.

– Мы это решим. Сколько?

– Достаточно, чтобы совершить обряд смещения верхов-
ного жреца, и отстранить от власти тех недостойных, кто
продал свои души за личное благоденствие.

– Да свершится. – Заключил велеречие жреца, главный за-
говорщик. – Не захотел помочь другим. Подорвал доверие к
себе подлым предательством. Что ж, думаю, теперь и к нему
никто не захочет прийти на помощь. Когда это уважали и
доверяли предателям?

– Ты так говоришь, будто сам не толкаешь нас на то же. –
Возразил ему старческий голос.

– Полно тебе алга, он сам себя предал. Предавший пер-
вым, предает себя сам, и потому: предать предателя, не пре-
дательство.

– Предательство есть предательство, как его не называй.

– Уж не хочешь ли ты, пойти на попятную алга? С каких
пор, тебя стала беспокоить судьба этого обезумевшего царь-
ка? Гляди старик, мы договаривались; я свое слово сдержал,
держи и ты свое. – С едва заметной угрозой в голосе, сказал
высокий гость.

– Меня мало заботит судьба этого кровососа, и я вполне
поддерживаю, твое стремление сместить его. Но меня вол-
нует, как бы наши действия не привели к пролитию крови
черноголовых. – Упрямо возражал ему старик.

– Кровь неизбежна.

– Но ты обещал, что сделаешь все, чтобы невинные не пострадали и города не были разграблены.

– Раз обещал, значит так и будет. Но сперва, ты – сдержи свое слово. – Раздраженно требовал высокий.

– Ну, коли так, и я буду придерживаться наших договоренностей, по мере сил прилаживая свои скромные знания, чтобы помочь освободить Калам от гнета безумцев и воров. – Утихомирил его словами старик.

– А то ведь знаешь, у меня достаточно возможностей, чтобы исправить совершенное злодеяние. – Успокаиваясь, продолжал на него давить тот, скорее уже просто разогнавшись, уведомляя а не угрожая.

– Этого я и боюсь.

– Напрасно. Если все выйдет, до вас никому не будет дела. – Совершенно повеселев, заверил старого гостя, высокий гость.

– Так ты говоришь, энси все знает? – Прервала их препирательство хозяйка.

– Да, я с ним переговорил. – Ответил высокий гость.

– И что же, он согласен?

– Пока он ответа не дал, но дело времени.

– А как же, наши условия? – Подал возмущенный голос священнослужитель.

– Об этом можешь, не беспокоиться. Если Мес-Э согласится, лугаль возвысит его, и тогда место градоначальника

опустеет. – Выпрямившись, высокий гость откинув накидку, подставляя свету точеное лицо с козлиной бородкой, завершил – Вскоре я должен возвращаться в Киш, дабы не раздражать Ур-Забабу долгим отсутствием и не вызывать ненужного подозрения. Долг чашеносца, всегда быть рядом со своим господином. Оттуда нарочным, я вам отправлю подробные указания.

– А это не опасно, открываться человеку такой важности и не получив согласия, возвращаться без предосторожности? – Обеспокоенно спросил тот же голос, что с недоверием удивлялся участию в заговоре жрецов.

– Чье слово, имеет больший вес? Чашника великого единодержца, или новоиспеченного градоначальника? Будь государь прозорливее, может он бы и стал делать правильные выводы, но, увы, наш единодержец слишком увлечен самолюбованием. Так что тут я спокоен. Дурень, считающий себя самым мудрым, а на деле не видящий дальше собственного носа, мне так же опасен, как псу блоха: немного зудит, но вполне сносно, да и неприятность эта до поры. А если вдруг, что-нибудь случится с государственным сановником здесь, думаю энци недолго усидит на месте, равно как его голова. К тому же, Мес-Э слишком умен, чтобы не понимать, что дни Ур-Забабы сочтены, и слишком труслив и жаден, чтобы при такой будущности оставаться ему верным. Он уже повязан тем, что когда-то отпустил вражеского пленника, мя, что этому нет свидетелей. Но благодаря нашему абгалу, видок

нашелся, оттуда, откуда меньше всего ожидали. А теперь, он повязан еще крепче. Так что ждать, пока он примет правильное решение, осталось недолго. Еще я не успею отбыть из Нибиру, как он будет готов исполнять волю вашего повелителя. – И громко – Дайте время!

Тут, в задней части корчмы, что-то зашумело. Насторожившиеся гости встрепнулись, самый быстрый заговорщик, сунув руку под плащ, спросил хозяйку:

– Кто там у тебя? Ты же сказала, что всех отослала.

– Да не бойтесь, там у меня один храбрец прибирается. Он не опасен. – Как будто сразу всем, ответила Ку-Баба.

– Да как, такое возможно?! – Под плащом хватаясь за меч, вскричал беспокойный человек, и вскочил, чтобы догнать тут же выскочившего от его окрика молодца.

– Стой. – Удержал вспыльчивого товарища, высокий гость. – Пусть уходит. Кто ему поверит? Да и не догонишь его теперь: гляди, какого стрекача дал, не скажешь, что сам в два объёма, только пятки сверкают. – Залюбовавшись на стремглав уносившегося толстяка, продолжал Азуф. – Теперь пойдут слухи о горе-разоблачителе тайных заговоров. Все будут думать, что это очередная байка пустоплета и проверять уже не станут наверняка.... Ку-Баба, он, кажется, что-то у тебя сломал, когда убежал.

– Вот ведь обосранец. – Взглянув с досадой на снесенную тростниковую дверь, укоризненно выругалась большая женщина.

3. Радость бытия.

Спускаясь вдоль струящегося серебром потока, скитальцы рассчитывали неплохо пожить в попадающихся мимо селениях, но встречая всюду разорение, приходили к печальному выводу, что ничего не найдут здесь кроме печали и слез. Видя это, все они, не сговариваясь, решили, что было бы справедливо давать свои представления как и прежде – за пропитание, пока они не окажутся в землях более благостных. Но и это казалось великим побором с несчастных людей, уже не ожидавших для себя ничего хорошего и потому не спешащих на веселые представления.

Жизнь людей здесь была невыносима вдвойне, постоянными поборами на войну и набегами размножившегося лихого люда, отбиравшего у людей последнее, оставляя их умирать в нищете, или вынуждая самим становиться разбойниками и обирать таких же несчастных. Самые свирепые и жестокие становились для молодежи примером подражаний, а стать ворами и убийцами было пределом их мечтаний. Но большинство, привязанное домом и родными людьми, продолжало влачить жалкое существование в вечном страхе, не решаясь пойти на воровство и смертоубийство, имея печальный опыт тех кто уходил в разбой. Казалось, чему бы радоваться, чтобы продолжать жить? Казалось единственный выход из всего – смерть. Но люди упорно продолжали жить, цепляясь за свои существования.

– Зачем так жить?! Даже у рабов, больше надежд и меньше страхов, чем у самого благополучного из этих людей! – В отчаянии вскричал Аш, глядя на потухшие лица людей.

– Ты ведь знаешь, что проповедники и вельможные богатеи, чтобы не терять послушное стадо приносящее блага, внушают людям страх перед самоубийством. – Сказала мудрая Ама. – Но ты не знаешь, насколько сильна бывает, одна лишь радость бытия на этом свете: когда один лишь страх перед смертью не позволяет проститься с этим миром; одно лишь чувство того, что ты еще дышишь, удерживает тебя. Ты не испытывал, и спасут тебя боги, никогда не познаешь того ужаса перед концом, от которого начинаешь пугаться и самого существования, ибо понимаешь, что конец все равно неизбежен и когда-нибудь непременно наступит. И сердце из страха колотит так, что ты мечешься в бессилии что-либо изменить, заранее страшась неизвестности потустороннего, когда лишь мысль от вопроса себе – «А что же там?», заставляет содрогнуться. И тогда-то, ты по-настоящему начинаешь ценить жизнь, какой бы худой она ни была.

Выслушав умудренную жизнь старуху, Аш не удержался, чтобы не спросить, словно возражая:

– А как же, проповеди жрецов о загробной жизни?

– Трудно поверить в слова о воздаянии после смерти, смиренным перед бесправием, когда проповедующие об этом, сами живут в роскоши и разврате, а их утробы круглее и больше чем у женщин на сносях. – Шамкая беззубым ртом,

прокряхтела старуха. – Но, что поделать? Люди и у нас хотят верить в божественность земного устройства, и все приносят и приносят воздаяния в храмы, снимая с себя последнее, надеясь этим заслужить лучшей участи в краю Иркалла. Видя же, торжество кривд господ и чиновников, червь сомнения и страх что они не найдут правды и после смерти, все больше гложет им души. Оттого и нет в них света, а взоры их пусты и безнадежны. Потому мне не терпится взглянуть хоть глазком, на того, кто смог опрокинуть этот порядок и вернуть свой народ в лоно матери – во времена изначального обустройства, когда было неважно медник ты или сукновал, богатый ты или нет, но все были равны и сами решали, как им жить. Я хочу увидеть этого человека.

Чем дальше они продвигались ближе к границам Лагаша, тем все светлей и радостней казались встречающиеся лица. Несмотря на то, что здесь люди жили в такой же убогости и страхе, как и везде, сюда доходило все больше слухов о том, что происходит в Лагаше, где такой же бедняцкий люд, сумел сбросить с себя ярмо поборов и решает судьбы родной земли на равных с вельможными богачами. Наконец-то, спутники смогли вздохнуть свободно: получив возможность зарабатывать хотя бы зерном, у них отпала необходимость покупать еду за припасенное добро звенящего блеска. Рассевшись вокруг костра, скоморохи снова заводили беседу о предстоящей встрече с Уруимгиной.

– А ты слышал про него, какой он из себя? – Допытыва-

лась юная бродяжка у Пузура, как у человека много повидавшего и много с кем общающегося. – Он верно настоящий исполин? Говорят, он так силен, что подбрасывает плугом как перышком. А ведь сам плуг так тяжел, что его не смогла вытянуть и вся царская дружина.

– Какой плуг? – Недоуменно тарачился на нее Пузур.

Но девочка, не давая ему сообразить, продолжала тараторить:

– Глаза же его, рассказывают, горят кровавым пламенем, и все кто в них заглянет, тут же падает замертво.... А как он тогда с людьми разговаривает? Неужели, все время глаза прячет? Он и вправду такой страшный?

– А ну, не приставай со своими глупостями! – Осадила младшую старуха. – Пузуру некогда выслушивать твои выдумки про уважаемого человека, у него и без того из-за нас забот хватает.

И подкидывая хворостину в костер, продолжала ворчать, то ли рассуждая вслух, то ли обращаясь к Ашу:

– Вот ведь дурочка, наслушается сказок уличных выдумщиков, да и уши развесит. И ведь верит. Кто это ей только наплел?

Пока она говорила, Нин стыдливо опускала голову, с каждым словом склоняясь все ниже, пока вконец не приуныла. Ашу сидящему рядом и вежливо улыбавшемуся словам старой женщины, стало жаль простодушной девчонки, и он захотел ее как-то подбодрить.

– А ведь в этих рассказах, есть зерно истины.

– И этот туда же. – Всплеснула руками старуха.

Неловко посмеявшись недоумению гадалки, юноша поспешил все разъяснить:

– Нет, ну вы подумайте: ведь плуг – это изображенный на их стяге, знак их покровителя Нингирсу; но его то и не смогла у них вырвать дружина Лугальанды, бежавшая, робея перед толпой босяков. А взгляда Уриимгины, действительно страшатся все нечистые на руку, ибо он непоколебим и не различает кто перед ним: зловонный, измазанный нечистотами – грубый выгребатель навоза, или умасленный благовониями и обвешанный драгоценностями – изнеженный собиратель пороков.

Нин, подняв увлажнившиеся очи, с благодарностью взглянула на эштарота, остальные, вспомнив откуда родом его учитель и друг Пузура, согласились с тем, что в словах юноши сквозит доля правды. Так, в беседах, проходили их ночные посиделки вокруг костра.

И катила их тростниковая повозка все дальше и дальше, все ближе приближаясь к заветному городу, где они думали переждать время бурь и ветров, чтобы вновь отправится дорогами Калама, быть может по землям враждебной Уммы, веря, что можно еще некогда единому племени быть вместе, хотя бы общими радостями. Ведь обычные люди, хоть иногда доходя в своем недопонимании до безумства, несмотря ни

на что, чувствуют сами, что вся эта враждебность им чужда, как не пытается кто-то навязать им свою волю, пытаюсь разорвать вековые связи некогда единого целого и, как и прежде тянутся друг к другу. И таких все больше, при том, что жизнь их не становится лучше, с каждым днем прибавляя трудностей. Но чем хуже становится их жизнь, тем больше понимания приходит в их бесхитростные головы, что все их тягости вовсе не от соседа тянувшего такую же тягу, а от того кто направлял их на этот раздор и чей жир от этого только наплывает. У многих по другую сторону остались родные и близкие; у кого-то там были хорошие друзья; много было и таких, кто спасаясь от преследования у себя на родине, переходил на другую сторону.

Так, как-то проезжая мимо колосющихся полей, глава их маленькой общины, в одном из трудяг лугаля, возделывающих хозяйские угодья, узнал своего давнего знакомца. Взволнованный неожиданному видению, окликнув закупа по имени и убедившись в верности своего предположения, Пузур тут же засуетившись и соскочив с облучков, обрадованный, вперевалку помчался к старому товарищу, не переставая окликивать: «Нарам! Нарам!». Однако тот, глянув подслеповатым прищуром, отворачиваясь, как будто не захотел его признавать – стыдясь своего положения, но в конце концов вынужден был принять объятия скомороха. Наобминавшись с приятелем, Пузур подозвал своих товарищей, знакомя со своим земляком – бывшим поселянином из под Ка-

дингирра, с которым водил многолетнюю дружбу, с тех времен когда безусым юнцом сам еще жил оседло и не помышлял о бродячей жизни. Тот тоже улыбался сквозь слезы, радостной но виноватой улыбкой, которая от этого не делала ее счастливей. Пригласив к себе скитальцев, шуб-лугаль однако, поспешил предупредить, что его хижина, не для приема гостей, так как они с женой сами едва в ней размещаются, но позволил на ночь, поставить повозку рядом со своим жилищем. Подъехав к месту, бродяги сами убедились в справедливости оправданий старика. Жилище которое он стыдливо называл хижиной, далеко им не являлось. Скирда соломы, да воткнутые в землю колья, вот и весь бесхитростный скарб, некогда зажиточного поселянина, позволявшего себе нанимать работников. Это даже не тростниковое строение бедняков. Впрочем, бывший зажиточник, объяснил это нежеланием засиживаться в закупах, и по возможности возвратиться на родину, где вернуть когда-то нажитое. «Они еще надеются». – С жалостью подумал Пузур.

Рядом с хижинкой, увлеченно роясь в земле, ползала на карачках растрепанная женщина преклонных лет. С завидным усердием выгребая горсти ржаной земли, крутя острыми ягодицами, нахально выставленными в смеркающееся небо, она сооружала из них стены, вертясь над вырытой ямой запасливой собакой. Черви и насекомые, которых она, поймав, тут же помещала в этот землянный загон, вероломно убегали, прорываясь сквозь него, или уходили глубоко в

землю, и тогда она с криком подскакивала, вылавливая их снова и возвращая на место. Она так же ковырялась в ней и в присутствии посторонних, будто не замечая никого вокруг сооружая загоны для червей и букашек, хотя на их прибытие, оглядывая неожиданных гостей, начала недовольно бурчать под нос о грабителях пришедших увести ее стада. Гуруш стыдливо отведя глаза, просил прощения за изувеченную горем жену. Это и была некогда грозная госпожа, которой, там у них на родине, боялись все в округе, и даже сам энси города не осмеливался перечить ей. Нет, она вовсе не сдалась под натиском толпы, просто разум подвел ее с известием о гибели единственного сына: перед которым единственным она понижала голос, от чьего недовольства, единственно сжималось в страхе ее сердце – любя его до самопожертвования. И соседи, после того как все их добро изъяли стражники в пользу государевых нужд а имение разорили, вместе с уже угасшей женой, погнали ее мужа, которого тоже побаивались, но который не был столь стоек перед людским давлением. И хорошо еще, что гнев не перекинулся на их дочерей, вовремя выданных замуж в соседние поселения, а то бы и их постигла участь убогих беженцев. Теперь же эта женщина, была блеклой тенью прежней гашан, вернее это была совершенно другая женщина, не имеющая ничего с ней общего, без привязанностей в этом мире, но совершенно погруженная в себя и существующая подобно дикому зверю. Поужинав, слушая рассказ бывшего зажиточни-

ка, жаловавшегося на нелегкие скитания с побирушничанием в поисках спасения для себя и своей обезумевшей старухи в запредельной стороне ки-бала, лицедеи улеглись спать. Старые приятели, еще долго о чем-то болтали, вспоминая старые годы и делясь пережитым, пока остальные предавались сну. И лишь некогда грозная гашан, поглощенная своей работой, приостанавливаясь, иногда прислушивалась к их разговору, и успокоилась только, когда уснули и они.

Когда они только подъезжали к реке, встретивший их берег, обманул их ожидания. Вопреки представлению, быстроносная река, обмелев от зноя, оказалась похожа на обычную мелкую речушку, кои во множестве протекают в землях благородных, и уже не в состоянии была нести их вниз своим течением, в сторону Идигны. Но нет худа, без добра. Зато сейчас, они с их небольшим возком, легко сумели перебраться на другой берег, без опаски встретиться с унукскими дозорами. Подступив к какому-то небольшому городку только к ночи, скитальцы решили заночевать в поле, в ожидании, пока жители его не пробудятся. Подставляя пламени, окоченевшие в ночной прохладе члены, каждый думал о чем-то своем. Кто-то, глядя в пляшущие от дуновения языки огня, вспоминал, безвозвратно уже ушедшее былое, кто-то думал о будущем, и всех объединял одна общая мысль о завтрашнем дне, ведь каждый день значил для них то, будут ли завтра их желудки наполнены едой а мошна не прохудеет.

– Да не оскудеет ваш котел, добрые люди. – Услышал они голос, доносящийся из темноты, будто угадавший их думы.

Оглянувшись на голос, полуночники увидели тень человека в обмотке на голове, и в свете костра, тут же высветилось его улыбающееся лицо.

– Разрешите погреться к вашему огню.

– И тебе всех благ. – Поблагодарив, за всех поприветствовал гостя Пузур. – Сядь ближе к костру, отведай нашей трапезы и расскажи, что слышал.

– Вот хорошо – обрадовался путник, перед костром потирая окоченевшие руки, – а я-то, опоздал к вечерне, и вынужден был оставаться в поле. Времена нынче тревожные, и жители поселений не впускают запоздавших просто так. А ночи все холоднее, и дикие звери все ближе тянутся к человеку в поисках тепла. Я продрог до кости, и кто знает, пережил бы я эту ночь, если б не вы? Может быть меня – окоченевшего, сожрали бы шакалы и разнесли мои клочья по полям. Огня у меня нет, а у вас вижу тут уютно: огонь, еда, ложе для сна, и даже ваши женщины слишком красивы для этой дикости.

– Так ты здешний? – Спросил Пузур, стараясь отвлечь гостя, с неудовольствием заметив, благосклонный взгляд своей жены на его ужимки.

Гость утвердительно закивал головой, начав уплетать ужин, только что подоспевший.

– Что ж тебя не впускают? Наверняка ты там известен.

– Ууу! – Потянула старуха, – Пузур, ты не знаешь, до ка-

кой подозрительности доходят доведенные до этого люди. Порой бывает, и мать родному дитю не доверяет, и сын матери.

– Досточтимая угун права. Люди стали недоверчивыми и подозрительными. К тому же, я не такой важный человек, чтобы меня все знали. – Обжигаясь кашей, сказал удобно пристроившийся между женщинами гость.

– Почему же ты, не постучишься в дом? Благоверная не пускает?

– Увы, я одинок и у меня нет своего дома. – Развел тот руками.

– Ты что, собрался выгонять гостя посреди ночи? – Проворчала Эги.

– Как же ты тут живешь без дома? – На сей раз, не слушая жену, продолжал доведенный до ревностной подозрительности муж.

– Когда как: чаще на улице или в хлеву; если очень повезет, кто-нибудь впустит погреться в дом.

– Прости, но ты не рассказал про себя, и я могу судить о тебе лишь по твоей одежде. – Оправдался потеплевший к гостю Пузур, давая понять, что пора бы тому представиться.

Рассмеявшись неприятным коротким смешком, незванный гость, прокряхтев, сказал:

– Вам мое скромное имя, все равно ничего не скажет. А занимаюсь я тем, что перегоняю стада. А зовут меня Аш...

При этих словах сидящие переглянулись, Пузур весело

кивнул Ашу, тот в ответ недовольно ухмыльнулся.

Пузур посчитав невежливым расспрашивать гостя не представившись, назвал, заодно назвав и остальных. Узнав, что в этом кругу бродяг, судьбой ему было уготовано встретить тезку, приبلудный Аш покровительственно заулыбался.

– А ведь это чудо, – говорил он вглядываясь в юношу, – встретить здесь, в этой дикости, тезку, да еще столь многим схожего, это и вправду большое провидение.

– Тезка?! Что ж такого? Я, например, встречал на своем пути столько Пузуров, что и с пальцами ног не подсчитать, сколько раз. Ты лучше расскажи, что слышно. – Возразил было Пузур, чтобы помочь смущенному юноше, бывшему не в восторге от такого тезки. Но пришлый скиталец с ним не согласился.

– Тут нет ничего удивительного, – сказал он не двинув бровью – Пузур имя нередкое, а здесь другое. Скорее наутро в Каламе воспоют во славу Дагана, чем встретятся одиночество с желанием. Между нами и отличие в том только, что он свой путь только начинает, а я ухожу к закату.

– Молодость. Великая сила – молодость. – Продолжал пустынный Аш, то и дело, поводя взглядом то по Ашу, то по Нин, то задумчиво глядя в огонь. – Время свершений. Будь ты даже некрасив или хром, все твои недостатки восполняются ею. Ах, молодость, как ты быстротечна! Пора цветения и радости бытия, когда мы полны сил и сердце наше бьется

с верой в лучшее. Выложи торговец, перед нами на выбор неспелые яблоки и перезрелые груши, мы всегда выберем яблоки, потому что знаем: их еще можно дозреть, а перезрелым грушам место одно – помои. Так и с людьми: поставь перед нами юную расцветающую деву и стареющую молодящуюся красавицу, мы всегда выберем молодость, даже если она будет слыть дурнушкой, ибо цветение всегда милее увядания, и время ее впереди. Даже нанимая на работы, мы предпочтем молодого, полного сил юношу, немощному старцу; если только не ищем мудреца наполненного знаний, от которого и ждем-то только, чтобы он поделился ими. Где ты – моя молодость? Сколько возможностей перед тобой стоит, пока ты молод: сколько начинаний можно начать, сколько глупостей исправить; как много выбора впереди, как мало ошибок сзади. Эх, молодость! Мы не ценим ее когда молоды, и оплакиваем когда стары. Уходит в прошлое все, что мы когда-то знали и любили, и все вокруг нас меняется и становится другим, чужим, не тем, что мы помним, что храним лишь в своей нетвердой памяти. И тем страшней, что ты осознаешь неизбежность этого. Юности расти и развиваться, зрелости уходить к закату. Таков закон мироздания и ничего с этим не сделаешь. А как хочется иногда его нарушить...

– Однако, что-то я не про то, – осадил он сам себя, словно опомнившись, и удовлетворяя просьбу хозяина, сменил предмет своего речения. – Слышно же в народе, что пока братья друг другу бока мнут, их господа, затеявшие всю эту

бойню, втайне между собой сношаются, и продолжают делить общинные достояния, лишая глупых смердов – бьющихся за них, последнего набедренника.

– Ну, это вряд ли. Сколько раз я слышал это. Слухи.

– Слухи. Но только почему, когда страны враждуют а земли хиреют, бедные худеют а богатые жиреют?

По кругу прошелся, гул соглашающихся мычаний.

– А еще говорят, что приходит конец существующему миру.

– Ну, это уж совсем байка-страшилка у тебя пошла. – Разочаровано посетовал на его новости, имеющий в сказках и байках толк, скоморох.

– Так знающие люди говорят, – казалось, ничуть не обиженный, пояснил странник. – Я же говорю, лишь то, что слышал от них, перегоняя их... стада. Ты же сам просил, рассказать что слышал.

– Да-да, верно. Прости. Но согласиться с тобой, я не могу. Ведь перезрелые плоды дарят нам живительный напиток. А что может быть прекраснее хорошего тина? В грусть он согревает своим теплом, в веселье разделяет с нами радость? – Вступился за жену любящий муж, нежно приобняв Эги обиженную на слова о молодящейся красавице.

– Не скажи. Тин делает нас уязвимыми и вселяет в нас злых духов, заставляя совершать поступки, за которые потом бывает стыдно. Что ж в том прекрасного? Безумец совершает свои дела, потому, что безумен, а безумен он оттого, что

так угодно богам. Зачем же нам, людям чей разум богам угоден, самовольно уподобляться безумцам?

– Чтоб развеселить душу и порадоваться гостю.

– Гостю я буду рад итак, если это добрый друг, ну, а если он враг, возлияние приведет только к драке. Тому тин не нужен, у кого на душе радость, ну, а кому душа в тягость, тому и жить не надо, ибо нельзя роптать даром богов.

Не сумев, что ответить, скоморох смолчал.

– Значит ты пастух? – Спросил Пузур нежданного гостя после некоторого молчания, заметив в нем чрезмерную смелость и сметливый ум, несвойственные простому пастуху.

– Думаю, так сказать будет вполне справедливо.

– И откуда куда, ты перегоняешь свои стада?

– Бывает по-всякому. Все зависит от того, где мои люди найдут что перегнать.

– А у тебя есть подпаски?! – Съязвив, встряла в разговор недоверчивая и недовольная гостем госпожа Эги, до этого относившаяся благосклонно и даже заигрывавшая с ним.

Пастуха это сильно развеселило, и края и без того улыбающегося рта, растянулись в победной ухмылке, вытягивая тонкой стрункой сухие обветренные губы.

– Дааа, подпаски есть, в этом можете не сомневаться. Как же без них? – Так же победно ответил он ей. – Как положено подпаскам, вместе со стадом.

– Нелегко наверно следит за целостью стада. Как ты отгоняешь волков и гиен? – Снова спросил Пузур, чтоб убедить-

ся, что новый знакомец не опасен.

На эти слова пастух многозначительно улыбнулся, и, вытянув из-под плаща изогнутый конец тисового лука, сказал:

– Вот мой верный товарищ, он со мной везде и всюду, и если только, какая-нибудь жалкая гиена захочет взять мое, она горько поплатится.

Засунув лук обратно за спину под накидку, гость продолжал уплетать, как ни в чем не бывало, у хозяев же, понявших что он не так прост, холодок прошелся по коже.

– Что-то стада и не слышно. – Недоверчиво заметила мужу Эги.

Немного растерявшись от слов придирчивой хозяйки, пастух все же нашелся, что ответить.

– Я же говорю – с подпасками. Вот они и гнали стадо за мной следом, пока я следил за тем, нет ли поблизости лютых хищников, да чего-то замешкались. Я и решил обождать их возле вашего огонька....

– А только что говорил, что к вечерне опоздал. – Снова уличила в обмане путника хозяйка.

– А и впрямь. – Напрягшись, насторожился Гир.

В ответ гость, оскалившись какой-то дурной улыбкой и оглядев сидящих хищным прищуром, прокашлялся скрипучим смехом.

– Ох, и прозорливая у тебя женка. Мне она нравится. – Подмигнул он Пузуру, и вдруг, столь же молниеносно, дернулся всем телом, в мгновение ока, оказавшись за спиной

подозрительной женщины. Никто не успел опомниться, как он уже сидел, приставив к ее горлу нож пурусханской работы.

– Всем сидеть тихо! – Приказал мнимый пастух. – А нето, я этой брыкучей козочке, головушку-то отделию.

Эги вскрикнула, но вместо крика получился жалкий всхлип; кривое лезвие, больно впиваясь, при лишнем движении прорезало кожу, пуская теплые и липкие стеки. Пузур встревоженный за жизнь горячо любимой супруги и потому совершенно растерянный, перепуганная Нин не ожидавшая худого, Хувава, думая, что это шутка, и в свое спасение – скалившийся ничего не понимая, чтобы понравиться новому «другу», и Гир остававшийся напряженным, так и сидели застыв; Аш, в силу возраста не привыкший к подобным вещам, готов был броситься на злодея, и только благодаря умудренной жизнью старой женщине, знаками не позволившей ему ставить под опасность свою и чужие жизни, не случилось непоправимого.

Между тем лихой гость, продолжая удерживать заложницу, насмехаясь, досадовал:

– Вот ведь как плохо вышло, хотелось же, чтоб все было по-тихому, ан, нет, обязательно надо было кому-то из вас все испортить. Придется теперь вас тащить; а как хотелось похорошему, чтобы никого не пришлось гнать силком.

После чего прижимая к себе и без того придушенную в его объятиях женщину, свистнул, и из темноты вынырнули

бесшумные тени набросившиеся на остальных.

Плеть больно ошпарила спину, и ноги сами понесли вперед, отстраняясь от жалящих ударов. Ощущение для человека, привыкшего к вольности как к естественному и неукоснительному праву, даже не страшное а дикое, и оттого страшное вдвойне. Дико чувствовать на себе тяжесть от ярма и кожей ощущать жжение плети, дико вообще осознавать, что теперь ты не свободный и можешь стать чьим-то рабом, чьей-то собственностью, и людей которые ничем от тебя не отличались, с которыми ты раньше мог запросто общаться, ты должен будешь теперь называть хозяевами и господами, выполнять все их пожелания и подобострастно целовать пропахшие потом подошвы. Обдирая ноги о колючие кустарники, бывшие свободные жители Калама, плелись по раскаленному песку связанные грубым вервием. Впрочем, женщин пленители не стали нагружать и погонять плетью – заботясь о целостности живого товара, просто связав пленниц одной веревкой. Лишь для старой Ама не сделали исключения, соединив под общим игом. Великан был удостоен почета нести на себе скарб, не вместившийся в повозку, которую заполонили собой грязные, пахучие тела, свободных от погона полна охотников за удачей. Остальные разбойники – в своих обмотках на голове, оставляющих открытыми только глаза, и длинных одеяниях закрывающих их с ног до головы, – шли хмурые, и недовольно покрикивая на пленни-

ков, стегали и стегали их, заставляя идти быстрее. Наконец, когда они ушли достаточно далеко от больших поселений, главарь разбойников разрешил остановиться.

Мучимый невозможностью осуществить наказ старой травницы, хлебнув воды с пылью зеленого камня, Аш с тоскою глядел в подернутые пылающим закатом облака, сжимая свой сбор из трав во взопревших ладонях.

– Все думаешь, как сбежать? – Услышал он за спиной насмешливый голос, в котором сразу узнал голос ночного гостя.

Дернувшись на него, он лишь еще больше позабавил главаря, который как ни в чем не бывало продолжил:

– Я давно за тобой наблюдаю тезка. С первого дня, я заметил, что ты полон решимости, что-то сделать. Твой новый дружок по связке не даст соврать. Я ему обещал послабление, если будет следить за тобой, вот он и дал мне знать, что ты что-то замыслил и вот-вот готов сбежать.

Приказав своим лузухам что-то на каркающем наречии, продолжил:

– Я сразу понял, что ты не из этих. Знаешь, мы ведь не только зовемся одинаково, ты такой же как я в молодости. Я спуску не давал никому, гордый был... потому и выбился в са-кали; за каждое грубое слово перегрызть горло готов был....

Не зря, судьбой было уготовано, встретиться прошлому и будущему, ох не зря. Она мне будто дает возможность ис-

править все, что я совершил когда-то; все, что привело меня на эту злосчастную тропу. Вот я и подумал, что если не дам тебе сделаться таким как я, то смогу искупить свои грехи – прошлые и настоящие, а тебя избавлю от их повторения. Радуйся же, я оказываю тебе услугу, освобождая от греха. Тебе не придется творить неугодного, не доведется быть мной, и ты уйдешь чистый, ну а мне простятся мои грехи....

– Неет! – Развеселился пустынный Аш, заметив слабую надежду, заискрившуюся в глазах тезки. – Я не могу позволить тебе пропасть в скитании, напрасно отпуская в лживый мир, который вынудит тебя совершать много худого.

Аш устало опустил глаза, досадуя на себя за то, что поверил в добрую волю разбойника.

– Пребывание в нем отравляет пороками, он не принимает таких как мы, но обсосав все лучшее, сплевывает как обглоданные кости..., – говорил пустынный, сплевывая косточки плодов ишиммар, – если только мы не сопротивляемся. Ну, а если уж сопротивляемся..., то лучше бы не существовать такому миру.

Передыхая, приостановившись, словно давая пленнику вникнуть в свои слова, он продолжил:

– Прости, к сожалению, так уж выходит, что я не могу тебя убить: нельзя исправить грехи другим грехом. Но я сделаю лучше. В больших городах, в лучших домах много тех, кто готов дать хорошую цену за молодого и красивого раба, к тому же столь разумного. А сколько богатеньких вдовушек

берущих себе в услужение юных красавцев? Ты ведь смазливый, будешь как в масле. И тебе не придется как мне когда-то – мыкаться по землям в поисках лучшей доли, чтобы, в конце концов, сделаться душегубом. Конечно, все это не за так: не переспав не забеременеешь. Но оно того стоит. Будешь хорошо делать свою работу, кто знает, может дослужишься до управляющего. Неплохо ведь, согласишься?

Молодой лицедей, выслушав эти словоизлияния, ухмыльнувшись, огрызнулся:

– Видимо, предел мечтаний твоей никчемной душонки.

Слова эштарота задели лжепастуха, но дернувшись было, он сдержался, лишь поиграв желваками.

– Ты можешь ругаться сколько пожелаешь, я снесу твои оскорбления, ибо ты все равно бессилён, что-либо изменить в своей участи. – Сказал он стараясь казаться хладнокровным, но слова произнесенные нестройно с придыханием, выдавали злобу. – Да, я думаю сейчас, что если бы мне в свое время довелось служить при богатом дворе, я бы не стал тем кем стал. И вы бы сейчас отплясывали по площади того города, возле которого мы вас застали, а не шли под рабским ярмом на продажу как товар; если б я не был ловцом душ, а был бы каким-нибудь водоносом при дворе.

– Шурун нум-сахар-ра – обозвал Аш пустытника, – в этом и есть между нами различие: ты думаешь только о том, где бы вкусно поесть, сладко попить, да поспать как можно помягче, и тебя не волнует как ты этого добьешься, было бы и

все. А по мне лучше умереть, чем стать чьим-то рабом.

– Не говори, чего не знаешь. – Ухмылялся в ответ тот. – Ты ведь не знаешь, что будет. И я так думал, когда был глуп да простодушен, пока был молод. Но как видишь – постарел, а с возрастом пришло и понимание настоящей ценности.

– Я не размениваюсь на навозную кучу. – Аш выдавал себя, с беспокойством поглядывая в сторону Нин, скрытую от его взора другими пленницами.

Он мог видеть только часть ее спины и не мог оценить положения, в котором она находится. Пустынник, отыгрываясь за снесенные оскорбления, позлорадствовал, растягивая улыбку в мечтательном прищуре:

– Ох, и повезет кому-то, отведать этот расцветающий цветок. Я бы и сам не прочь разделить с ней ложе, дабы она от меня первого узнала, что такое радость плотского наслаждения, да жаль, не могу позволить себе портить дорогой товар. За нее в Умме или Ниме, дадут не одного хорошего бычка, а может быть удастся выручить и доброго скакуна.

Аш сильнее сжал ладони, вжимая в них вязкую смесь из трав и тварей, что слегка насторожило пустынника, но тщательно скрывая волнение, он с обычной невозмутимостью добивался подчинения строптивного пленника.

– Ну-ка покажи, что у тебя там. Нож? Дай-ка его сюда, не стоит с этим баловаться, тебе это в будущем все равно не пригодится.

Его едва заметное движение головой подручным, не уккры-

лось от глаз юноши. Догадываясь о задумках разбойников, эштарот поняв, что медлить больше нельзя, решил положиться на удачу. «Будь, что будет: если умру, то умру свободным» – мысленно утешал он себя, заглатывая смесь из пригоршни. Полость затянуло кислой вязущей жижей, которая медленно стекаясь по гортани, обжигая пищевод, дошла до самого чрева, где растеклась живым огнем. Дальше он уже почти ничего не чувствовал, проваливаясь в пустоту. Все плыло перед глазами, в тумане он видел площадь забытого города и лица, давно ушедшие в никуда. И ему казалось, он все еще там, среди них – своих соплеменников, и мальчишкой с ребятней толкается среди взрослых, которые, наговаривают им за что-то, но слов не разобрать. Лишь мельком приходило сознание, что этот гул, не ворчание соплеменников вовсе, а ругань и крики засуетившихся вокруг него пустынников. Но ему до этого уже не было дела, безмятежность увлекала его и затягивала все глубже.

Услышав шум, доносившийся с другого конца становища, Нин беспокойно завертела головой, вытягивая шею, стараясь разглядеть, что произошло, но надсмотрщики, опасаясь разброда среди пленников, начавшееся было волнение, быстро утихомирили окриками и избиением. Нин видела только раздосадованное лицо ночного гостя, который что-то наговаривал своим пособникам, и старую травницу, просившую своих надсмотрщиков о чем-то. Последнее сильно

насторожило девушку, она понимала, что Ама не станет просить о чем-то просто так, что тому есть причина, но утешая себя мыслью, что случись что-то ужасное, та повела бы себя как-то иначе, постаралась больше об этом не думать. Мысли о том, что может случиться что-то страшное, маленькая скиталица отчаянно отгоняла, перестав на всякий случай поглядывать в сторону, где содержали их мужчин и старую гадалку. Слишком многих потеряла она в своей жизни.

4. Стражи смерти.

Одиночество..., одиночество..., бесконечное одиночество; совершенное и оттого еще более гнетущее своим безмолвным молчанием. Вот что чувствовал он, оказавшись посреди этой неоглядной, необъятной пустоты. И вроде бы что-то здесь и было, что-то простиралось на долгие дали до видимого края, позволяя упереть в себя беспокойный и растерянный от неизвестности взгляд, что-то возвышалось над ним, иногда что-то где-то шевелилось и вздымалось, время от времени тихо шелестя от посвистывающего ветерка. Казалось, все окружение было обычным, хоть ни радостным и не веселым, не спокойным, а скорее покойным, диким, чужим, даже жутким, но все еще привычным человеческому восприятию, и казалось претерпеваемым, как все переносимое людьми. Но страх проникающий в самую суть, в самую глубь него, только возрастал, и чувство совершенной пустоты не покидало его. В его коротком жизненном пути, ему случилось оставаться одному без людей, и он всегда преодолевал

его – этот страх, находя утешение в величии мира. Но это было, что-то другое, что-то непостижимое разуму живущего.

Он брел бесцельно и долго, пока не заметил вдалеке впереди за ки-шар, возвышающийся посреди этого однообразия холм кур-гал, тянущийся куда-то туда ввысь в неизвестность и теряющийся своей вершиною где-то в туманности бытия. Направившись в сторону беспредельного холма, он незаметно для себя, наткнувшись на проявившуюся невесть откуда – частокольную изгородь (или ему это только так казалось), услышал раздавшийся откуда-то из этой необъятности сердитый глас, не громыхающий и раскатистый, а наоборот даже, тихий и глухой, будто вопрошал его обычный человек:

– Что ты здесь ищешь, непризванный?

Только теперь, удивляясь, как не заметил этого раньше, он обнаружил, что здесь и вправду кто-то был. Прямо перед ним, на валежине мертвого дерева сидел человек. Его вид был необычен, хотя у него не было ни плавников, ни рогов, но был он самым простым человеком, сверлившим его злыми лисьими глазами и даже будто готовый побить. Однако и сам суровый взгляд, сколь пугающий столь же знакомый, не отталкивал, но притягивал, завораживая, как если бы за ним скрывались неведомые тайны. И пришло ощущение, что от этого человека для него не исходит опасности, но он просто отчего-то недоволен им, как отец бывает недоволен нерадивым сыном. Одетый в совершенно дикое одеяние, так, что нельзя было разобрать из чего оно – из перьев птицы или из

звериных шкур, он постукивал посохом по земле. В его скуластом, грубо вырубленном очертании, смуглом от холодных ветров и палящего зноя, свой неизгладимый след оставило перенесенное страдание, перенесенное но не пережитое.

– Пойди вон! Ты не выполнил, предназначенного тебе! – Гнал его незнакомец, грозно стукнув об землю наконечником своего посоха: легонько, но сильно, что чудилось – сама земля содрогнулась от страха.

Ему показалось удивительным, насколько тяжел может быть наконечник, тут же осознавая, что он слишком грузен и велик для посоха.

«Я умер. А все это – моя смерть» – Подумалось ему.

Угадав его мысли, человек с пренебрежением, с каким только может относиться высший к несведущему, ухмыльнулся пророчествуя:

– Глупец, не спеши в неведомое вперед должного, тебя это может не обрадовать.

И взмахнув своими широкими одеждами как крылами, исчез так же неожиданно как появился.

Не успев даже удивиться происходящему, озираясь в поисках своего нечаянного собеседника, он оказался перед воротами без воротин, столбами которого служили изваяния громадного змея и медведя стоящего на задних лапах, а может это были и не изваяния. Теперь он мог видеть, что там за ней – за этой изгородью, простиралось такая же пустыня, только усеянная вся сором – привнесенным жившими ко-

гда-то на земле, пытавшихся утащить его с собой в посмертное пребывание. Настолько многого, что этот сор сам давно превратишься в бесконечные и зловонные кучи мусора, превратился в непреодолимые преграды к заветной высоте. Пытаться пройти пробираясь по ним, было бесполезно, так как каждый шаг таил под собой опасность – провалившись, навсегда остаться под грудой мертвых вещей, и лишь одна дорога вела к заветной вершине, замызганными зигзагами уносясь вдаль к ее подножию. Глядя на это позорище отчаянного самообмана, он снова убеждался до какой степени тщеславия, может дойти человеческое честолюбие. Чего здесь только не было. От простого, до вычурного; от бесконечно богатого, до несносно бедного. Вперемешку с протухающей едой и скисающими напитками, гнили вещи: всюду виднелись обрывки, служившие некогда людям одеждой, от самых грубых дерюг, до невозможно изысканных тканей; с изящными плащами вельмож, валялись изорванные набедренники нищих; вкуче с золотыми сосудами богачей, валялись черепки посуды бедняков; резные трости и корявые посохи, украшения и приборы для наведения красоты, огромные повозки и мелкие изваяния – все это лежало друг на друге и медленно истлевало. Вид этот не предвещал ничего хорошего. Раздавленный многовечностью времен, он поспешил скорее уйти, но развернувшись, с ужасом понял, что уже не сможет сделать этого. Только что простирившаяся за ним пустыня, внезапно превратилась в бесконечную топь – пугающее пер-

возданность творения. И кажущаяся преодолимость обманчива, поговаривают, что самый отчаянный, понадеявшись на свою прыть, сгинул в ее бездонных глубинах вместе с ковчегом, и сам Ан знает, что там с ним. Снова оказавшись перед воротами, он снял свой сатуш и, следуя какому-то наитию, дрожа в коленях, ступил на дорожную пыль.

Он шел, с суеверным страхом озираясь по сторонам, опасаясь внезапного нападения чего-то страшного, неизвестного. Чем дальше он заходил вглубь, тем мрачнее становились горы мусора, тем старше и древнее были вещи, из которых были эти горы, тем зловещей казались существа в них таившиеся. Уходя все глубже, ему все же хотелось верить, что его усилия не напрасны; мысль о том, что придется возвращаться той же дорогой, удручала сильнее всего. По мере того как начало смеркаться, тут и там, его глазам бросались дымы красных всполохов сжигаемых воспоминаний, вещающих о тщете попыток обмануть себя, и только птицы забвения взлетая и покружившись, опускаясь, не давали забыть о покинутом. Впереди слышались тихие звуки журчания вод, предзнаменую скорое достижение намеченной цели. Воодушевленный близким привалом, он ускорил шаг, и вскоре его взору предстали волны грязной, иссушающей жижи, перекачиваясь увлекаемые ею в темноту горной пасти. Вот она, река источающая смертный смрад. И провожатый стоял уже на берегу, поджидая его, чтобы увести за собой, туда в боль-

шую землю, в страну без возврата. Он – служитель Инанны, конечно узнал его, да и от простых людей, много раз он слышал страшные, полные ужаса рассказы о повелителе пекла, безумствующем воителе, несущем мор и болезни – супружнике ужаснейшей хранительницы большой земли. Подковыляв к нему на своих тонких, длинных кривых ногах, служитель преисподней вцепился в него корявыми как ветви старых дерев пальцами, суставы которых напоминали их корни, и, радостно нашептывая скрипучим голосом что-то непонятное, начал увлекать его в пустоту бездонной темноты. «Это смерть» – снова мелькнуло у него в голове. Провожатый затрясся от хохота, и казалось кости голого тела, затянутые бурой, сморщенной и растрескавшейся от палящего зноя кожей, вот-вот готовы развалиться в ней, при этом копыта рыжих, жестких и сухих как иссохшая трава волос торчащих в разные стороны, на голове даже не шелохнулась. Его кашляющий смешок, был так же отвратительно трескуч и надломлен, как и сам весь провожатый.

– Это еще не смеерть, смерть впереди. – Обещающе проблеял повелитель димов, больно скручивая руки и срывая с него дорожный плащ, таща все дальше.

Пещера, в которую его тащил Эркал, встретила их дыханием могильного зловония, обдававшим холодом смерти, в то же время в котором чувствовался и жар болезней, и неизвестно что было хуже. Однако провожатый не дал ему наслаждаться ощущениями, уводя по волнам реки, в глубины

которой они не погружались, но шли по ней словно посуху, шли с невиданной быстротой. На их пути вставали все новые ворота, встречающие их щербатыми кромками, грозно нависавшими над входящими. И каждый раз, как они подходили к очередным воротам, страж требовал плату за проход в них, и провожатый срывал с него что-то из одежд, перед тем как провести в них. По пути он видел других, таких же как он, которые, по собственной ли скупости, то ли по скудости своего существования, то ли под тяжестью содеянного, не сумели пройти дальше, так и оставаясь тесниться в пещерках между проходами, будто надеясь на чье-то снисхождение. Их обнаженные, совершенно истощенные тела и багровый холодный свет, исходящий в пристанищах несчастных, придавал им столь же печальный вид, как и положение в котором они пребывали. Некоторые прождали здесь так долго, что их тела успели разложиться, и лишь части их продолжали еще хранить сознание, ожидая чего-то.

Когда они достигли последних ворот, он понял это, пытается постичь своим взором ширь гроыхающего жерла. Собранные из человеческих костей, отделанные содранными кожами и вывернутыми утробами, они привечали их зловещим хохотом, а в скрипе открывающихся створов, слышались стоны мучимых вечным затворничеством душ, давая понять, что впереди ожидает входящего в обширные чертоги. Сорвав с него прикрывавшую срамоту шубату, провожатый, раздражаясь издевательским гоготом, втолкнул его

внутри.

Брошенный голым в чертоги мрака, он чувствовал нескончаемый стыд от унижительного положения, в которое был поставлен и ужас от мысли, что все это безумие будет продолжаться вечно. К нему тут же отовсюду слетелись безобразные прислужники владычицы Кур-ну-ги, и, окружив со всех сторон, подхватили его, чтобы увести на суд.

В стране теней, царит печаль и тишина скорбного безмолвия, и только служителям великой властительницы подземелья позволено говорить, тени же не должны нарушать покой преисподней шумом случайно оброненного слова, лишь изредка им позволено переговариваться друг с другом шепотом. Все здесь ходят на цыпочках, ведь от топота ног могут пробудиться древние создания и горе тогда нарушителю спокойствия, существование его здесь, превратиться в бесконечные страдания от голода и лишений. Во тьме нельзя увидеть веселья жизни, и только тени усопших мелькают в испуге, шарахаясь в темноте от любого оклика.

Отбиваясь от наседавших на него со всех сторон гулла, он невольно закричал от боли и страха быть погребенным под слизкими телами, своим криком сотрясая основы ледяного безмолвия, проклиная их и взывая к заступнице. Наверно никто до него не шумел здесь так громко, никто не осмеливался вести себя так дерзко, никто не противился прислужникам жестокой Эрешкигаль, но только он позволил себе

прикрикнуть на них. И сразу почувствовал, как те посыпались с него, как могильные черви сыплются под лучами лучезарного Уту, и испуганно расступились. Вздохнув с облегчением, он уже подумал, что все кончено, от него отстали и не пристанут больше, но тут же с ужасом осознал, что те отступили не от страха перед ним, но лишь расступились, чтобы пропустить кого-то могущественнее, перед которым сами они дрожат, как трепещущие на осеннем ветру листья. Тут же он, не услышав, почувствовал дыхание тишины, и какая-то неведомая сила подняла его, кажется даже к самому своду обширных просторов, и понесла в самые темные дали среди этой мрачной тьмы.

Он знал, куда его занесло неиствующим гулла. Он понял это, когда узнал среди этой тусклой унылости, синеву холодного сияния ее двора. Восседающая на высоком престоле, повелительница недр, гневно и со злобой глядела на него. Она прекрасна, но красота ее лишена жизни и холод смерти давно не оставил на ее щеках и следа здоровья румянца, но кожа ее бела и холодна, и сама вся она бледная, как подтаявший в горах снег, и от этого выглядит пугающе некрасивой. Уже и семь судей-ануннаков, собрались вершить его судьбу. И уже, происками белой царицы уготована ему суровая участь. Высокомерно глядя со своего величия, она разразилась злорадной бранью долгожданного удовлетворения:

– Вы прислужники звезды утра, сколь дерзки, столь же самоуверенны, считая, что вам все сойдет с рук, как была дерз-

ка и самоуверенна ваша госпожа – моя взбалмошная сестрица, когда с угрозой стучалась во врата моего царства, до тех пор пока не почувствовала силу моего гнева. И все вы ее любимцы, заслуживаете столь же горькой и постыдной участи, какая уготована была ей здесь. Только моя добрая воля, не желающая расшатывать основ нерушимых правил Ме, позволяет еще терпеть ее неугомонных отпрысков у себя. Но из них – ты оказался самым буйным и дерзким, и тебе не избегнуть достойной кары.

Двинув бровью в сторону судей, столь же высоких и чинных как изваяния резчиков, как и полагается богам, она разрешила огласить им свой приговор.

Судьи так же суровы, как и решения которые они выносят, так же безлики и серы как все вокруг. Лишь холодные лица позволяли еще надеяться на беспристрастность их суда, но нет. Встает один из них, судя по виду старший, и оглашает приговор, и он не утешит напуганного духа, и он не успокоит взволнованного сердца. И он слышит, холодея от ужаса: «... Забвение. Одиночество вечного мрака».

«Это смерть! Это конец!» – думал он с отчаяньем, но ничего сделать уже не мог, члены его одеревенели, уста заклеились. И только глаза продолжали еще видеть, а уши слышать, и чувства оставались открытыми: чтобы видеть, чтобы слышать, чтобы чувствовать, чтобы осознать весь ужас участи его постигшей. И Белая царица отвечала ему, торжествующим смехом, словно приговаривая: «Даа, это смерть! Даа,

это конец!» И все вокруг подобострастно тихо хихикали, боясь раздражаться полной грудью. Казалось и стены ее жилища смеялись над ним, трясясь от хохота, разносившегося тихим отзвуком по сводам

И снова одиночество, одиночество нескончаемого забвения. Без света, позволяющего узреть и понять куда идти; перед взором лишь непроглядная тьма. Не слышно указующего звука и не нащупывается путь, чтобы не плутать в неизвестности, и не набрать воздуха, чтоб вдохнуть полной грудью. Казалось, он во власти самой Тиамат, которой страшатся сами боги, может даже попал к Абзу – изначальному мраку забвения, предрешающему конец мира, и теперь его судьба – вечно бродить в безмолвии нескончаемого мрака.

И он шел. Шел не день не два, не месяц и не год; лета, может век или многие тысячелетия; безвременье.

И все во тьме, и все в тиши. Но не было уже веры, не было надежды; но просто шел, потому что так надо, потому что бессмысленно, и уже не помнил, не признавал кто он и зачем бредет в этой темноте; забвение.

Чей-то крик заставил отвлечься, и пустынный нехотя впустил яркий свет, выходя из раздумий.

– Аш-Шуу! – Подбегал к предводителю оборванный разбойник.

Пустынный, обернувшись, гневно сверкнул глазами. Но не

заметивший этого оборванец, обратился к нему в том же духе:

– Аш-Шу. Рабыня, готовившая нам еду, накануне издохла, и теперь некому поварить. – По всему было видно, что это один из недавно приставших к их братству искателей удачи, плохо еще знакомый с его порядками. – Тасар велел мне, подыскать ей замену среди пленников. Разреши, я...

Слетевшая с плеч голова оборванца, была ему ответом. Застывшие от ужаса рабы и разбойники, завароженно наблюдали, как тело без головы, трясясь, продолжает стоять, а из того места, где только что торчала неразумная образина, извергаясь брызжет кровь. Пустынник не обращая внимания на произведенное им на окружающих впечатление, перетерев пальцами рукоять вложенного в ножны меча, не изменив своему спокойствию, выразил через приближенных просьбу Тасару, если только тот не желает видеть свою голову в подобной прогулке, приучить своих людей к порядку и не подсылать к нему больше всяких болванов. И так же спокойно, не спеша направился в сторону, где сидела Ама.

– Да продлятся долго лета твои, досточтимая Ама. – Поприветствовал он связанную старуху.

И когда та подняла на него изможденное лицо, продолжил:

– Надеюсь добрая угун чувствует себя хорошо?

Старая Ама, в ответ лишь хмыкнула.

– Ты смеешься. Из этого я должен полагать, что тебе хо-

рошо?

– Ты назвал меня доброй.

– Я сказал то, что есть.

– Так ли это? – Покачала головой старуха.

– Так и есть.

– Сколько раз прежде, мне приходилось жалеть о своем мягкосердечии, и я давно уже стараюсь не выказывать излишнего доверия к людям.

– Только добрый человек будет привечать незнакомого странника и заботиться о трупе чужака презренного звания, когда у самого судьба незавидна.

– Увы. Значит, все мои старания напрасны.

Растянувшись в улыбке, пустынный скиталец благодушно заметил, что ее добрый нрав не изъян, но достоинство.

– Ты так говоришь, потому что пользуешься чужой добротой себе на пользу, сам же считаешь незлобливость дуростью слабаков.

– Оо, я вижу тебя в жизни, сильно поколотило, и ты встречала так много подлости и обмана, что успела изучить умозрения скверны.

– Как видно не хорошо.

– Ты злишься, что я поступил с вами так сурово, но прошу выслушать и понять и меня. Ты думаешь, я получаю удовольствие от того что с вами учинил? Эх, если бы вы смогли меня понять. На самом деле, вы мне много ближе, чем все эти мои собратья по скитаниям, и случись нам встретиться

по-иному, я был бы счастлив, быть вашим другом. Но такова уж судьба скитальца, что ты не знаешь, куда завтра тебя приведут твои скитания – в служение людям или на их беду. Может быть, мне самому осточертело быть вечным проклятием на языке. Но я вынужден быть суровым. Так уж случилось, что мои сотоварищи, это сброд сошедшийся со всего света и поклоняющийся разным богам, и им не так просто объяснить порядок мироздания и законы человечности. – Он говорил с ней, не опасаясь, что подручные услышат его откровения. Находящиеся рядом надсмотрщики, ни слова не понимали из их разговора. – Некоторые из них настолько дико, что приходится прибегать к единственному способу, чтобы усмирить их. Они ведь как только приходят, думают, что попали в этакое братство, где все друг другу равны и никто никому не должен, а вожак для них, что-то вроде накидки, которую если что, можно легко скинуть или сменить. Вот и приходится показывать им, что это не так, держа их в узде, приучая к порядку, к тому, что пора забыть все их разногласия веры и языка. Потому что все их родичи и даже родители теперь им чужды, а боги их теперь ничто, пока есть я: я – теперь им и есть родитель; я – для них и есть бог. А кто про это забывает, тот заканчивает как эта собака.

При последних словах, он кивнул в сторону валяющегося на песке безголового тела.

– Тут уж не до дружбы. – Вздохнув, задумчиво произнес пустынный. – Удел богов – одиночество.

И подумав еще, продолжил:

– И такое же величие воли, видел я у вашего мальчика. Поэтому и хотел убересть мир от его неуспокоенного духа и людей от него, а самого его от терзаний. Но я не желал ему зла. Я лишь хотел, чтобы он не повторял проклятую судьбу, выпавшую на мою долю. Оставь я его на воле, он не смирился бы с участью простого бродяги как вы; его дух, вел бы его к стремлениям подминать устройство мира. Не знаю, вышло бы у него хоть пошатнуть его, но навести смуту он бы мог, попутно уничтожая все хорошее в себе.

– Он был еще совсем мальчик. Какая опасность от мальчика?! И откуда ты можешь знать, что ожидало его в будущем? Об этом известно только Намтару. Может быть, он женился бы на Нин, и они зажили бы тихой, семейной жизнью, колеся с нами по дорогам или обрабатывая землю. А уж, мы старики, их бы обеспечили всем необходимым. – Сокрушалась старушка.

– Ты видела его глаза? Он не утешился бы тихой семейной жизнью, но снова и снова вырывался бы от вашего однообразия. Все это, прочел я в его дерзком взгляде.

– Что ты клеветешь на мальчика? Какая дерзость? У него были очень спокойные, добрые глаза. Видимо зависть тебе совсем застила очи, раз говоришь такое. Слышали мы, как ты изливался соловьем, воспевая молодость. Он был молод и полон сил, и у него было еще все впереди. . . . – всплакнула гадалка, – а ты уже исходил свой век, вместе со своими свер-

шениями, какие бы у тебя они ни были. Я их не знаю, и знать не желаю, и не мне тебя судить; но придет время, Намтар и другие ауннаки, сами решат твою судьбу.

– Ох, сколько яда, сколько яда. Досточтимая угун, клянусь жизнью, и тебе подобное приходило в голову, раз тебя так огорчили мои слова. Только ты сама себе, даже боишься в том признаться. Но ты права, взгляд скорее не дерзкий, в них было что-то такое, что настораживает; какая-то опасность. Будто он затаил, что-то там в себе, и ждал лишь часа.

– Ничего такого я не замечала.

– Хм. Не думаю, что от глаз опытной гадалки ускользнуло бы подобное. То твое, хоть уже и старое, но всего лишь женское сердце, настолько пленено им, что не желает видеть правды. И даже если бы ты, ничего не заметила в его глазах, это лишь потому, что он их все время прятал.

– Не говори глупостей. Он прятал глаза лишь из-за своей застенчивости, от того, что не привык долго находиться в людях.

– Ты не заглядывала в них. А если бы посмотрела, то сквозь тепло доброты и спокойствия, увидела бы пристальность обжигающего холода. – Продолжал стоять на своем пустынный, и когда Ама отчаянно замотала головой, победно усмехнулся теребя бороду. – Я знаю, он бы не стал прислуживать вельможам, но и мне соратником бы не стал. А зачем мне тот, кто будет стоять на моем пути? Мне было бы беспокойно, когда б я знал, что где-то ходит тот, кто может

затмить мою славу, или представляет опасность моему благополучию. Сейчас же с покоем в душе, я могу отправиться к себе на север, где меня ждут мои женщины, и буду разводить скот, тихими вечерами у себя в шатре, вспоминая, рассказывать своему семени про лихие времена. – Закончил он умиротворенно.

– Но ты же не думаешь, что я пришел к тебе изливать душу. – Переменил он предмет разговора. – Ты наверно уже знаешь, что рабыня готовившая нам, накануне все-таки покинула нас. Жалко. Она вполне удовлетворяла нашим потребностям.

– Ты жалеешь только о том, что некому больше варить тебе обеды?

– А зачем мне жалеть кого-то? Она всего лишь женщина. Я забочусь о своих людях, и они отплачивают за это своей преданностью. До остальных мне дела нет.

– Я думала, все кто работает на тебя – твои люди.

– Муж не умеющий держать оружие, не достоин свободы; женщина не годная в жены, пусть остается рабыней. Обязанность жены: блюсти мужа и слушаться его во всем. Таков мой закон и менять его я не собираюсь.

Мои воины сильны и они преданы мне, если они умирают или увечатся, мне жаль, что мои силы слабеют; умирают их жены – мне жаль, что лишаюсь будущих; умирают мои жены, жалею, что они не смогут родить мне достойных наследников; а умирают рабы, я лишь жалею, что теряю полезную

вещь. Но вещь имеет такое свойство, что ей всегда можно найти замену. Новых рабов всегда можно набрать из невольников, невольников можно набрать в набегах. Не так легко найти преданных воинов. Из обычных пленников их не наберешь. Конечно, бывают охотники, готовые встать на разбойный путь, лишь бы не умирать и не становиться рабами: но как доверять тому, чей дом ты разорил, жену изнасиловал, родителей убил, а детей увел в рабство? Вот и приходится набирать сброд, из таких же душегубов как и сам. И только дети, в которых годами неволи, можно воспитать безжалостность и преданность псов, могут стать по-настоящему верными воинами. Но для этого нужно время. Нужно дожидаться пока плоды созреют.

– Ты изверг тьмы. – В ужасе, еле шевеля губами, вымолвила Ама, потрясенная откровенностью Аш-Шу.

– Все мы оттуда. – Снисходительно улыбнулся пустынный. – Но мне некогда с тобой рассуждать об этом, я итак с тобой потратил время, хотя пришел лишь для того чтобы облегчить твою участь. Я испробовал кушанья приготовленного тобой, и скажу честно, мне твоя стряпня пришлась по вкусу. Поэтому я хочу, чтобы ты заменила мою стряпуху.

– У тебя много пленниц, уверена среди них найдется много охотниц изменить свое положение. Почему не поищешь среди них? Зачем тебе старуха? – В надежде не прислуживать чудовищу, попыталась отказаться старуха.

– Ты старая, с тебя я не выручу ни серебра, а за других

можно получить приличный навар. Среди пленниц, только ты и ваша козочка, совершенно бесполезный товар. Но ты хотя бы умеешь готовить, да и гадание твое нам не будет лишним. А кой прок, от этой молодящейся козочки? Даже от дурака есть польза, хоть как от осла. Работница она никакая, а в наложницы уже не годится. Отдал бы своим людям на утеху, да боюсь, будет раздрай и беспорядок. Разве только за бесценок какому-нибудь отшельнику продать, будет ему ночи коротать, да коз доить. – При последних словах, пустынный не сдержал дурацкий смешок. – Козочка будет доить козочку. Смешное зрелище будет, прямо как ваши представления. Если станешь поварить, будешь иметь возможность отдышать в шатре и хорошо питаться, тебе будет позволено находиться в относительной свободе. А откажешься – с живой сдерут кожу. – Пригрозил Аш-Шу.

И видя, что на старуху это подействовало недостаточно сильно, пригрозил еще:

– С вашей козочки.

Морщинистое лицо гадалки стало бледным, сердце замерло. Предводитель же разбойников, приказав ей приступать к своим новым обязанностям, дал распоряжение надсмотрщикам, освободив старуху, погнать ее к месту их исполнения. И удовлетворенный заполнением недостатка, ушел к себе. Вслед ему, уже заискивающе спешил главарь новичков.

5. Нибиру. Любовь.-

Ты опоздал...

– Прости, эрес.

– Ты опоздал...

– Сегодня был тяжелый день, мы усмиряли смутьянов...

– Но ты опоздал...

– Я кинулся к тебе, сразу как освободился.

– Но ты опоздал...

– Я же должен исполнять свой долг.

– Кто она?

– Кто???

– Кто она?

– О ком ты???

– Она.

– Да о ком ты???!

– Та, к которой ты ходишь.

– Да ни к кому я не хожу.

– А где тогда ты пропадал?

– Я же сказал: на службе.

– Зачем ты мне врешь?

– Клянусь, эрес.

– Не клянись. Забар искала тебя на службе, ты рано ушел.

– Послушай. Я итак подвергаюсь опасности, каждый раз пробираясь сюда.

– Так ты испугался.

– Я ничего не боюсь, и ради тебя моя госпожа, готов свернуть горы, но...

– Но ты испугался.

– Да нет же! Просто матушка попросила, и я не смог отказать. Кто же знал, что она поведет меня в гости.

– И кто она?

– Ты замужем, и если твой муж узнает...

– Так ты все-таки испугался.

– Испугался. За тебя. Если твой муж узнает, он тебя не простит.

– Ну, так кто она?

– Я все равно буду приходить к тебе.

– Я велю уничтожить ее. Я вырву ей сердце.

– Пожалуйста, не говори так. Я – тебя люблю.

– Кто?!

– Люди не поймут, если я буду один!

– ???!!!

– Невеста.

– А я ждала...

– Я пришел, как только смог.

– Я ждала...,

– Но...

– Я..., я..., яяя ждаалаа тебяааа...ыыы...

– Пожалуйста, не надо, только не это. Не плачь. Успокойся. Прости. Пожалуйста, прости.

– Ждалаа...

– Прости меня, прости. Ну-ну, перестань. Вот так. Все же хорошо. Я с тобой.

– Не трогай меня. Отойди!

– Ладно-ладно. Не трогаю.

– Уходи.

– Что?

– Уходи.

– Моя госпожа...

– Убирайся!

– Да-да, мне лучше уйти.

– И ты, вот так, просто уйдешь?

– Мне действительно лучше уйти.

– Не уходи.

– Но, эрес, мне надо.

– Прости, прости.

– Я должен.

– Не уходи. Не уходи. Прости меня. Не уходи. Прости, прости... прости...

– Госпожа, госпожа....

– Забар, что ты здесь?! Я же не велела тебе входить!

– ...Госпожа, господин Мес-Э здесь, он всюду ищет милостивую госпожу.

– Что??? Нет.

– О, боже. Мне нужно уходить. Выведи скорей меня отсюда, заклинаю великим Энлилем, выведи. Спрячь, спрячь..., мне нужно спрятаться.

– Забар.

– Забар вам уже ничем не поможет.

– Мес-Э?!... Ох!... Какое счастье, что ты пришел. Спаси меня от этого человека.

– Ооо, нет!

– Он домогался меня...

– О, нет, пожалуйста не надо, моя госпожа!

– Он пытался надругаться надо мной!

– Ооо, нет! Господин, она сама!

– Ах. Теперь, он еще клеветет на меня..... Ах, ах, ах....ы-ыыыыыы.

– Она сама! Она сама! Она сама!

– Заткните ему глотку!

– Ох, милый. Ох, милый, если бы не ты, не знаю, что бы он сделал со мной. Как же я рада тебе....

– А ты, чем так радоваться, лучше прежде подумай о себе. Думаешь я не знаю, что его твоя Забар сюда привела? Мои люди проследили за ней, и узнали, что она давно уж ходит к нему.

– Ах!... Забар! ... Это она! Это все она! Она привела его! Она сговорила с ним!

– Ах, госпожа моя, прошу! Я всегда верой и правдой служила милости госпожи моей, да не погубит она своей верной рабыни!

– Ах! Они же, тебя это хотели убить! Они замыслили худое против державы и нашего всемилостивейшего государя!

– Ааах!!! Не надо. Умоляююю,... моя госпожаааа..., не надо, не надо тааак, ах, ах, ах.

– Прости Забар, прости.

– Господин, господин. Прошу, прошу. Я не виновата.

– Уведите.

– Умоляюуюую!!!

– А теперь когда мы одни, скажи мне правду.

– Какую? Я сказала правду, быкогрудый мой.

– Не думаешь же ты, что я так легко поверю в твои сказки?

Вы прелюбодействовали?

– Неет!!! Как ты можешь, обвинять меня?! Как ты мог даже подумать такое, муж мой?!

– Мы с тобой еще поговорим об этом. А пока собирайся, поедешь со мной. Я пришлю сюда рабыню взамен Забар, она поможет тебе одеться.

– Ииии... миленкиий, прости, прости, мой урса, любимый мой пятничеек. Простиии Забар, простииии. Простиитеее...

6. Ама. В пустыне.

Ама обреченно плелась вслед повозке везущей пропитание для людей пустычника, зная, что бесполезны любые попытки сбежать или даже просто присесть, чтобы отдохнуть. Кровожадные прихвостни Аш-Шу, тут же подлетят к ней, чтобы связать покрепче, если она только двинется в сторону. При всей видимости свободы, она продолжает оставаться пленницей, и пусть ей не скручивают теперь руки тугими

власяницами, а рогатка не давит больно шею, но она до конца своих недолгих дней, должна влачить жалкое существование рабыни убийц и насильников. Но это не так страшно, когда знаешь, что дни твои сочтены и ты скоро сама покинешь этот мир, чтобы воссоединиться наконец, с теми кто когда-то покинул тебя, уйдя в мрачную страну Кур. Гораздо больнее сознавать, что люди которые тебе дороги, тоже скоро должны сменить тяжелое иго пленника, на ярмо и метку тяжелого или пусть даже легкого, но вечного унижительного рабства. Старуха с бессильной ненавистью глядела на повозку. Еда с этой повозки никогда не доставалась пленникам, но только лишь воины могут себе позволить питаться до отвала; даже невольницам, предназначенным в наложницы вельможам, за которыми нужен особый уход, не достается отведать от нее, если это только не объедки со стола. И лишь ей дозволено не только стряпать, но и отведывать из нее различные кушанья. Но не становится сытнее, когда от мысли, что другим от этого не достается ни крошки, кусок не лезет в горло. Сколько можно кругами плутать по пустыне? Прошло уже несколько ночей как их схватили, а они все не пристанут к какому-нибудь поселению, хотя их поработители гонят их при свете дня, без опаски быть замеченными и подвергнуться нападению местной дружины. Вот и сегодня чуть свет, их снова подняли, чтобы поизмываться и снова гнать, гнать. Время от времени, какой-нибудь из разбойников уходил за очередной добычей, или даже сам главарь отлучал-

ся, взяв с собой несколько головорезов. И в это время кто-то обязательно прибавлялся к их полону, а кого-то наоборот уводили и больше никто не видел этих несчастных, Ама догадывалась, куда они исчезали, так как по возвращению изодетые в пышные одежды лиходеи были навеселе, а выи, груди и пальцы их, украшали дорогие украшения. Впрочем, пустынный не давал своим людям слишком много воли, и выпивка и эти одежды и украшения, было то небольшое, что им иногда разрешалось сверх меры. Ама молила всех богов сразу, и добрых и злых духов, чтобы этим отряжкам Эркала, не вздумалось вдруг увести кого-то из ее друзей. Только не сейчас. Она все еще надеялась на что-то.

«Бедный мальчик, и зачем я посеяла в твоём сердце ненужную надежду». – Подумала она, грязным подолом вытирая внезапно выступившие слезы. А ведь если б не она, юный эштарот был бы жив сейчас, пусть и не свободен. Тогда это не казалось главным, но сейчас она понимает, что безрассудно было подговаривать его играть со смертью. Нет ничего ценнее жизни. «Жизнь» – это слово как свет пронизывает все тело, окутывая теплом, теплом надежды. Надежды на то, что все еще будет и ничего еще не потеряно. Цепляя словно крюк, заставляя оставаться в этом мире

– Эй, старуха! Чего встала?! – Услышала она за спиной голос, и кто-то больно толкнул ее концом палки. – Смотри за припасами, а то они сейчас у тебя все повываляться! Поторапливайся!

– Да-да, прости господин. – Упреждая наказание, поспешила она угодить лиходею, суетливо поправляя мешок.

Проругавшись про себя, разбойник прошел дальше. Ама вздохнув с облегчением, снова предалась размышлениям. Так не может продолжаться вечно, ее – как и обещал пустынный, оставят бродить с ними по пустыням, чтобы она готовили им, прибирала за их попойками и выполняла всевозможную работу, которые только ей по силам. Как только она не в состоянии будет выполнять ее, от нее просто избавятся как от ненужной вещи. На этот счет, у нее не было напрасных упований. Но ее сейчас, волновала не ее судьба, а судьба ее молодых товарок и товарищей. Нужно как-то повлиять на разбойников, а значит на их ночного гостя. Она надеялась, что его откровения с ней, дали ей право обращаться к нему. Но пока все усилия напрасны, поговорить с ним не получается, так как он с тех пор как распорядился насчет нее, сам к ней больше не подходил. А на все ее просьбы к его приспешникам, они отвечали грубым отказом а то и криком. Передать же ему через них свою просьбу не получится, это только еще больше разозлит их, поэтому она даже не пыталась этого делать. И она все ждала счастливого случая поговорить с ним, когда подвернется время.

Он сам пришел к ней. Как всегда, улыбаясь надменной ухмылкой. Подошел не зачем, просто так, чтоб просто поговорить о чем-то, поиздеваться над простаками не способными постоять за себя. Но к другим он не подходил; Ама не мог-

ла даже приложить ума, почему именно к ней. Возможно, не хотел уронить своего славного имени среди разбойников, душевными разговорами с ними, а к пленникам относился просто как к бессловесному товару, который можно только выгодно продать. Ну, а разговорами с ней, он не вызывал подозрений в излишней расположенности к узникам, да и не считал зазорным заговорить со своей новой подданной, не являющейся уже товаром.

– Как чувствует себя досточтимая угун? – Будто обрадованный встрече, обратился он к старой гадалке.

– Да помогают доброму господину боги, благодаря его милости, потопчу еще матушку землю. – Поблагодарила его старуха, сгибаясь не без усилий, словно давно усохшая ива.

На это, пустынный насмешливо сказал, что старуха быстро усваивает свое новое предназначение, однако заметно было, что он не в восторге от ее теперешнего поведения. Когда старуха снова подобострастно поблагодарила его, Аш-Шу, не выдерживая такой перемены в старухе, к которой питал непонятную самому ему привязанность, довольно резко высказал свое недовольство, тем, что не узнает в ней прежнюю угун, с которой приятно было вести беседу. На что та, не смутившись, отвечала все так же уничижено:

– Рабыня должна быть всегда учливой со своими хозяевами, сколько бы их у нее не было.

Оглядев невольницу, предводитель заметил, что вся ее спина покрыта синяками от побоев его доблестных урс.

Взбешенный самоуправством подчиненных, он тут же, чтобы для острастки наглядно наказать, пожелал узнать, кто посмел так поступить с ней без его повеления. На что старуха все так же тихо, но уже не столь кротко, усмирила гнев пустынника, попросив его не делать этого, так как боится, что остальные озлобятся на нее и это навредит ее друзьям. Удивленно окинув взглядом свою новую рабыню, «бог» разбойников, подумал о том, насколько бывает слаб человек перед опасностью, особенно когда опасность грозит его близким. Вслух же, только посмеялся над ополоумевшей старухой, получая удовольствие от ее душевных терзаний:

– Ты напрасно беспокоишься о них. Судьба их predetermined и скоро каждый из них получит свое предназначенье. До сих пор, я ждал торгового поезда, торгующего в самых больших и богатых городах существующего мира, теперь же мы присоединимся к нему, чтобы сопровождать его к ним, где сбудем наконец, свой товар, в том числе и твоих собродников, хе-хе-хе.

Заметив как осунулась невольница после этой новости, он продолжил:

– А о вашей козочке, уже можешь и вовсе не волноваться. Я продал ее в ближайшем поселении. Похоже я ее недооценивал, за нее дали хорошую плату. Теперь вот думаю, не продешевил ли.

И все так же смеясь, направился к себе, оставив старуху одну горевать о судьбе несчастных товарищей.

Разметавшись вороньими стаями, собирающимися на кормежку, люди, укутанные в пыльные одежды, слетались у костра. Вычерпывая деревянным половником рыбную похлебку из большого котла, от нагара такого же черного, как и голодные глаза столпившихся вокруг разбойников, Ама подзывала их суховатой жилистой рукой, нахваливая свою стряпню и причмокивая, чтоб показать как это вкусно:

– Подходите, подходите. Вы еще не пробовали моей курильской ухи. Ее меня научила готовить бабушка, когда я еще была совсем кроха. Здесь столько душистых трав, столько приправ, он томился под крышкой ровно столько, сколько надо, и наварен так, ммм. Вы еще долго будете вспоминать добрым словом, похлебку бабушки Аль-Ама.

Пока кто-то с плошкой с нетерпением толкался в толпе, ожидая своей очереди, самые шустрые, устроившись на пригорке, уже поглощали наваристую уху и, расхваливая новую стряпуху за вкусные обеды, смеялись над неудачниками оттиснутыми в конец очереди.

– Тихо, тихо, успокойтесь, всем достанется. – Тщетно пыталась утихомирить разволновавшихся вояк Ама.

Закончив раздачу еды, стряпуха вытирая руки о передник, огляделась, чтоб убедиться, что никто из людей пустычника не обделен. Она не могла упустить такой возможности, когда надумав совершить набег на лагашцев с кучкой разбойников, оставив пленников и рабов, пустыжник прихватил

с собой лишь ее. Наверно, ему доставляло особое удовольствие, наблюдать за ее страданием от вида убийств, насилия и грабежей. Убедившись, что все получили свое, она остановила взгляд на плюгавом воине, который усевшись скрестив ноги, вложил плоску промеж, чтоб никто не смог подобраться к ней. Сердце гадалки екнуло, подсказывая что-то нехорошее, и она поглядывая украдкой, следила за его дальнейшими действиями. Плюгавый воин, суетливо и пугливо поозиравшись по сторонам, откинул с лица обмотку, оставившую до этого открытыми одни лишь запуганные щели, обнажив детский румянец, с жадностью, чавкая взахлеб, начал поглощать уху. Но не успел он вкусить и два хлебка, как плоска с силой была выбита у него из рук. Перепуганный мальчик, суматошно утирая забрызганную по лицу похлебку, поднял вытаращенные от испуга глаза, встретившись взглядом, с ужасом таких же круглых от страха и выцветших от старости глаз.

– Похlebка отравлена! – Сдавленным от страшной догадки голосом, вскричал кто-то.

Вздых ужаса прошелся по стану. Некоторые из тех кто успел принять пищу, с отчаяньем пытались выдавить ее обратно, надавливая руками на живот и засовывая пальцы в глотку, надеясь вызвать рвоту, то заливая в себя воду в невероятных количествах, опустошая все находившиеся под рукой корчаги и меха. Не поевшие еще новички, растерянно хлопая глазами, так же стояли с плосками, будто еще ожи-

дая своей доли, другие же, уже настроились наказать злоумышленницу. Аш-Шу наставлявший главарей к предстоящему набегу, не притронулся к принесенной еде, убрав посудину с похлебкой, чтобы не мешала в сторону, хотя Ама нарочно загодя поднесла блюдо с ухой, надеясь, что он первым испробует ядовитого зелья и падет жертвой ее коварства. Услышав шум, он сразу смекнул в чем дело, что и помешало рассвирепевшим разбойникам принести ей мгновенную смерть. Окрик и гнев Аш-Шу быстро остудили горячие головы, так как не подчинившиеся приказу сразу, лежали упокоенные длинными стрелами. Мало кто умеет так ловко владеть мечом как Аш-Шу, а как он справляется с луком, таких и вовсе нет: нет лучше стрелка, чем предводитель вольных искателей удачи. Об этом было известно всем, и никто не смел оспаривать его первенство, а те кто посмел, давно своими костями украшают пустыни.

7. Величие униженных.

Привязанная лишь запястьями к высохшему дереву, окаменевшему настолько, что уже нельзя было определить, какое дерево это когда-то было, Ама все равно не могла пошевелиться. Она чувствовала стыд, даже больше неловкость, оттого, что тут – перед множеством мужчин, среди которых были совсем дети, висит совершенно голая, развращая своим старческим безобразием их взоры. Ама нехотя была сейчас сообщна с пустынным: когда ты молод, даже обнажен-

ность не так стыдит. Она чуть дернулась, попытавшись сменить положение, не от отекающей и даже не от боли пронизывающей все тело, а от этого нескончаемого стыда, чтобы хоть немного прикрыть дряхлость своих срамов, от стыда, на который обрекли ее на старости лет. Услышав стон старухи, кто-то из разбойников находящийся рядом, стегнул ее, насмехаясь, сказав про нее что-то на своем собачьем наречии, должно быть очень обидное. Остальные же, обозленные, что недосчитались своих товарищей, и что сами чудом избежали смерти от ее вероломства, злобно расхохотались. Зной, как будто заодно с ними, жестоко палил ее ослабленную плоть, не способную уже как прежде в молодости, переносить жару и холод. Но у нее остались еще силы, чтобы с честью принять те муки, что судьба уготовила ей. Вздернув взлохмаченными пепельными космами, уже редееющими от старости, окидывая гордым взглядом поверх беснующихся людей и оскалившись кривой ухмылкой, она, победно подняла свою седую голову и крикнула в толпу набираясь последних сил:

– Смеетесь?! Ну, смейтесь, пока еще можете. Пока еще можете смеяться, пока еще ваши гортани способны издавать звуки, а сердца наполняться весельем. Я то уже знаю, что скоро ваши улыбки будут смеяться голыми оскалами. Я вижу смертную гниль ваших сердец, поедаемых червями и падальщиками. Я слышу, как в ваших пустых черепах шуршат пауки и гады, ища себе в них пристанище. Я старая, меня давно уже заждался Эркал, чтоб проводить в страну теней; я готова

к встрече с грозной Эрешкигаль и ее судилищем. Скажите, а вы – готовы принять суд мертвых? А вы уверены, что вас как великих грешников, не постигнет участь безмолвных удугу, слоняющихся между мирами в поисках покоя?

Искаженные издевательским смехом лица, сменили выражения, ставши вытянутыми от страха и злобы.

– Заткнем ей ее вонючий рот, чтобы не разливалась здесь своими нечистотами! – Не выдержав, закричал кто-то испуганно.

Она же, торжествуя глядя, как все зашевелились от ее пророчеств, воспаляясь, продолжала метать словами, словно ведьма предрекая им всевозможные беды. Наконец, кто-то не выдержав, схватил ее за волосы и больно ударил о дерево. В глазах Ама потемнело, и она на миг потерялась, но тут же придя в себя, злобно расхохотавшись, продолжала клясть проклятьем шакалье племя.

Услыхав шум, Аш-Шу велел узнать, что явилось его причиной, а прознав, незамедлительно явился сам.

– Опять слушаете ее лживые рассказы? – Пристыдил он своих приспешников. – Разве я не говорил, что ей только этого и надо, чтоб вы верили в эти ее выдумки, лишаясь воли и мужества?

– Ну что? – Обратился он к Ама. – Все не успокоишься? А ведь я тебя пожалел: не стал подвергать мучительной смерти, и своим людям не позволил тебя пытаться. Так что, держи-ка лучше язык за зубами, в противном случае, одно мое слово

и эти отребья растерзают тебя. Веди себя смирно, переживи свой позор, покайся в содеянном, и я – возможно, оставлю тебе жизнь. Цени же это, и берегись говорить дурные речи, мои воины очень суеверны, боюсь, как бы это не подорвало у них веру в бога.

Старуха, с бессильной ненавистью заглянув со своего возвышения натянутой веревки в его глаза, пыталась взывать к его спящей совести:

– Бесстыжий, постыдился бы. Тут же дети, убери их отсюда. Зачем им глазеть на старушечьи срамы?

– Истый воин, с малых лет должен осваивать свое ремесло. Чем развращенней у него ум, тем жесточе его сердце, в этом и есть совершенство ремесла настоящих воинов.

– Ты мерзок. У тебя не было матери, тебя породила безжалостная гиена.

– О нет Ама, тут ты ошибаешься, мать у меня была. – С легкой веселостью выдержав ее понос, сказал пустынный. – Ты не представляешь какая?

– Так бей меня или истязай, если убить не можешь. У меня от твоих слов одна изжога. На словах-то, вы все храбрые, а у самого кишка, небось, тонка, раз своим скудным словоречением меня решил извести.

– Не богам исполнять свою волю, ее исполняют его жрецы и посвящаемые служки.

С этими словами, он вызволил из толпы мальчика с перепуганными глазами, и подавая ему плетть сплетенную из сы-

ромятных ремней, подбодрил словами:

– Ну-ка отроче, отблагодари свою спасительницу.

Дрожа от страха, мальчик едва обхватив рукоять скользкой от пота ладонью, легонько стегнул, едва коснувшись сморщенной кожи гадалки.

– Сильнее! Ты, что мух ловишь?! Сильнее!

Вытерев руки об одежду, мальчик стегнул сильнее еще несколько раз.

– Сильнее! Сильнее!

Ударяя изо всех своих невеликих сил, мальчик всю старался угодить, чтобы не навлекать на себя гнева предводителя и насмешек и издевательств остальных.

– Вот что значит, воспитание маменькиных сынков. Это тебе не белье дома с бабами полоскать! Сильнее! Бей! Еще! Еще!

Ама, поначалу не чувствовавшей слабых ударов, постепенно становилось все больнее и хуже. Она дала себе слово не выдавать боли, дабы не развращать это несчастное дитя своим криком, молча перенося истязание, но едва стоная, выдавала ее лишь слабым подергиванием тела и искажением лица, выражающим страдание.

– Сильнее! Девчонка бьет сильнее.

Совершенно выбившись из сил, мальчик с остервенением продолжал бить все сильнее и сильнее. Выступившие на его ладонях волдыри лопнули, и жидкость из них растеклась по рукояти. Преодолевая боль, он не испытывал теперь ни стра-

ха ни жалости, но лишь злость охватила его и к разбойникам и к человеку который подтрунивал над ним, но больше всего к старухе, сжалившейся над ним и спасшей от неминуемого отравления, и перед которой он должен совеститься, неблагодарностью отплачивая за спасение. Этого то и надо было пустынною. «Еще!» – Продолжал он подгонять его, а старухе приговаривал:

– Ну что, нравится? А ты говорила, что я не сумею. И где теперь твоя спесь, Ама?

Наконец, посчитав наказание пока достаточным, он, потечески похлопав мальчика по плечу и отпустив, заключил, обращаясь к своей мученице:

– Вот так, создаются настоящие воины.

Смотревшие на истязание лиходеи, одобрительно закивали, смеясь над униженной старухой. Тяжело подняв веки, Ама, однако набралась сил, чтобы хрипя от боли, через высохшую гортань донести до них очередные проклятия, чтобы стереть с их лиц эти самодовольные улыбки:

– Вы думаете, меня позорите?! Вы себя позорите! Вы сейчас, родителей породивших вас унижаете, а не меня!

– Кричи не кричи, никто тебя больше не слушает. – Урезонивал ее Аш-Шу.

Повернувшись к нему, Ама попыталась достать его плевком, но ослабленные силы и высохшая глотка, не дали ничего кроме сгустков крови, размазанной по потресковшимся губам.

– Видишь, внутри ты приняла уже свое рабство, и не можешь навредить своему господину; как бы тебе этого не хотелось, твоя рабская душа не позволит сделать этого. И все вы люди такие. Поэтому-то ничего не изменится в этом мире, ваше рабское, никогда не позволит вам вырваться из вашего плена и порвать эти путы. Будь вы рабы или господа, будь вы бедны или богаты, внутри вас сидит это вечное раболепство, это вечная потребность кому-то услужить, кому-то подчиняться. И только мы – боги, не ищем себе награды за услужение, но сами берем положенное нам. Пока остальные гнут спину, мы разбрасываем жизнями; пока другие сгребают богатство и жаждут величия, мы топчем тлен и плюем на ничтожность; пока кто-то ищет поводырей, чтобы найти пути, мы сметаем любые мосты – богам все дороги ведомы, богам нет преград, чтоб пройти.

Старую гадалку рассмешили столь самонадеянное речи, но она смогла лишь зло передернуть губой и сказать, что все люди подвластны общим законам и никто не знает, что с ним произойдет завтра.

– Ты думаешь? Я вот, например, точно знаю, что будет с нами, и не только завтра. – Продолжая бахвалиться, возразил пустынный. – Завтра мы вернемся в свое становище и будем дожидаться торгового поезда, чтобы всучить им свой товар и сопровождать их, а твоих друзей, равно как и тебя, ожидают большие перемены. Вскоре и я переменю свою ски-таличью свиту, на царское платье. Вот только закончу одно

общее с местным лугалем дело.

– Ха. Я так и думала, что ты всего лишь чей-то служка на побегушках. А выступал тут петушком, богом себя называл. – Насмешливо прокаркала старуха, набравшись сил для последнего плевка.

– Да, что ты знаешь?! – Едва сдержавшись, чтоб не зарубить ее, прохрипел Аш-Шу. – Еще никто не посмел обвинить меня, в том, что я хожу под кем-то. Если бы не общий враг, я бы никогда рядом не встал с этим вырожденным презренного колдуна. Но не приходится выбирать, когда дело касается чести или правды, с кем или против кого ты. Я ведь не всегда был ловцом душ, я долго скитался по пустыням, как и все мои сородичи, там у себя на родине. Живя в шатре и кочуя по родным просторам, я пас скот и даже не думал, что когда-нибудь стану обретаться убийствами и разбоем. Думаешь, я просто так вас выслеживал и хватал. Неет, все это потому, что вы – кишцы, лишили меня прежней жизни, заставляя платить безмерные подати и молиться чуждым богам.

– Не ищи себе оправданий, сучий хвост. Видала я таких на своем веку: много и долго пыхатся, рисуясь гордым орлом, а потом, так же неожиданно и быстро стухиваются, оказываясь на деле потоптанной курицей.

– Замолкни! – Подвзвизгивающе вскрикнул пустынный, к своему ужасу начиная терять веру в собственный самообман.

Озираясь по сторонам, с беспокойством высматривая, не

заметил ли кто его мимолетной слабости, и с облегчением удостоверившись, что каждый погружен в собственные дела, и никому, кажется, нет дела до его позорного поражения какой-то старухе, он прикрикнул на нее еще раз, но на сей раз гораздо мягче и примирительней:

– Замолчи! Лучше замолчи. Тебе же лучше.

И понимая, что долгого общения с ней не выдержит, заторопился по другим делам, предоставив мученицу охране.

Аш-Шу удивлялся, как можно переносить страдания, когда казалось бы, единственное спасение от них должно прийти тут же, после недолгих мучений, от неимоверной боли и несовместным с жизнью ущербом для тела. Но смерть к пытаемым все не приходит, к удовлетворению его продлевая невыносимые мучения страдальцев до бесконечного. Слишком долго он терпел бестолковость сброда Тасара, пока не дотерпелся до того, что по их недосмотру и допущению, пленники умирают не понеся заслуженное наказание. Вот теперь, пусть на себе испытают то, что сами сотворяли со многими пленниками и нерадивыми слугами и их детьми. В первый раз, он поступает так со своими воинами – детьми пустынь, до сих пор все ограничивалось или легким наказанием, или мгновенной смертью провинившихся, дабы не отворачивать от себя остальных. Так как хороший и верный воин ценен, а люди Тасара, несмотря на их бестолковость – бойцы хорошие. Он и сам не мог бы ответить себе, с чего он так

взъелся на них из-за смерти какой-то бродячей старухи, ведь он сам не раз помышлял избавиться от нее как от ненужного груза, втайне мечтая, что она сама как-нибудь отойдет в мир иной, не вынуждая его прибегать к насилию. Но в то же время, боялся больше не услышать, ее каркающего, скрипучего голоса и не увидеть ее страдальческого лица изборожденно-го морщинами, так забавно кислящегося от горя.

Конечно, князь пустынь обставил все так, что казнь этих разбойников выглядела вполне должной, так как люди Тасара не в первый раз нарушили порядок, им установленный, а именно – беспрекословное выполнение приказов. Его повеление должно быть выполнено и это главное, и не его дело как они это сделают. Но где-то там, в глубине, он сознавал, что это его слабость а не сила, и понимание этого еще больше злило его. Да еще и казнь собственных людей, не воодушевляет других, хотя и держит в повиновении и благоговейном страхе. Как он устал, находиться в этом вечном напряжении, боясь сделать что-то не то, ляпнуть что-то невпопад, обнажая свою слабость. Старуха на некоторое время, стала для него какой-то отдушиной, в которую он мог испускать пар, делясь с ней сокровенным, не боясь уронить своего положения. После того как ее не стало, он будто снова осиротел, не находя в себе больше покоя, но стал лишь еще более свиреп и жесток, наводя ужас на своих людей не смеющих даже возроптать, беспрекословно выполняя его повеления. И когда он приказал поступить со стражами – долженство-

вавшими следить, чтобы с пленницей ничего не произошло – как с рабами или с простолюдинами, никто не нашел в себе смелости вступить за них.

Кожа их, оказалась не такой податливой, как кожа женщины или ребенка, принося еще большие страдания им, и мучительную возню их бывшим товарищам, вынужденным исполнять приговор, показывая свою преданность. Что может быть устрашающей, чем кожа, содранная с живого человека; что ужасней может себе представить человек, чем претерпевать невыносимую и нескончаемую боль без облегчений, сознавая отнятую часть себя, продолжая еще дышать, зная, что всему конец. Только о смерти может молить человек, о смерти приносящей конец. Жажда ее и бояться, уповая лишь на милость того неведомого.

Наблюдая за тем, как неловко палачи справляются с грубой кожей на жилистых остовах, Аш-Шу снова невольно сравнил их с нежной и гладкой кожей детей и прекрасных женщин, да и старческая, складистая, легко сползает с усохшего тела. Даже изнеженные рыхлости чиновников, не столь грубы и жестки; примерно так же, как шкурка мыши против бычьего кожуха. Настоящие воины пустынь закалены и выносливы, поэтому, кожа их сходит тяжело, крепко вцепившись в плоть, то ли из-за неопытности, то ли из-за страха палачей, забирая с собой частички мяса, остающиеся на ней. Что ж, тем лучше: это делает боль для выносливых тел, столь же нестерпимой как для остальных, не привыкших переносить

силь радости войн.

Он услышал всхлюпы и свист издающийся от одного из останков, того что было человеком, и был удовлетворен, что это сам Тасар корчится в предсмертных судорогах.

8. Рассвет.

Впереди мелькнул блик, ему вдруг так показалось, там далеко. Откуда-то послышались едва уловимые звуки и чудилось, повеяло чем-то разрезающим эту непрерывную, бездонную пустоту, и забрезжил свет. Где-то вдали, совсем чуть-чуть, почти невидимый, но среди этого спертого мрака, почти ослепительный. А вспыхнув, не исчезал уже. Он мал, но достаточен, чтобы поднять дух, вселяя надежду, что это еще не конец, и пробуждая волю к стремлению вырваться из этих хождений в вечной тьме. Он еще долго маячил впереди, едва видимый сквозь пелену слепоты пока он шел к нему, как будто дразня, не приближаясь ни на шаг, так, что вновь стало зарождаться это пугающее чувство тревоги, и он начал беспокоится, не видение ли все это его обезумевшего разума. Он уже начинал терять волю, так разросшуюся от возродившейся было надежды, взор его потухал и ноги не несли уже так легко, и казалось, сама надежда начинает покидать его, и только присутствие этого света, этой песчинки среди мрака, что бы это ни было, не давало ему отчаяться окончательно. И он шел замедляя шаг, почти так же понуро, как прежде, и лишь глаза всматривались еще в тишину, находя в этой песчинке единственную поддержку; как свет, вдруг рез-

ко поднялся и, разрастаясь, стремительно вырос, врываясь и становясь все больше, разрывая горящими руками пелену ненавистной тьмы и протягивая ему теплые ладони.

Ему казалось, что это само солнце спустилось к нему, сам Уту удосужил его своим вниманием, так яркое казалось ему этот свет, так желанен. Ведь кто-то действительно шел к нему, освещая путь перед собой невидимой лучиной, и ему даже не подумалось, что едва освещаемый шаг грядущего, не то же, что свет дня или сумерек, или даже ночи под зорким приглядом синевородого Нанны. Этот свет казался ему, ярче самого яркого дня. Между тем, тот – кто-то, приближался все ближе, узреваясь высоким старцем, вышагивающим в крошечной тьме длинными, мерными шагами. В его безбородом, не истощенном, а скорее изможденном лице, выражались многие и многие веки безотложного труда и заботы, а седеющие короткие волосы, выдавали пеплы прожженных лет, и сам он был весь какой-то пропыленный, как старьевщик собирающий людскую ветошь. Выискивая и находя его зрачками из-под опущенных век, он тянул к нему свою длинную, жилистую руку, обнажив которую, рукав тяжело скользнул, являя древность скитальческих одежд.

Не успел он испугаться или обрадоваться, как вновь оказался стоящим пред высоким судьейством, но никто не судил уже его.

– Зачем ты привел его сюда?! Участь его решена! – Гнев-

но, но не громко и без крика, со сдержанным достоинством царицы, возвещала со своего возвышения грозная властительница мира мертвых. И так же грозно вторили ей, обычно немногословные судьи, ставшие вдруг раздраженными и ворчливыми, наперебой ругая его спасителя, стараясь угодить белой повелительнице.

Казалось тот кого только коснется, недовольный взгляд их, должен пасть ниц и молить о пощаде, милости и о прощении вольной или невольной вины своей, но этот странник поражал невозмутимым спокойствием. Молча выслушивая все наговоры их, он вдруг сам грозно свел свои убеленные брови, точь в точь, как делал это человек в его детстве, и ударил об пол так, что все всколыхнулось вокруг и прошелся гул напозающего труса, что все кто стоял, не смог удержаться. И громыхнул громовым раскатом так, что зашатались и стены их безрадостного мира.

– Я гляжу, в угаре всевластия, вы стали забывать пределы вашего могущества, раз не слышите право страждущих! – Мрачно вещал его проводитель. – Справедливость вызывает к возмездию! Сатарана должен вершить!

Но не укротит свой гнев своевольная богиня, но не утихают божественные судьи.

– Пусть он вершит свое дело, не мешай нам вершить наше! – не унимается Эрешкигаль.

– Никто не покушается на право страждущих, оставь приговоренного в его участи. – Примиряюще, но настойчиво го-

нят его судьи. – Уходи.

– Вы кажется, и впрямь забыли кто – Я?!!! – Возвысил свой голос странник. И стены посыпались от этого окрика, и попадали даже те кто не стоял.

– Я могу напомнить! – Продолжал он. – Только вам это, тогда уже и не пригодится! Року подвластны и люди и боги, и только определяющему судьбы дано решать их предназначенья! Одно движение моих век и не будет ни меня и ни вас, ни этих стен, ни даже того, кого вы называете отцом и по глупости своей почитаете вершителем! Не будет ничего!

И задрожали тут всемогущие боги, и еще бледнее от ужаса стала горделивая царица, и пали они в страхе перед странником ниц, трусливо и подобострастно показывая благоговение перед ним. Он же, презирающий любое чинопочитание, не придавая почтения преклонению пред ним, указуя на него перстом, напомнил волю Нинурты:

– Сатарана должен вершить свое дело! Се – меч его! Так пожелал Нинурта блюдуший справедливость, чтущий законы мироздания!

И оставив лежащими на коленях вершителей мертвых, подъяв его, выводил наружу, на свет, проводя сквозь толщу великой горы.

Странник не стал вести его, к тем многим дверям, чрез которые тасил злорадостный Эркал, где бдительный страж всякий раз требовал плату за проход, но нес его прямо к сводам. Невольно сжавшись, он зажмурился, готовый быть рас-

плющенным о холодную стену, слыша напутственное вслед: «Зри!». И перед его глазами промелькнула жизнь, как он ее помнил; погружаясь, видел он и прошедшее настоящее, и как казалось, что-то из происходящего где-то вне него и что-то из грядущего, и готов был смотреть еще, но выход вовне прервал все его размышления.

9. Восхождение.

Позволив пленникам отдохнуть, разбойники, тем не менее, осмотрительно их разделили. Потирая разбитые ноги, старуха, незаметно всунув в руки эштарота пучок трав болиголова и кулечек щепотки, тихо начала нашептывать:

– Возьми, нам больше не представится случая оказаться рядом. Остальное собери сам, надеюсь абгал поделился с тобой знаниями о травах. Я припрятала их для себя. Но что знание травницы, против знаний жреца самого бога мудрости? Я умею мертвить, но мне неподвластны чары воскрешения, да и боюсь – моя старость будет помехой и не позволит сделать это с собой.

И подбодрила побледневшего юношу, понявшего, что она от него ожидает:

– Я знаю – тебе страшно, но сейчас у нас другого выхода нет, а время ждать не будет. От них далеко не убежишь, а связанным освободиться не получится. Это очень опасно, но ты молод и полон сил, и мы будем надеяться на лучшее. Я же сделаю все, чтоб ты мог пробудиться, и чтоб сон твой не потревожили дикие звери. От нас с тобой зависит, будем ли

мы как прежде вольны и свободны, или нас ждет участь рабов на чужбине. Всех нас.

Из уважения к старой женщине и чтобы не привлекать внимания находившихся рядом лиходеев, спрятав полученное за пояс, Аш молча сглотнул обиду на то, что за время долгой поездки, у нее сложилось представления о нем как о жалком трусе. Заметив это, старуха поспешила его успокоить.

– Не стыдись своего страха, смерти бояться все, даже дураки. Даже если в ней ищут радости молящиеся и спасения страдальцы, то и в них проскальзывает сомнение, а так ли это. Потому-то и нуждаются в помощи словоблудов и впускают в себя дурман перед встречей с нею. Перетерпеть его могут, разве что только любовь и гордыня.

И продолжила:

– Как будешь готов, дай знать, и когда это случится я позабочусь о тебе. К следующему дню, все должно начаться. Вот тогда-то, ты и нагонишь нас. Но торопись, мы не должны уйти далеко. Я буду ждать тебя три ночи. Если все получится, в это время ты уже нас нагонишь, в противном случае я буду думать, что ничего не вышло и тебя больше нет. Но я верю, все выйдет и ты нас освободишь.

Как и предполагала старая гадалка, как только они дошли до первого «пастушьего» становища, где их ожидали остальные «подпаски», с такими же несчастными пленниками, опасаясь сговора их разделили, соединив каждого с кем-нибудь

из находившихся здесь невольников. Теперь все думы о превращении замысла травницы, ложились на плечи Аша, который при каждом удобном случае, собирал все, что попадалось под руку и уже потом, перебирая, оставлял то, что могло сгодиться. К счастью, многого не требовалось, абгал научил его способам, в которых применялись различные сборы, из разных основ со всех краев необъятного Калама, что давало больше возможностей, приготовить снадобье так как надо. Довольно скоро он нашел все необходимое, с каждым передвижением, с каждым шагом, срывая травы, отлавливая живность, выкапывая дары земли и пряча все это в складках своего шубату. Оставалась неразрешимая задача приготовить это самое средство, а главное, нельзя было ничего сделать так, чтобы никто этого не заметил: веревки, которыми он был крепко связан, сковывали движения, а сам он находился под постоянным призором, если не охранников, то вниманием глаз связного по неволе, которые всегда сопровождали его. Между тем время шло и нужно было действовать, и действовать как можно скорее. Старая гадалка была права – если и бежать то только сейчас, пока они как скот перегоняются по дикой пустыне; вскоре будет поздно, что-либо предпринимать. Хлебнув воды с пылью зеленого камня, он с тоскою глядел в подернутые пылающим закатом облака, сжимая свой сбор из трав во взопревших ладонях.

– Все думаешь, как сбежать? – Услышал он за спиной насмешливый голос, в котором сразу узнал голос ночного го-

стя...

Он стоял в зелени благоухающих трав на склоне вершины, неоспоримым величием возвышавшейся над простершимся миром, убегающим голубыми прожилками рек в бездонность лона своей великой матери, заточенной, но не укротившейся. Свет отовсюду ласково проливаясь живительными лучами, нежными объятиями касался его многострадальных членов.

– Что сказал он о тебе? – Услышал он за спиной, голос почти неслышимый.

Обернувшись на него, он увидел, что стоит здесь не один, но склон горы чуть ли не до самой выси, облюбовали люди в долгих до пят, песочно-белых сорочках из рогожьей холстины с широкими рукавами, длинными, почти касавшимися земли. Было невозможно понять, мнут ли их ноги хоть травинку, так мягко и недвижно они стояли. И самый близкий вопрошал его.

«О ком он?!» – Лишь только мелькнуло в его голове, как вопрошающий тут же ответил, угадывая его недоумение:

– Намтар. Он вел тебя.

«Се – меч его» – Вспомнив, перебирая в голове слова высокого странника, то ли сказал, то ли подумал он, пытаюсь вникнуть в их смысл. Но вопрошавший снова опередил, и не давая собраться с мыслями, изрек почти повелительно:

– Так иди.

Глава 4

Лоно матери

1. Нибиру. Дворец.

Отогнав служанок растиравших его душистыми маслами, Азуф в одиночестве нежился в купальне, разглядывая изрисованный потолок. Едва переступив порог дома Мес-э, он тотчас же озвучил желание окунуться в теплые воды его купален, в которых любил отдохнуть всякий раз после прибытия из столицы. Он не объяснял причин своей прихоти, не боясь, а скорее стыдясь сознаться, что главным образом хочет смыть грязь своего унижительного подчинения тому, кого презирал всей душой, считая недостойным повелевать даже рабами. Как же он ненавидел себя того – трусливого, как он считал, прислуживавшего кому-то; наверно так же, как ненавидел себя такого – завидующего и боящегося сознаться себе в этом. И в этих противоречивых чувствах он вынужден каждый день вставать и ложиться. Если бы окружающие только знали, сколько под этой пышущей самоуверенностью личиной, таится неопределенности и неуверенности; наверняка они не стали бы даже слушать его, предав самой позорной участи. Потому-то, никто никогда не увидит в нем и капли сомнения.

Услышав за спиной шлепки, чашник и советник единоподдержца, спросил, до сих пор терпеливо ожидавшего его снаружи подручного, не желая оглядываться:

– Что?

– Господин. Нимийский купец ожидает в дальних покоях, и сейчас настоятельно просит принять его.

– Вот как?! Все еще настоятельно?! – Напускно-удивленно повел бровью сановник.

– Да.

– Он столь суров, что я уж чаял услышать, что-то более грозное. Жрецы уже здесь?

– Да, они прибыли раньше нас и ожидают в приемах.

– Прекрасно, – взбодрился Азуф – думаю, все их вопросы решим без других. Зачем беспокоит тех, у кого ко мне вопросов нет. Отведи их к нему, я буду следом.

Поплескавшись, растягивая удовольствие, он хлопнул в ладоши, призывая слуг закончить его омовение.

Бешено вращая вытарашенными желтоватыми белками, пыхтя и раздувая и без того широкими ноздрями, сверкая черным лицом, становившимся черно-багровым от злобы, что всякий раз забавляло кишского сановника, гость встретил его возмущенным негодованием.

– Когда дела не терпят, кишский вельможа изволит себе купаться! – Брызгаясь слюной, шипел он, стараясь не кричать, чтобы не поднимать шума. – Как можно?!

Примирияюще увещевая нимийца, Азуф издевательски улыбался, и говорил его особенностью речи, как будто передразнивая:

– Никак не можно встретить дорогого гостя, самому не стяхнув с себя дорожной пыли.

– У людей принято с дороги омыть ноги, но не мыться целиком!

– То у других людей. Наш досточтимый гость, должен простить мою человеческую слабость.

– Кто я такой, чтобы ждаться?! Кто ты такой – кишец?!

Вмиг нахмурившийся царедворец, осадил забывшегося иноземца, процедив сквозь зубы:

– Я, чашеносец великого единодержца, истинный са-ар. А вот кто ты такой – «купец», нашим гал-ла, думаю узнать очень любопытно.

– Не стоит свариться меж собой, пока общий враг не повержен! – Рассердился жрец Энлиля. – Наши ссоры, на руку только ему!

– Ты прав. Прости меня мой нимийский друг, я иногда горячусь по пустякам. – Протянул Азуф руку нимийцу, в знак примирения.

– Прости и ты меня. – Принимая руку, все еще не оправившийся от волнения, ответил посеревший от упоминаний о священных стражах гость, не переставая удивлять чашеносца меняющимся цветом черного лица.

Выпив и успокоившись, заговорщики приступили к обсуждению вопросов, для которых собрались.

– Я надеюсь, наш досточтимый нимийский друг, расскажет нам, что побудило его поднять тревогу? – Начал Азуф.

– Конечно, скажу. – Убедившись, что никто не подслушивает, беспокойный гость, решил сменить шепот на обычный разговор. – Быть заговорщиком, значит всегда быть наготове, а не разбежаться по своим норам яко мыши.

– Мне казалось, мы обо всем уже договорились.

– Мы слишком медлим: полки Лугальзагесси застоялись без дела и неистовствуют, еще немного и они сами двинутся к стенам Нибиру. Тогда уж крови Нибиру не избежать.

– Да, они ведь действительно считают нибирийские земли своими, а всех нибирийцев предателями. А зная трусливый нрав Ур-Забабы, защитить Нибиру, когда дело дойдет до драки, он не поторопится, чтоб не ссорится с нимийцами. Да и время когда можно было усмирять южан одним бряцанием, минуло, они набрались сил и не разбегутся как прежде при первых звуках кишских рогов. Пощады не будет никому. – Согласился Азуф.

– И Нем, допустит это безбожие?! – Поразился Мес-Э.

– В Халтамти это называется – справедливость. – Невозмутимо ответил ему нимиец.

– Так мы ведь не против, – трусливо заблеял лагар градоначальника Нибиру, и остальные с готовностью ему закивали, – пусть приходят, мы с радостью откроем ворота.

– Воины потребуют своей добычи.

– Мы выложим большой откуп, за свою безопасность.

– Боюсь, этим они не удовлетворятся.

– Так, что ж им надо?! – Начал терять самообладание эн-

си.

– Насытиться. Любому воину хочется насытиться своей победой: резней, соитием и хорошим кутежом.

– Ну, это мы устроим – успокоился Мес-э. – Пусть доблестные унукские воины порезвятся в пределе бедняков. Собрать золото для своей неприкосновенности побирושкам все равно не по силам, ну а мы избавимся от лишней головной боли. Там-то, доблестные воины и смогут всласть порезвиться, а если им захочется больше страсти, то в нашем городе достаточно дочерей Шамхат, которые не поскупятся ради родного города своим телом. Ну, а са-калей ждут утехи в объятиях прекрасных жриц, и прислужниц и прислужников Инанны.

– Хитро. – Оценил его находчивость черноликий. – Отдав на откуп предел нищих, священный Нибиру спасает себя и богатые концы за стенами от разграбления. Однако концы простолюдинов находящиеся вне стен, пострадают все равно.

Нимиец, удивленно поведя по соглашающимся лицам нибирийцев, обратился уже к ним ко всем:

– Вам не жалко их?

– Что делать? На все воля божья. – Ничуть не смутившись, ответил за всех, хмурый жрец грозного Энлиля, старший среди святых заговорщиков.

Удивленно поведя бровями, нимиец еще раз отметил про себя, предательскую сущность каламцев.

– А что вы намерены делать с вашим верховным жрецом? – Не сдержал любопытства чашеносец единоподержца.

– Снимем с него сан, да и отпустим отмаливать свои грехи в дальние молельни.

– Отдайте его лучше на суд граждан, кто-то должен ответить за все, что теперь творится и станет с городом скоро.

– Хорошо, мы так и сделаем.

– С Нибиру все ясно. Вы что-то хотели относительно Киша.

Для убедительности напустив на себя благообразность, жрец начал издали:

– Ур-Забабой овладели чрезмерная набожность и честолюбие, это всем давно известно и до поры нам это было на руку, ибо он чтит нашего бога. Но когда его гордыня, привела к сомнениям относительно местопребывания вездусущего, это перешло все границы.

– Вы про холм, что он строит?

– Именно-именно! – Обрадовано завосклциал нетерпеливый священнослужитель. – Ты верно подметил. Это именно – просто холм, а не дом неба и земли, как он хочет его называть. А его желание, сделать его выше неба – богохульно.

– Ой, ли? Уж не движет ли вами простая ревность, что не в Нибиру строится его главный дом? – Пошутил кишский сановник.

– Не кощунствуй! – Возмутился хмурый служитель. – Нибиру, и только Нибиру – есть средоточие мира! В Нибиру,

поселился великий ветер в начале времен, и только здесь, быть его главному дому на земле!

– Не сердись святейший, я не хотел вас обидеть. Я простой царедворец, а не ученый муж, и я плохо знаком со священными сказаниями, кроме тех, что велит знать первосвященник.

– «Первосвященник». – Хмыкнул жрец, показывая свое презрение к верховному жрецу.

Дождавшись, пока жрец закончит свое ворчание, Азуф продолжил:

– Так что вы предлагаете с этим холмом сделать?

– Скрыть! – Снова встрял в разговор нетерпеливый жрец.

– Скрыть? А это не кощунство? Не прогневит ли это Вездесущего, ведь это строение возносится в честь него?

– Не слушай его, он молод и глуп и не понимает, что говорит. Достаточно будет прекратить эту богохульную стройку и подкоротить то, что уже вознеслось выше дома в Нибиру; дабы своей дерзостью не смущало небес.

– Святейший жрец хитер. Ведь сие здание вознеслось до двухсот локтей. – Подметил нимиец, отдавая должное хитроумности священнослужителя. – Недаром пастушьи народы, называют теперь Киш – вратами богов.

– Киурийцы все невежды! Они и свою деревню – Кадингирр, называют божьими вратами! – Ворчливо выругался жрец, ревнуя к славе Киша.

Азуф стыдливо смолчал, не открываясь к какому племени

принадлежит.

– Смолвитесь об этом с унукцами. – Только и смог ответить иноземец.

– Нельзя избавить от заблуждений, не уничтожив знамений. – Проворчал жрец.

– Боюсь, что сии доводы не убедят воинствующего духа. Что им до заблуждений врага? Благо выслушает.

Сознавая правдивость слов купца, служитель Энлиля разбранился, рассердившись на неразумных вояк:

– А знают ли они, что врага до конца не склонить, пока им движут заблуждения??!!

Приняв обвинения на себя, иноземный гость встрепенулся и, побагровев (что с беспокойством отметил Азуф), разругался в ответ:

– Радуйтесь, что останетесь целы сами!! И молитесь, чтобы воины Лугальзагесси, случайно не снесли и ваши святыни тоже!!

Жрец, трясясь, хотел было сказать что-то обидное, а ни-миец уже был готов отразить, так, что все вокруг напряглись в ожидании худшего. Но тут пришла очередь вмешаться в спор чашнику, к вящему его удовольствию, отплатить наконец, священнослужителю его же отповедью:

– Друзья мои, не пристало нам сейчас бодаться, когда до цели всего два шага. Но, – обратился он к жрецам – не кажется ли вам, что знаменья уничтожать лучше перед битвой?

– Кто ж спорит? Только кому такое по силам? Разве только

ануннакам.

– Пусть святейшие жрецы будут спокойны, мы вскорости решим этот вопрос.

Выпроводив священнослужителей, Азуф посмеялся над их упрямством и, обращаясь к нимийцу и к нибирийским вельможам, будто светлая мысль посетила его только что, сказал:

– А ведь святейшие жрецы правы: поверженная святыня остудит рвение сторонников Ур-Забабы.

– И кому-то по силам это сделать? – Повторил вопрос сурового жреца Мес-э.

– Мне.

Победоно оглядев собравшихся, Азуф улыбнулся и продолжил:

– Вы забыли, что жрецы Энки обладают знаниями ануннаков, а с нами мудрейший из них.

– Абгал?! – В один голос выпалили заговорщики.

– Это конечно хорошо, что ты каким-то чудом уговорил нам помочь служителя Энки, хоть всем известно, что они скорей допустят разрушение всех своих святынь, нежели вмешаются в распри. – Заговорил Мес-э. – Но где он?

– Да что ты говоришь такое?! – Подхватил недоверчивые речи градоначальника нимиец. – Твой старик совсем выбился из рук, он того и гляди выдаст нас всех священным стражам. Благо, если он этого еще не сделал. Я как раз хотел поднять вопрос о том: он стал опасен и я требую избавления от

него.

– Об этом можешь, не беспокоиться. Он мне дал слово, и поверь, он хоть упряма и занудлив, но человек слова.

– Что мне его слово?! Он все равно вечно всем недоволен, и будет мешать нам, когда на кону успех нашего дела! Либо мы от него избавляемся, либо...!

Чувствуя, что все готово сорваться, Азуф поспешил заверить:

– Ладно-ладно, не горячись. Я за него не держусь. Мне он все равно уже не нужен. Все что от него было нужно, я получил. Так что делай, что хочешь.

Прием удался на славу, Элилу была сегодня на высоте. Все знатные женщины – вельможные жены и их высокородные дочери, – вынуждены были упрятать свою гордыню, и явиться на прием во дворец, чтобы выразить ей свое почтение. И это вопреки своим грязным домыслам, которые они смели распускать за ее спиной. Из-за них, у ее мужа возникли подозрения в отношении нее. Из-за них сгинула где-то на государевых повинностях ее любимая рабыня, которая была ей так близка и с которой она делилась столь многим. Из-за них пропал ее любимый, стражник которого она ласково называла пятником, и который наверно, искупает свою вину где-то на чужбине. Вспомнив близких людей, виновницей чьих участвий оказалась, Элилу на какое-то мгновение помучилась совестью, но тут же взяла себя в руки. Она уже давно заста-

вила себя думать, что если бы она не покровительствовала им, их все равно ждала бы такая же беспросветная участь, и пусть скажут спасибо, что она так милостиво обходилась с ними. Их наказание, не должно было быть слишком суровым. Во всяком, случае, так хотелось ей верить. Да и что, с ними худшего могло произойти? Они ведь ей ничего не успели сделать, и с того в чем она их обвинила, и никого не убивали, никого не грабили.

С вежливым высокомерием, улыбаясь и кивая головой в ответ на угодливые приветствия, госпожа Элилу, досточтимая супруга градоначальника Нибиру, с царским достоинством принимала благородных прихлебателей лицемерия и неблагодарности. Скольким они были обязаны ее почтенным родителям? А отец ее, далеко не последний человек в этом мерзостном, пропитанном кознями городе. И скольким уже обязаны ее достославному мужу? А скольким они обязаны ее сердечности?! Однако все это не мешало им, злобно за спиной обсуждать любые ее действия и невинные шалости. Когда-то именно из-за боязни перед такими кривотолками, она вынуждена была отказаться от своего счастья, о чем на душе до сих пор осталась незажившая от боли рана.

– Я надеюсь, здоровье досточтимой госпожи Нугаль поправилось? – Обратилась она к скрюченной то ли болезнью, то ли от усердия стражников гостье.

Несчастной женщине, только оставалось отблагодарить хозяйку за заботу, что она не без усилий для себя и сделала.

Сказавшись больной на приглашение жены нового энси, Нугаль думала отсидеться, дабы не пришлось прогибаться перед соплячкой, только недавно с благоговением смотревшей ей в рот, к тому же успевшей замараться в слухах о любовных похождениях. Но не тут то было, мстительная градоначальша помнила, кто больше всех воспалялся ее невинным шалостям и распространял о ней грязные слухи, и решила примерно проучить зачинщиц, пригласив их к себе на прием, чтобы они как полагается придворным женам, прислуживали ей. Тех же кто не соглашался, велено было доставить во дворец в сопровождении городских стражей, и не оговаривалось, должны ли они быть доставлены по доброй воле или насильно. Вот и стояли среди гостей растрепанные, наскоро одетые посетительницы, которые вынуждены были принять почетные, но унижительные для себя обязанности.

Сама же виновница торжества, блистала во всем блеске, полагаясь лучшим кишским женам. Облаченная в желтое платье из тончайшей ткани, приятно облегающей тело, она позаботилась о том, чтобы и бахромистая накидка выигрывало смотреть по цвету, не оттеняя, но и не теряясь в ее яркости. На голове, ее новой любимицей, была взгромождена копна накладных волос золотистого цвета, не хуже, чем у царской невестки, с особым старанием собранных из овечьей шерсти и чуть подкрашенной в пивной закваске. Губы выделяясь свежестью блеска, в то же время не были накрашены слишком густо как у порочных жен, подчеркивая бла-

городство их обладательницы, и щеки алели на чуть смугловатой и набеленной коже лица, являя молодость и здоровье. Особенно старательно, сажей в одну были сведены не сросшиеся брови, этот вечный повод стеснения. Если в детстве она не обращала на это внимания, то по мере взросления, стеснение и зависть к более счастливым их обладательницам, стали все больше одолевать ее. Разъединенные брови, это признак простолюдинок, она же самых благородных кровей. И хотя не многие могли похвастать сведенными бровями, Элилу как потомица благородного рода, должна была, как она считала, быть от природы безупречно красивой. Чего она только не делала, чтобы на голом месте пробились, наконец, густые, черные волоски: она натирала переносье луком, мяла и терла его обжигающими мазями, сбривала переносицу начисто, стараясь, таким образом вызвать рост волос, но все без толку, из зеркала на нее глядело все то же лицо с голой переносицей.

И вот, счастливая обладательница самых густых бровей, стояла перед ней, нагло выпячивая свою красоту. И хоть девушка, была, как и все учтива, Элилу видела сквозь нее – эту учтивость – высокомерное презрение. Придворная девица говорила, что-то хвалебное, она же видела издевательскую ухмылку.

– Известно ли вам, что распускать слухи о жене градоначальника священного града, это посягательство и на него самого, а стало быть и на нашего единоподержца, так как мой до-

стославный супруг здесь по велению самого государя? – Выдавила она из себя, едва сдерживаясь от гнева.

Недоуменно хлопая ресницами, такими же густыми и пушистыми как брови, девушка прошелестев нежной соловьиной трелью, попыталась развеять возникшие подозрения, еще сильнее раздражая Элилу бесхитростной невинностью:

– О, очевидно госпожу энси невольно ввели в заблуждение. Мы никогда, ни словом, ни делом не помышляли ничего против государя, ни против энси, ни против его всемилоостивейшей супруги.

– Да как ты смеешь, перечить мне?! Нахалка! – Вскричала она, не выдерживая мельтешения перед своими глазами, ровных, пушистых и мягких бровей, правильно сросшихся над межглазьем. – Ты смеешь, смеяться мне прямо в лицо?!

Став свидетелями своевольного поведения градоначальши, знатные гости начали недовольно перешептываться. Хоть они и побаивались ее властительного супруга, но ее поведение не могло не вызывать перетолков. Сама Элилу это понимала, и потому хотела, ублажая, уничтожить их величавым спокойствием, так как это удавалось делать одному лишь великому единопдержцу. От его тихих и спокойных слов, кровь стыла в жилах у провинившихся сановников, не знающих, что ожидать и что означают его ласковые речи – милость или гнев; а враги лишь радовались, что находятся далеко и не слышат уничтожающей мудрости змея. И многие пытались подражать ему. Но что пищание улитки, в сравне-

нии с мерцанием зарниц? Как будто одинаково беззвучно: но яркость молнии видно всем на громадные расстояния, предвещающая о грозных раскатах, угрозы же сливня не заметит и ближний. И она не сдержалась, о чем, увидев эти осуждающие лица, она поняла, поняла слишком поздно. Но, что случилось, то случилось, теперь ей было все равно, зато теперь она уже может не сдерживать себя, можно все. А эта нахальная девица, к тому же смела ей, хотя и изображая смиренность, что-то перечить. Ей же виделась победная ухмылка, а в словах слышались издевки, и все кругом как будто смеялись ей в лицо. Все перед ее взором заволочло туманом, щеки горели пламенем, и сама она вся закипала будто котел в очаге; перед ней замелькали эти уродливые, смеющиеся рожи, слышался этот звериный гогот, который невыносимо было больше терпеть. И она сорвалась.

Очнувшись, она обнаружила себя вцепившейся в густую черную шевелюру надменной красотки, которые к тому же оказались не накладными, а родными волосами с луковичными корнями, говоря о здоровье и юном возрасте их обладательницы.

– Аааа!!!! – Жалостливо вопила, она своим тоненьким голоском. Исполненные слезами очи девицы, кроме боли и страха, выражали еще, то самое недоумение, так не понравившееся Элилу, но только теперь от непонимания и обиды на несправедливое избиение.

Приходя в себя, молодая градоначальша видела перепуганные и взволнованные лица гостей и дворцовой стражи, не решавшейся остановить взбесившуюся госпожу. Понимая, что совершила непоправимую глупость, она посчитала – скорей бурлящей яростью, а не разумом – раз все равно ничего не исправить дать волю своему гневу, все же перестав таскать за волосы бедняжку. Оттолкнув девушку, с брезгливостью стряхивая оставшиеся в пальцах клоки волос, которые никак не хотели отлипаться от вспотевших ладоней, Элилу проорала:

– Выдрите ей брови!!! И пусть все знают: рука господа достанет всякого, кто посягнет на его устои!!

Перепуганные гости, понимая к кому, относятся эти угрозы, молчали, не зная как себя вести, чтобы не оказаться следующими жертвами гнева грозной правительницы. Молчание и мертвая тишина, наступили в дворцовых приемах, сразу сделав мрачными ярко освещенные убранства стен. Впадая в тоску, Элилу приказала музыкантам играть, а слугам подносить угощения, и совершенно преобразившись в лице, сменила гнев на милость.

– Ну, что ж вы не веселы, гости дорогие? Или в ваших чашах мало пьянящего дина? Или музыканты играют слишком заунывно? Пейте! Веселитесь! – С благожелательной улыбкой, обратилась она к гостям.

И бледные от страха гости, чтобы не сердить хозяйку, вынуждены были изображать веселье.

2. Уттуку.

Чуткое сердечко юной скиталицы, еще исполненное надежд, все больше начинала одолевать тревога. Не находя среди стольких пленников, сколько нагнали люди пастуха, больше своих близких, Нин все больше мрачнела, начиная понимать, что сбываются ее худшие опасения. Даже обычно находившаяся рядом Эги, вдруг куда-то запропастилась, и не было больше слышно ее бесконечных всхлипов и жалоб. Чувствуя стеснение от незнакомых людей, она старалась не смотреть по сторонам, уперши взгляд в землю.

– Ну, что кишка, пропали твои земляки? – Услышала она за спиной сиплый насмешливый голос. – Получили свое нечистые. Будете знать, как захватывать чужие земли.

Нин повернула голову, чтобы увидеть говорившую и была поражена, что это была та самая пленница, которая своим видом и положением в котором находилась, вызывала у них жалость. Видно разбойники ее прихватили, только ради смеха. Былая красота, из-за которой к ней когда-то сосватался богатый жених, давно испарилась, а с красотой, под влиянием ежедневных возлияний, пропала и прежняя острота ума; она перестала следить за чистотой своего тела, и никто не хотел уже даже приближаться к ней. Скалясь щербатым ртом, лишь редкие желтые зубы которого, светлели на выгоревшем темно-коричневом лице, пленница раскачиваясь, продолжала поносить ее друзей. Нин лишь удивленно вытаращила глаза на злорадствующую пленницу, не понимая за что, та так

ополчилась на нее, совершенно не зная. Между тем, женщина, выставив покрытые коростами и многолетней грязью ноги, продолжала говорить ей гадости, размахивая руками.

– Вы, грязные киурийцы, кто вас звал на нашу землю? Сидели в своем болоте, вот бы там всегда и оставались. Чего полезли в наши пойменные луга? Теперь познаете привкус чужой земли.

Слушая брань уримской женщины, Нин, переполненная горькой обидой на несправедливые и потому неожиданные обвинения полные смертельной злобы, готова была расплакаться. «За что?! За что?!» – крутилось в ее голове – «За что они с нами так?! Что, мы им сделали такого?! За что, так ненавидят нас?!». И слезы, вот-вот, готовы были вырваться из непослушных глаз.

– Что ты, накинулась на девочку? – Послышалось осуждающее ворчание, откуда-то из-за спины злорадной женщины.

Не юная, но довольно молодая еще женщина, захваченная в окрестностях как видно из-за чувственной красоты, ее заступница говорила увещающим голосом, стараясь, не злить неистовую пленницу.

– Что ты за них заступаешься?! Забыла их своеволие у нас?! – Перекинула свою брань на нее злорадная пленница, распаляясь из-за неожиданного заступничества за бродяжку. – Как они распорядились у нас будто у себя дома, собирая налоги для своего царька?! Забыла?!

Но заступница, словно не замечая оскорблений, продол-

жала столь же миролюбиво:

– В чем она-то виновата? В чем виноваты эти простые люди?

– Тебе наверно, понравилось быть их подстилкой! Радуйся же! Теперь тебя снова, будут ублажать толпы вонючих варваров!

– Не стыдно, тебе говорить такое? Ты же сама их привечала в своем дому.

– Я не раздвигала ног перед каждым дружинником, Шамхат!

– Как ты смеешь говорить такое?! Благодаря ей, нашу деревню не облагали лишними поборами! – Вступилась за подругу молодая пленница

– Да какое мне дело до вашей деревни! Я же не ложилась под каждого встречного!

Юная пленница, вновь собиралась что-то ответить, но добрая блудница, знаком дала понять, что здесь ей не стоит вмешиваться, сама же миролюбиво ответила:

– Знаю. У тебя был муж.

После этих слов, вздорная пленница готовившаяся, что-то еще проорать, пошлепала губами, но не найдя что ответить, вся как-то потухла и присмирела, боевой взор ее угас, плечи опустились, а взлохмаченная голова поникла.

– Все мы здесь одинаковые пленницы – продолжила красавица – и уримийки и киурийки, и должны, держаться друг за дружку. Пустынники, не без позволения чертова сына За-

геса – бесчинствуют здесь, они его союзники в войне с Ур-Забабой. Вот ему и приходится терпеть их бесчинства на своей земле, он лугаль только на словах. Всем здесь заправляют иноземцы, а им нет дела до жителей Калама. Для них наверно, было б лучше, если бы мы и вовсе друг друга перебили.

Нин отметила для себя, как все остальные пленницы прислушиваются к ней, хотя до этого наверняка относились к таким как она, с презрением и осуждением.

Злорадная пленница меж тем, кажется осознавшая наконец, ужас своего положения, растерянно лепетала:

– Почему – был? Почему – был?

– Будем же держаться вместе и, увидев это, боги может быть поймут, что мы полны решимости бороться до конца, за то, чтобы вернуться домой к родным, что готовы противостоять любым их напастям, и они смилостивятся. Слабым духом не сопутствует удача.

Злая пленница же, глазами пытаясь задержать ее взгляд, хватая руками, все задавала свой вопрос, надеясь развеять свои опасения. И добрая блудница, совершенно уверенная в верности своих слов, ответила:

– Он еще будет. И все те кто нас любит и ждет, все будут, обязательно будут с нами, если мы сами будем помнить о них и ждать.

И в этих словах было столько уверенности, что все пленницы вдохновились ими, и огонек надежды разгорелся в них, перерастая в веру, что все ее слова исполнятся. Теперь даже

и эта зловредная женщина, с надеждой смотрела в будущее, ожидая скорой встречи с супругом и домочадцами. И Нин, заражаясь общей радостью, наполнилась верой, что все еще будет. Заметив нежелательное оживление среди пленниц, надсмотрщики приставленные к ним, покрикивая, с ожесточением начали хлестать их плеткой, чувствительно, но легонько, стараясь не портить товар. Но пленницам, воодушевленным верой в скорое освобождение, эти удары показались шлепком младенца, и, подчиняясь требованиям охранников, они легли спать повеселевшие.

Нин, ворочаясь, никак не могла отогнать мысли, чтобы уснуть, гадая, куда могли деться ее друзья, но теперь, подавшись общему воодушевлению, уже с верой, что они живы и скоро снова будут с ней. Сквозь ночные вои и трели, она слышала, что не одной ей не спиться в эту ночь, кто-то также ворочался, и было слышно, как стражник кого-то поругивает сонным, осипшим голосом. Вскоре она увидела, что это не спала ее защитница, сидя в раздумьях о чем-то гнетущем ее душу. Придвинувшись к доброй блуднице, Нин тихо, чтобы никого не будить, захотела поддержать свою защитницу в ее раздумьях, осторожно коснувшись ладони. Обернувшись, блудница лишь грустно улыбнулась в ответ, продолжая сидеть в раздумье, в беспокойных глазах, отблеском луны сверкнули слезы. Не решившись спросить о причинах столь разительной перемены, Нин утешающе погладив руку

новой подруги, собралась отползти на свое место.

– Постой. – Прервал тишину, шепот блудницы.

«Не говори остальным про мои слезы». – Просила она взглядом. И Нин, так же взглядом ответила, чтоб она не беспокоилась о том.

Прошел еще один день. День ожиданий и надежд. Но, как и вчера и позавчера, и поза-позавчера, ничто не предвещало, того, что наступит обещанное освобождение, и отчаявшиеся пленницы, начали уже подозревать, что все уверения блудливой женщины были лишь пустыми словами. Уже начались случайные толчки и ворчания про себя, пока лишь про себя. Нин, которою саму полонянки перестали досажать упреками и стали относиться более дружелюбно, заметила это первой и, боясь, что девушки снова доведут дело до свар, была начеку. И вот с наступлением вечера, накануне прибытия предводителя с дружиной, опасения ее оправдались, терпение девушек, понимавших, что с возвращением главного душегуба все их надежды рухнут, лопнуло. Только присев, чтобы поужинать ячменной лепешкой, девушка краем глаза заметила, что полонянки усевшись поближе, незаметно окружали шамхат, все теснее сжимая круг вокруг нее, намереваясь, судя по всему, сообща совладать с отчаянной блудницей. Среди них была даже та, что еще третьего дня, столь рьяно свидетельствовала в защиту. Бродяжка понимала, что убить или сильно побить ее защитницу, пленницы все равно

не посмеют, но унижить и слегка поколотить, чтобы сбить самолюбие, вполне могут. Меж тем осмелев, пленницы словно услышав Нин, начали выражать свои недовольства громче обычного.

– Шамхат! – Выступила вперед, присмирившая было дня на два злобная женщина, организовавшая этот своеобразный заговор против унизившей ее блудницы. – Теперь мы знаем, что своими льстивыми словами вселяя в нас ложные надежды, ты хотела усыпить наше целомудрие, чтобы и мы стали такими же грязными и порочными как ты сама! Но ты просчиталась, думая, что среди нас найдутся готовые продавать свое тело! Своей новой подружке рассказывай сказки; это у них на севере, все такие же потаскухи как ты, а мы не такие!

Шамхат, как все прозвали чувственную красавицу, как будто не обращая внимания на слова опустившейся женщины, ни на надвигающуюся опасность, продолжала жевать, запивая лепешку водой.

– Что молчишь! – Дернула ее за плечо замарашка, не сдерживая нетерпения.

И заглядывая ей в глаза, с радостью для себя заключила:

– Боишься??

Но добрая блудница, не меняя положения, в котором сидела, резко вытянула руку и ухватила обнаглевшую горе-заговорщицу за нечесаную шевелюру, накручивая волосы на кулак, показав, что она может быть не только доброй, но и

весьма жестокой, и так же как та ей, заглядывая в ее перепуганные глазки, проговорила сквозь зубы:

– Не тебе, продавшей себя слюнявому богачу словно бараний окорок, говорить о целомудрии; не той, кого из-за множества измен, прозвали гулящей гашан и выгнали из дома, обвинять меня в потаскушестве.

Как видишь, я тоже кое-что о тебе знаю. Так, что лучше тебе не задирать меня, и также настоятельно тебе отсоветываю трогать эту сиротку. И не тебе пытаться совладать со мной: мне не раз приходилось отваживать чересчур заносчивых мужчин, которые думали, что со мной можно обращаться как со скотиной.

С этими словами она с силой оттолкнула от себя бывшую купчиху, отпустив грязные лохмы.

– А вам, – обратилась она к обступавшим ее девушкам, опешившим от страха, – прежде чем слушать сквернословия пропойки, следовало бы узнать ее как следует.

– Она врет, врет!– Пыталась было оправдываться замарашка, но колкие словечки в ее сторону, брошенные разбойниками наводившими порядок, подтвердили, что она не такая уж святая.

– Так вот – прошептала блудница, когда все успокоилось, – пока вы слушали бредни этой замарашки, я присматривала за охраной, и думала о том, как нам вырваться. Я успела заприметить все их слабости и рассчитала время для удачного побега. И это не покров ночи, как вы наверно по-

думали. В это время, они наоборот бывают сильнее всего настороже, ибо не понаслышке знают, что темнота лучший друг вора и беглеца. Раннее утро, когда блистательный Уту только запрягает свою колесницу, – вот время, когда даже самую бдительную стражу одолевает сон, а остальных еще не пробуждают теплые прикосновенья...

– Ты собираешься бежать??? – Спрашивали ее испуганные девушки.

– Не я, а мы. Я же вам говорила, чтобы мы держались вместе. Вот и настало время, когда нам это поможет. Конечно, то, что сон одолевает стражей, это не значит, что они все поголовно спят. Но главное-то они будут сонными, а значит, их можно будет разоружить, оглушив или крепко связав, накинувшись разом...

– Бежааать? Сейчаас? – Нин с беспокойством посмотрела в сторону, где содержались пленные мужчины.

Заметив это, блудница поспешила успокоить ее:

– Послушай милая, пока мы в плену мы все равно не в силах им помочь, мы только сдерживаем их от побега, так как они тоже не решаются бежать без нас, оставляя в лапах этих злодеев. Что пустынным побег каких-то женщин, они нас за людей-то не держат, вон какую куцую охрану приставили. Будут злы но не встревожены, а значит и пленников почем зря трогать не будут. Этот их главный, судя по всему бережет товар, то есть нас – пленников, зато крут со своими людьми. Видали, как он жбан своему человеку снес? Нашу доблест-

ную охрану, за наш побег он и казнит. Зато наши мужчины, не смогут не заметить, что их женщинам удалось бежать, что придаст им сил и надежды на скорое спасение. И оно обязательно придет. Нам останется только, найти стражей или военных. Эти самоуверенные ослы, думали разделив нас сделать покладистее, но не подумали, что это делает слабее их.

– Я поддерживаю. – Воодушевленная словами защитницы, выразила решительность Нин. – Надо подготовиться, к хорошей взбучке этих красавцев.

– Ну-ну, вояка, успеешь еще повоевать – рассмеялась блудница. – Сегодня еще рано, мы слишком далеко от селений. Ну а завтра, судя по следованию которым нас ведут эти шакалы, мы будем как раз недалеко от Ларсы. Все согласны, девушки...? Может кто-нибудь против...? – Дождавшись одобрения поддержавших побег полонянок, или молчаливого согласия перепуганных недоброжелательниц, задирстая блудница заключила. – Завтра и подготовимся. А сегодня, наберемся-ка сил. Давайте спать.

Убаюкиваемая тишиной темной ночи, одолевшей волнительные мысли о скором освобождении, постепенно погружаясь в пелену тумана, Нин впервые за много бессонных ночей могла отоспаться, и даже видела какое-то сновидение, будто она снова выступала на площади и люди радовались ее появлению. Выступление было веселым и красочным, а все вокруг были добрыми и счастливыми, и от этого казалось, впереди будет только хорошее. Так снилось ей, пока вдруг в

их круг не ворвался ветер и не устроил среди них беспорядок и переполох, лица людей тут же перекосило и превратило в звериные оскалы. . . . и она проснулась от доносившегося откуда-то крика и шума.

– Что?! Бежать вздумала?! – Слышала она сквозь сон, и узнала голос начальника их надзирателей.

Вскочив в ужасе, девушка продирала глаза, надеясь, что это страшный сон, но происходившее никуда не уходило, голос же главного надзирателя, и крики переполошенных девушек слышались явственно, давая понять, что все, что она видит и слышит, происходит наяву.

– Ну?! Кто еще бежать хочет?! – Схватив за волосы мятежную блудницу, поставленную на колени и удерживаемую двумя амбалами, вопрошал надзиратель, дико вращая белками глаз. – Я покажу вам волю! От Аскара еще никто не убегал!

По кровавым припухlostям на лице блудницы и сжатому кулаку Аскара, было видно, что он успел вволю отыгаться на ней своему гневу. Но смелую женщину это не сломило и не уронило ее духа, и она дерзко и насмешливо смотрела в глаза своему обидчику. Это еще больше злило надсмотрщика, и он начинал отыгрываться за ее дерзость на других девушках, стегая их ремнем и приговаривая: «Я научу вас быть послушными безмозглые твари!» И снова переключался на шамхат, пока не намучившись, не приказал ее крепко связать и отвести под усиленную охрану, туда где содержа-

лись мужчины. При этом успел крикнуть вдогонку, жестко тащившим и избивавшим пленницу подчиненным:

– Шкурку не попортьте! Когда Аш-Шу вернется, он сам решит ее участь. А я попрошу, чтоб в наказание, он отдал ее вам на забаву. Все равно, если верить Гулящей гашан, она блудница, и много навару от порченной он не получит.

Несмотря на успокоение девушек, Нин не могла уснуть, тревожась за судьбу своей заступницы и боясь, что под покровом ночи, кто-то из недоброжелательниц набросится на нее, за то, что она киурийка, и особенно обозленных за дружбу и заступничество за нее мятежной блудницы, из-за которой они все пострадали. Было слышно, как пленницы перешептываются, а зловредная замарашка, хоть и два раза униженная, но судя по всему привыкшая к этому, продолжала подговаривать остальных. Кто-то с раздражением от нее отмахивался, но многие внимательно слушали. Нин готовилась уже поднять шум, если они все же соберутся сделать задуманное, но душераздирающий крик прорезавший темноту ночи, заставил всех встrepенуться.

Ночь в пустыне, пугающая своей холодной и беспросветной темнотой и непонятными и оттого еще более пугающими звуками, и люди невольно начинают прижиматься друг к другу и к единственному источнику тепла и света – разожженному костру, с его успокаивающими и убаюкивающими потрескиваниями. Но даже если рядом нет врагов и хищных

и ядовитых животных, и единственное существо в пустыне, могущее нести тебе смертельную опасность, это твой товарищ, костер не дает забыть о суеверных страхах, пугающих, но таких притягательных. И люди рассказывают друг другу жуткие случаи, произошедшие с ними, или не с ними, или не произошедшие, но до дрожи страшные. Вот и сейчас, после веселых и непристойных шуток под горячительные напитки, пришло время страшных басен от стариков. И вот кто-то начинает вспоминать страшные случаи и поверья, услышанные когда-то в детстве от деда, бабушки или просто от незнакомого прохожего, появившегося на один миг, в одно это мгновение в их жизни, и бесследно исчезнувшего в море многообразия и разноцветья огромного мира. Искатели удачи, открыв рот, внимательно слушали откровения дядюшки Одашо.

– Вы знаете, что стало с отцом покойного Марука? – Подслеповато прищурившись, спросил внимающих старик.

– Это тот, который удавился?

– Не, то был дядя Нарам, а отец Марука был врыт по шею.

– Верно. – Подтвердил старик. – По приказу Аш-Шу, его оставили так на ночь, в наказание за непристойную шутку. Его так подержали целую ночь, а наутро откопали и отпустили с миром. И с тех пор, он стал более сдержан в своих непристойностях. Это было тогда, когда наш вождь был еще молод и только вступал на великую тропу, и как все молодые, любил хорошенько разгуляться.

Так же Аш-Шу, задумал перевоспитать и своего непутевого шурина, сына прежнего владельца, ибо тот славился едким язычком и скверной шуткой. Все знают, как Аш-Шу по-доброму относился к любым выходкам и шуткам непутевого Расада, единокровного брата его жены. Но у всех шуток есть предел. И однажды, и насмешка Расада перешла все границы дозволенного, так как это было в день великой жертвы, и Аш-Шу как вождь не мог не наказать его. Что он и сделал, выбрав эл шутивное наказание, согласно нраву наказуемого. Но судьба бывает настолько жестокой, что порой выбирает людям самые нелепые смерти. И случай с глупым Расадом, лучшее тому доказание. Ибо смешное наказание, привело его к случайной гибели, превратившись в настоящую мучительную казнь.

– И из-за этого, – озираясь с опаской, перешел на шепот старик – злые языки утверждают, что Аш-Шу сделал это как будто бы намеренно, чтобы избавиться от соперника, и нарочно не приказал охранять его там, а вместо этого всех напоил.

– Но только – он снова повысил голос, – все это злые наговоры наших врагов, и не стоит вам их слушать. Все знают, как душевно, по-отечески Аш-Шу относился к Расаду, и с тяжелым сердцем велел наказать его. Но блюдя справедливость, он не мог бы не наказать даже и своего брата, случись его брату совершить такое. Но заботясь о его безопасности, он строго настрого приказал, чтобы рядом с ним все это время был кто-то. И не его вина, что он вынужденный покинуть

становище, чтобы навестить матушку, доверился беспечным товарищам, которые, не удержавшись от хорошей попойки, не только не охраняли его, но и проспали время, когда его нужно было освободить. Когда же проснувшись, протрезвевшие друзья вспомнили про него, и конечно, тут же бросились туда где его оставили. Но, то ли место то занесло ветром, то ли выпито было слишком много, но долго, говорят, они не могли еще найти то место, куда его закопали. И неспроста. Ведь когда, наконец, они его нашли, из земли едва виднелся торчащий огрызок шеи бедняги. Его глупую голову, искали по пустыне весь последующий день, но так и не нашли. Так и отправили его в последний путь без головы. Аш-Шу был так сильно опечален, что не стал наказывать повинившихся товарищей, так тяжело у него было на сердце, и во всем случившемся он винил только себя – ибо сам отдал приказ наказать Расада – и хотел даже снять с себя звание владетеля, но люди отговорили его. А тут еще мать покойного, от горя настолько обезумела, что стала обвинять его и прокляла семью смертельными проклятиями и одной самой страшной – потерять свое имя, похитившись славой ни живого, ни мертвого, не раба но презренного. Ибо, что может быть страшнее для грядущего гремящей славой, чем лишиться имени, быть преданным забвению, исчезнуть, стереться с памяти, развеяться веками, когда не будут помнить и потомки. А что его обвинять? Не он же проспал, и не он виноват, что ее падчерица избрала его своим мужем. Он пожертвовал богам це-

люю десятину овец, чтобы они смилостивились над Расадом, и чтоб он не мучился сильно в том краю и не мстил живым, и нашел покой. А, знаете ли вы, что несчастный, претерпевший великие муки и не полностью захороненный, не находит покоя и на том свете?

– Да. – С затаенным придыханием, прошептали слушатели.

– Даа, – задумчиво произнес старик, после того как зажевал листья травы придающей силы и освежающей дыхание – видно богам той десятины показалось мало, или же страдания души Расада, были столь мучительны, что и увещевания богов, не возымели силы. Но говорят, с тех пор люди часто стали встречать в пустыне его неупокоенную душу. Рассказывают, что встретить его к большому несчастью, ибо с теми, кто видел его, происходили всякие нехорошие вещи, люди вскоре умирали или что-то случалось с их близкими, но чаще люди просто сходили с ума. Еще бы, не каждый выдержит ужас от встречи с уттуку, ведь вид его ужасен и безобразен: на его человеческое тело, какие-то темные силы водрузили голову презренного животного, и он превратился в кроважного ушума. И горе тому, кто встретится с ним лично, тела их находят безголовыми, а их души попадают к нему в вечное рабство. Говорят, это Расад все ищет свою голову, и забирает ту, которая оказывается ему впору, а так как она ему кажется нехорошей, поносив, он ее выбрасывает и снова отправляется на поиски бродить по пустыне. И – он снова

перешел на шепот, – воинов тогда его охранявших, все же настигла мстительная душа Расада, и вскоре все они были найдены обезглавленными.

При этих словах, разбойники, поежившись со страхом, поозирались по сторонам. С улыбкой оглядев их, Одашо сказал:

– Ну, здесь нам бояться нечего, ибо он бродит по той пустыне, где потерял свою глупую голову, а это там.

Все облегченно вздохнув, посмеялись. В это время, донесли, что среди невольниц назревает заговор, и Аскар, оставленный Аш-Шу старшим, приказал всем возвращаться по местам, а сам направился умирять глупых женщин, ругаясь, что этих невольниц ни на миг нельзя оставить без того, чтобы среди них не произошел переполох. За мужчин он был спокоен, так как они были крепко связаны, и освобождались только по большой необходимости. Наведя порядок и оставив надсмотрщиков, он вернулся к своему шатру.

Сидя у костра, Аскар размышлял о страшной судьбе непутевого Расада, и все думал, а смог бы он поступить так же с братом своей старшей жены, пусть и сводным. Тут его размышления прервал душераздирающий крик. Это шум шел откуда-то оттуда, с того конца становища. И среди этих криков, явственно слышалось: «Уттуку!!!» Крики прекратились, так же быстро, как и начались, и вскоре были слышны только заклинания и молитвы пленников. Не на шутку перепуганные разбойники, стояли как вкопанные, боясь пошеве-

литься. А потом началось страшное. Из ниоткуда, появилось какое-то ужасное, поросшее звериной шерстью человекоподобное существо, со страшным кривым оружием в руках, казалось отлитым в самой гуще преисподней. И исторгнув из нутра нечеловеческий визг, отсвечиваясь бликами костров, являя все безобразие преисподней, оно взмахнув своим бесовским оружием, забрало с собой голову надсмотрщика, по несчастью стоявшего у самого края, унося вместе с ней пропащую душу.

– Это Расад, Расад! Спаси нас боги! – В ужасе закричал старый дядюшка Одашо, но и остальные уже поняли, что это обиженный дух шурина их предводителя пришел за новыми душами, и дрожащие столпились вокруг Аскара, который покрикивая на них за то, что они верят во всякие сказки, все еще пытался сохранять самообладание.

А ужас продолжался. Тут и там, возникала тень существа, взмахивавшего своей беспощадной косицей, снося голову очередному воину и исчезая во тьме ночи, с бесовским хохотом унося душу несчастной жертвы. У Аскара, попытавшегося призвать к порядку, опустились руки, он, умевший подчинить себе воинов в неравных битвах, знавший как заставить драться трусов в смертельной схватке, ничего не мог сделать с суеверным страхом. Воины перепуганные до смерти, в своих беспомощных попытках убить или прогнать потустороннее существо, походили на рыб, барахтающихся в рыбацком садке. Кто-то от страха неуклюже тыкал, в то ме-

сто, где только что стоял нечистый дух, размахивая, стараясь не допустить утку до себя, а кто-то бесцельно пускал стрелы в пустоту мгlistой ночи. Вскоре из десятка его людей, охранявших становище, остались только они с дядюшкой Одашо, который ползал, зарываясь в песок, все причитая и призывая всех богов и духов сразу, о спасении себя и своей души, и дрожащим голосом молил дух о прощении за то, что посмел называть его непутевым и глупым. Дух же приближался к нему. О боже!!! Он был о двух головах: с головой со звериным оскалом и изорванной человеческой...!!! Больше, один из самых лихих воинов и безжалостных убийц Аш-Шу, не мог думать ничего, но замерев от ужаса, упал и не мог подняться. А Одашо все ползал и просил о прощении, повторяя, как он при жизни любил и уважал Расада и что всегда считал его законным их вождем. Не имея мочи шевельнуться и сходяв под себя, Аскар еще видел, как утку даже не взглянув на старика, прошел прямо к замеревшим от страха пленникам... Но это было последнее, что он осмыслил в жизни; пришел в себя он другим человеком.

3. Пробуждение.

Аш-Шу чуть не плакал: куча трупов, глупый старик и говорез, впавший в младенчество, вот все, что он нашел по прибытии в свое становище. И это после неудачного набега, и этого случая со старухой.

«Аскаар!!!» – Кричал он в отчаянии про себя, но оста-

ваясь спокойным на виду. – «Я вырву твой блудливый уд, и скормлю им твоих дочек! Аскаар, я заставлю тебя смотреть, как ими развлекаются твои рабы! Аскаар, верни то, что украл!»...

– Господин. – С беспокойством обратился, подошедший к нему подручный.

– Говори. – Разрешил Аш-Шу.

– У трупов нет голов. А это подтверждает... – Тут, разбойник, осекшись на играющие желваки и раздувшиеся ноздри вожака, замялся.

– Договаривай.

– Я хотел просто сказать..., что... что.... Что старик, эээ, что старику наверно из-за этого всюду мерещится уттуку. – Предвидя неблагоприятный для себя исход, попытался выкрутиться неосторожный подручный.

– Безмозглый старикашка! – Выругался Аш-Шу к облегчению подручного, понявшего, что уловка прошла.

– А что Аскар, еще не заговорил? Не пришел в себя?

– Боюсь, и не придет.

– Да вы, хоть пытали его?! Допрашивали?!

– И допрашивали и пытали. Да что толку?!

– Что значит – что толку?!

– Он ничего не помнит и никого не узнает.

– Что-нибудь еще?

– Стыдно сказать.

– Говори.

– Похоже на то, будто он титьку просит.

– Что ты мелешь?! Какую титьку????!!

– Он похоже, окончательно спятил. Ребята не знают, что с ним делать, он все плачет и ходит под себя.

Пустынник сплюнул с отвращением. И это его лучший боец, которого он другим ставил в пример, чьим именем пугали детей чужаки, и называли своих сородичи. Жаль, что он не может такого казнить, его люди полны предрассудков. Это обычно полезно для управления, но как же это порой мешает.

– Когда соберешься, заведи его с собой, пусть его жены и дочери сами о нем пекутся.

– Что, стоишь?! – Видя, что подручный, что-то ждет, спросил Аш-Шу.

– Они попросят его долю.

– Доолюю?! – Снова раздул ноздри пустынник. – Пусть скажут спасибо, что я не сдеру с них их никчемные шкуры!

– Вот его доля! – Показал он на трупы надзирателей. – И там, где сейчас гуляет наша добыча с нашим скарбом. Так, что уд им свинячий, а не долю. Мы еще восполним потери, за счет его прежней.

В связи со сложившимся положением, Аш-Шу решил отправить десяток воинов под предводительством личного подручного, которому доверял, с оставшимся обозом на север за пределы земель Ки-ури, где оставались их становища, а сам с основными силами собрался отправиться по следам

беглецов со скарбом. Дав последние наставления отъезжающим, он вдруг, что-то вспомнил и остановил подручного, когда тот повернулся, чтобы уходить:

– Пстой! Забери с собой глупого старика, от него толку все равно никакого, а вред будет. Хватит ему кормиться за счет чужой добычи, пусть попробует жить как люди – пася скот, охотясь и удя рыбу. А если не умеет, пусть найдет себе занятие по плечу. Он любит рассказывать сказки, вот пусть этим и кормится. Пока же будете ехать, пусть подтирает за этим своим собратом по уму. Не хватало еще, из-за них тратиться.

Когда подручный ушел, Аш-Шу подумал о том, с каким трудом им придется добираться. Плохие вести быстро разносятся, особенно такие позорные. К тому времени пока обоз дойдет до границы, если беглецов вовремя не словить, молва об этом разгроме уже может дойти до кишских ушей. Это раньше, когда ему сопутствовала удача, когда казалось, сами боги покровительствовали ему и никто не мог нанести ему поражения, они могли беспрепятственно проходить через границы городов и стран, и никто не осмеливался трогать их обозы, если только рядом не было державных дружин, которые, впрочем, не горели желанием встретиться. И вот теперь, такое сокрушительное поражение, пусть не его личное, но такое позорное. И от кого? От какого-то сказочного «духа». Не к добру, ох, не к добру, встретились ему на пути эти скоморохи. Не зря, ох, не зря, попался в его руки этот тез-

ка, самого презренного звания. После этого, начались все его неудачи: сначала старуха, теперь вот разгром с побегом пленников и рабов. Неужели, проклятие обезумившей княгини, начинает сбываться? А ведь, он подумывал уже начать собирать настоящее войско, чтобы освободить земли от черноголовых, для создания великого государства пустынных, с его суровыми, но справедливыми законами. Где не будет места изнеженным любителям праздности, а женщина будет знать свое, будет чтить стыд и не оголит перед посторонними не только тела, но и головы, где все будут верить в его богов и ежедневно исполнять все установленные им обряды.

– Господин! – Снова прервали его размышления. Ну, конечно, этот жалкий собиратель сплетен, которого он терпел, только из-за родственных связей. – Господин! Прошу, смиловшись над своим старым, глупым, никчемным дядюшкой, не прогоняй меня. Я пропаду один. Я знаю, я много раз подводил тебя, но ведь я ни разу не сказал о тебе плохо, я не предавал...

– Магару!!! Почему, этот старик еще здесь?!!!

– Заклинаю памятью твоей матери, моей бедной сестры...! – Попытался было, засовестивить его старик, но племянник был непреклонен.

– Заберите его! – Велел он воинам, подошедшим с подручным.

Затем отдельно, для подручного дал указание, чтоб старику все же давали немного на пропитание, чтоб он не издох

с голоду.

Когда рыдающего старика посадили в повозку, обоз с оставшимся скарбом и двумя плачущими, в сопровождении нескольких пустынных воинов тронулся в путь. Не глядя ему вслед, Аш-Шу приказал оставшимся с ним головорезам, собираться в погоню за пленниками.

Он был страшен, он был красив, отсвечиваясь в свете костров. Он был и страшен и красив в свете костров: необычным видом; алчущей ухмылкой уродливого зверя; забрызганностью кровью несчастных жертв; жуткой суковатой секирой, со стекающим месивом крови и жира на жаждущий песок; и, стройным станом – тонким в поясе, широким в плечах; разодранным, но прекрасным ликом. Таким представился, скучковавшимся от страха пленникам пустынный дух мщения. Он, что-то говорил им, но они были слишком напуганы, чтобы слушать, чтобы понять что-то. Он повысил голос, но они лишь сильнее жались друг к другу, забыв про все свои вражды и обиды, желая лишь, чтобы он исчез поскорее и не трогал их. Кажется, поняв это, удугу отошел от них. Посидев в обнимку зажмурившись, пленницы понемногу начали отходить от страха, открывать глаза и озираться по сторонам.

– Он ушел. – С облегчением выдохнула, молодая односельчанка блудницы.

И остальные девушки сразу оживились, обсуждая, что

могло произойти.

– Это призрачный странник, ищет себе пристанище.

– Да не, это сам Нинурта, спустился, чтобы вершить справедливость.

– Да, что ты знаешь?! Нинурта приходит с тучами. Где ты хоть одну видела? Всем известно, что ночью бродят одни злые удугу – слуги костлявого! Светает, вот он и растаял от прикосновений живоносного Уту.

И только Нин молчала, бледнея от страшных подозрений. Она, конечно же, узнала в этом удугу его. Она бы узнала его, среди сотен других таких же, неприкаянных душ. И она, конечно, слышала его речи, как он говорил – что они свободны теперь, и, что могут пойти с ним, как он обращался к ней по имени, но не сдвинулась с места. Слуги матери тьмы, бывают – злы и коварны. Их речи сладки, как целительный мед и изливаются плавно как журчащий ручей, но слова их лживы и лукавы. Неужели, злой гидим принял его обличье, или это... (О, святые боги – только не это!), сам Аш перешел на их сторону? Но она не слышала еще, чтобы живые переходили в стан мертвых, для этого нужно... О, нет! Неужели он...?! Только так, можно объяснить, что одно из голов удугу, его человеческое лицо, было один в один как у Аша. Нин слышала, как девушки перешептывались, о том, что какой-то молодой пленник покончил с собой: но мало ли еще юношей могли пленить лиходеи? Она посчитала, что это кто-то из них, даже не думая про Аша. Ей казалось, она хорошо

его узнала, что он никогда не поступит так с ними и не бросит друзей одних с этими страшными людьми, а теперь выходит, она ошибалась....

– Что доченька? Неужели пройдя с нами столько дорог, ты все еще веришь в бабушкины сказки? – Узнала она голос.

– Пузур! – Воскликнула измученная девочка, и кинулась в объятия приемного родителя.

Тут же рядом улыбающиеся – Гир, Хувава, и скромно стоящий, тот, которого она по своей глупости успела похоронить. Стоял и так же скромно улыбался, не смея подойти, все еще с исцарапанным лицом, но уже без этой ужасной второй головы, и совершенно чист, и не забрызган кровью.

– Аааш! – Она сама подошла к нему.

Он видел свои пальцы, покрытые приставшими к ним песчаными корочками, не понимая, как очутился вновь один посреди пустыни. Едва отдышавшись, вырывая из нутра накопившуюся желчь и тяжело впустив в легкие потоки воздуха, он всем телом начинал ощущать неприятную боль, и настороженно вслушиваясь к сопеющим, вгрызающимся щелканьям, осознавал, что теперь он снова на земле, где всюду подстерегают опасности. Но после ужаса векового одиночества, они уже так не пугали. «Неужели это был сон?» – Подумалось ему, все еще боясь верить, что жив, а весь пережитый ужас ему только привиделся. Расшевелив пальцы, он постепенно начинал шевелить и конечностями. «А если сон – это

теперь, и я сейчас проснусь?!». – Судорогой мелькнуло в затуманенной голове. Напрягшись, эштарот кусал в кровь губы, чтобы осознать жизнь, чтобы чувствовать ее боль, знать, что живет еще, боясь даже подумать, что это сон, а он все в той же беспросветной тишине. Аш непроизвольно дернул ногой и услышал настороженное повизгивание. Вытирая с заспанных глаз заволочь мути, и пяткой чувствуя острое покалывание, он стал прислушиваться к странным звукам снаружи. Онемевшее тело между тем стало оживать, и от этого становилось еще чувствительней к затечному покалыванию.

Отвернув полог пропахшей ослиной мочой полуистлевшей skóry, в которую был завернут, он увидел желтый оскал и отблеск злобно прищуренных черных бусин застигнутого врасплох существа, перепуганных и оттого еще более злобных. Все еще надеясь, полакомится обессиленной человеческой плотью, выставив вперед вонючую пасть мощной челюсти, угрожающе ухаясь и хохоча, хозяйка пустынь, испытывала человека на прочность, скалясь уродливой образиной. Эштарот едва успел убрать голову, как в том месте, где только что было его лицо, щелкнув воздух, оказалась хохлатая морда гиены. Уворачиваясь от новых попыток животного отведать его мяса, юноша в свою очередь, отбиваясь из-под шкуры окрепшими руками, пытался ухватить ее за загривок или шею. Ожесточенная схватка, человека и животного, решала, кто из них окажется достойнее жить. Стесненному покрывающей его шкурой, было тяжело задействовать все

свои силы для защиты, и гиена всю пользуясь этим и не боясь быть одоленной, продолжала нападать, царапая когтями и зубами лицо и руки. Ища последние силы, юноша не собирался так просто становиться обедом презренного животного, горя от ярости и досады, готовый уже сам вцепиться в вонючую морду зубами. Наконец, ему удалось разогнуть под шкурой, прижатые к животу ноги и, отталкиваясь ими от горячего песка, он начал подминать под себя подвизгивающее от страха животное. Гиена продолжала умоляюще взвизгивать, но он не слушая мольбы давил на ее голову, грудь, шею со всей силы, пока не почувствовал под собой обмякшего тела, затихшей хозяйки пустынь.

Только отойдя от битвы, он осознал, что очень хочется пить. Оглядев окрестности и поняв, что поблизости нет ни озера, ни даже лужи, да и никакой воды вообще, ему пришлось отбросить брезгливость. Сделав надрез отесанным куском камня, вложенным ему гадалкой, он вцепился в яремную жилу и с жадностью поглощал булькающую, все еще кипящую живительную влагу, утоляя жажду и голод, набираясь сил, не обращая внимания на подступившее к горлу отвращение и пристававшую к липким слюням, лезущую вместе с кровью шерсть. После чего снова ненадолго погрузился в сон, но в сон уже не убивающий глубокий, а обычный сон усталого человека, чуткий но спокойный. Однако и природа брало свое, и тошнота переборенная с таким трудом, пробудила его, вырываясь обильной рвотой.

Чувствуя себя отвратительно, но тем не менее набравшись сил, Аш начал продумывать свое дальнейшее действие. Надо выследить и догнать разбойников с полоном. Следуя проезженной и протоптанной дорогой, он попытается найти их, но догнать – эта задача будет посложнее. Прежде всего надо найти, чем укрыться от холода ночи и жара дня. Где взять оружие вопросов не возникало, с ним был его посох; старуха позаботилась, чтобы при нем был посох для путешествия в иной мир, а пустыnnики не стали мешать ей, проводить обряд по обычаям.

Это было тогда, когда бедные старики, несчастные иги-ну-ду, вышли их провожать. Тогда и старик – друг Пузура, и его жена, удивили их какой-то одухотворенной переменой в лицах, будто за ночь успели познать нечаянную радость. Особенно сильно напугала, вперившись в него, эта полоумная женщина, глядящая на него с каким-то диким обожанием, взглядом полным надежд. Заглядывая в его глаза, она будто старалась заглянуть куда-то за них, вглубь него, тянясь к нему костлявыми руками, чтобы обнять. Смущенный неожиданным ласкам безумной, он однако не отстранялся от нее, не желая оскорбить гостеприимных стариков, а в особенности Пузура, грубой неблагодарностью. К его радости, ее супруг спас его от ее пылких объятий и лобызаний, что-то прошептав ей на ухо, сам же опустив ему на плечо руку, кивнул по-отечески с пониманием. И вот, когда возок их

должен был только тронуться, старуха приволокла, выкопав откуда-то из-под ворохов своего хлама, то ли посох, то ли костыль и стала совать ему в руки. Ничего не понимая, он не хотел принимать странный дар, вспомнив о только брошенном костыле, но Пузур успокоил его, посоветовав подчиниться жене не поднимающего глаз, чтобы успокоить ее сердце. Держа в руках посох со странно искривленным верхом, он заметил, что для простой деревяшки он довольно тяжел, что свойственно скорее для дубинки, а не для трости. Поняв его удивление, иги-ну-ду взяв посох, потянул за кривой конец, и Аш увидел, что это не простая трость путника, но зачехленный в древесный кожух, меч воина с кривым серпастым клинком. Очарованный холодным блеском меди, Аш хотел было снова вернуть неожиданный подарок, не решаясь принять столь дорогую вещь, но Пузур твердой рукой удержал его, прошептав, чтобы он без лишних колебаний принял сердечный дар и поблагодарил его друзей, пообещав после все объяснить. Так они и оставили старых обездоленных людей, стоящими босыми ногами на пыльной дороге, и провожающими печальными но счастливыми глазами, укатывающуюся повозку с лицедеями и шутами.

Пока их возок покачиваясь, отдалялся, главный скоморох, как и обещал, поведал причину странного поведения стариков:

– Аш, не сердись, я рассказал Нараму то, что слышал от азу абгала про твое обретение, и про то, что он верит, что

душа их сына Далла-Дина, отличившегося в войне с самым свирепым из племен Суб-Йари и погубленного по наговору, поселилась в тебе.

Увидев, какое сильное впечатление произвели на эштарота последние слова, Пузур попытался оправдаться:

– Ну, прости. Прости, но я не мог смотреть как мой старый товарищ и его любимая жена, перенесшие разор и унижение на старости лет, после стольких лет зажиточности, продолжают испытывать еще и муки сердечные.

Но Аш был рассержен не на него, как показалось Пузуру, его потрясла не болтливость лицедея, а все услышанное от него, что он впервые слышал. Абгал никогда не напоминал ему о старом времени. Аш думал, что учитель боялся лишней раз ранить его, то ли, желал, чтоб он все более становился похожим на черноголовых и свыкся с мыслью, что отныне он больше не варвар, а его сын и наследник. Но теперь, все казалось страшнее. Он не мог представить и в мыслях, что все его прежние воспоминания, больше не его, что он, больше не он. Что старик его спаситель не потому, что он последний из своего народа, но оттого, что он первый его истребитель, что он больше... не сын своей матери, но кто-то из ее убийц. Теперь в его душе не было уже той беззаветной любви к абгалу, когда он узнал ту, другую сторону своего учителя и понял, что он далеко не так чист, как ему казалось до сих пор. Лишь жалость к старости и нищете, удержали его тогда, от того, чтобы вернуться и кинуть им в лицо их злосчастный

подарок.

Меж тем, Пузур продолжал:

– Они и смотрели на тебя с такой любовью, ибо видели в тебе своего погибшего сына. Абгал когда-то сам разыскал их и рассказал про подвиги их сына: о том, как тот храбро сражался, и как был замечен самим лушаром; про его чудесный, стремительный взлет, и про столь же внезапное и страшное падение. И он принес им этот меч, принадлежавший их сыну, и спасенный им для них. И они как видишь, сохранили его, исхитрившись спрятать его в этот неприметный посох.

Продрогшись, Аш вспомнил про одежду, подумав, что он прежде умрет от холода, нежели от оружия врага или голода, если не примет меры. Он хотел облачиться в кожу, в которое был завернут, но подергав невыделанную ослиную шкуру, понял бессмысленность попыток, она была тверда как черепица. Зато в ней обнаружился пузырь с водой и затвердевший кусочек лепешки. Старая Ама и тут позаботилась о нем, а он как безумец,пил кровь грязного животного. С жадностью набросившись на воду, он заглатывал большими глотками, однако вовремя одумавшись, остановился, чтобы не тратить драгоценные запасы. Снова подобрав заостренный голыш, он наклонившись к поверженному врагу, обрывая, особо не беспокоясь за целостность, стягивал полосатую шкуру вместе с хохлатой мордой.

Набросив на спину свежесодранный плащ, он двинулся

по следу скорым шагом, питаюсь по пути плодами и травами, и попадающими под руку мышами и ящерицами, утоляя жажду из пузыря, а когда он опустел, во встречающихся лужах и ручейках, отдыхая, скатавшись червячком под тесной шкуркой гиены. После трехдневного бега, ему удалось нагнать обоз, плетшийся с малой охраной. Он вспомнил, что воины, частенько разбредаются на поиски наживы – значит, лучшего времени не подобрать – и когда обоз раскинулся станом, разведал обстановку, изучив расположение пленников и надсмотрщиков. Дождавшись темноты, он подобрался к обозу. Теперь оставалось использовать все свои навыки: ловкость и резкость движений – умения приобретенные в стенах храма; науку – знания которыми с ним делился абгал; воинское искусство и хитрости скоморохов, полученные у наставника и успевшие почерпнуться у новых друзей. И все это, пригодится ему сейчас: молниеносность – чтобы ошеломить вооруженную охрану неожиданным появлением и столь же внезапным исчезновением; мудрость и лицедейство – чтобы устрашением подавить и усмирить их волю; владение оружием – чтобы, подбравшись к перепуганному врагу, самому не сплеховать и уничтожить его. И он взялся.

Выскочив из песка, он подскочил к скучающему надсмотрщику, и взмахом врубился в открытую шею, испробовав остроту дара изгоев-стариков. Однако по его неопытности, удар получился не очень сильным, и клинок застряв, не

прошел дальше, вклинившись в шейные позвонки. Обеспокоившись, что не сможет вытащить и дальше использовать свое оружие, он дернул меч со всей силы, снося несносную голову, заодно напугав до полусмерти второго надсмотрщика, недоуменно наблюдавшего как дергался насаженный как на вертел товарищ. И от страха закричавшего, но все же успевшего схватиться за лук. Ожидая подобное, Аш со звериным визгом внезапно пропал во тьме, окунувшись в пески, чтобы так же внезапно появляться и исчезать с диким хохотом, в других местах, оставляя трупы и сея животный страх.

4. Спасение. Погоня.

Пузур не сразу узнал в страшном убийце Аша, которого они с Ама и Гиrom скромно похоронили, по обычаям известным лишь старой травнице, а узнав, пришел в ужас, думая, что это его дух разгневан тем, как его отправили в мир иной. Дух же подойдя, разрезал веревки, связывающие его по рукам и ногам, и произнес с укором:

– Пузур, ужели пройдя столько дорог и дивя людей чудесами, ты сам веришь в стариковские суеверия?

Пристыженный, и оттого немного успокоенный, но все еще сильно потрясенный внезапным появлением покойника принесшего им избавление, Пузур бормотал, все еще не веря в чудесное воскрешение:

– Как? Я сам скутывал и засыпал мертвое тело. Разве возможно такое?

– Если бы не старания старой Ама, да благословят боги ее

благоденствие. Но отчего, не лицезрю ее среди вас?

– Ама хорошая знахарка, но и ей не по силам поднять мертвого. – Говорил, не ответив Пузур.

– Кто вам сказал, что я умер?! – Раздражаясь на непробируемость скомороха, воскликнул эштарот.

Это подействовало. Заметив, что его товарищ начал приходить в себя, Аш постарался объяснить:

– Пузур, не у абгала ли ты почерпнул тайнства ишкити? Тогда ты должен знать, что ему знакомо шесть шестых способов усыпления из шестидесяти. Это был всего лишь сон, крепкий сон. Ты только коснись меня и поймешь, что я все тот же, неизменен ни душой, ни телом.

– Не прикасайся к нему, ему только этого и надо. Как только ты его послушаешь, ты погубишь себя и свою душу. – Попытался было образумить его один из пленников, но Пузур убежденный гуллой, уже попал в его объятия.

Тут недалеко были и Гир с Хувавой, и тут же стало известно от очевидцев, что Ама увели вместе с собой пустынные.

Пузур был в отчаянии, его сокровище, его цветочек, его любимая Эги, была куда-то продана этим проклятым пастухом за пригоршню ги, как какая-то грязная скотина. Попадись ему только его самодовольная рожа, он бы зубами вцепился в нее и грыз бы ее, пока не выгрыз из него всю спесь. «О Эги, где ты теперь?!» – Причитал он, оплакивая свою любимую женушку. Бесконечные попытки друзей, успоко-

ить его, ни к чему не приводили, он будто не слышал их, погруженный в свое горе. Наконец, им будто овладела какая-то догадка, он перестал причитать и плакать. Успокоенные друзья, как оказалось рано расслабились. Пузур схватив с костра головешку и вытащив клюкастую палицу, из собранного в кучу оружия поверженных разбойников, решительно двинулся к оставшимся в живых, но был перехвачен сильными руками Гира.

– Пусти! Пусти! – Заорал несчастный муж. – Я хочу знать, где моя жена!

– Что ты хочешь добиться, от глупого старика и неразумного тела? Так, ты их только запытаешь до смерти, а другой правды от них все равно не добьешься. Они или обманут, или умрут не промолвив слова. Или ты как и Аш, хочешь вместе с головами мертвецов, снести и потерявшую рассудок? – Это был укор в сторону Аша, на его следование обычаям варварских предков, к которому к тому же испытывал ревностную зависть.

– Я только узнаю! – Взмолился Пузур. И тут же получил ответ, что им уже известно где она, так как пленницы были свидетелями ее продажи какому-то плесневелому старцу с паршивой бородой.

– Мы отправимся за ней, как только наберемся достаточной силы. Эта достойная женщина знает – со стороны освобожденных пленниц послышался смешок, – где живет тот старый развратник, которому ее передавали из рук в руки, и

готова показать дорогу. А сейчас нам нужно уходить отсюда, головорезы не станут ждать пока мы соберемся и скоро сами нагрянут сюда.

– Все верно, ты правильно сказал, времени у нас нет.

– Сейчас не старое время, когда любой земледелец мог ополчиться на врага, никто из этих гурушей, не держал в руках оружия. К тому же с нами женщины, мы не можем подвергать их опасности.

– Конечно, уходите. Я и не хотел, чтобы вы шли со мной.

– Гир прав, это опасно, – его слова заставили заволноваться Нин, – ты не справишься один.

– Не бойся, боги смилостивятся, со мной ничего не случится.

– Да как же, не случится?! Ты же, не бывал в пустыне, и не знаешь, как выжить в ней, ты там погибнешь один!

– Ничего доченька, на все воля богов. Но без Эги, я действительно погиб.

– А как же я? Кто-нибудь отговорите его! – Отчаянно просила Нин. – Ну, что вы стоите?!

– Тебя поймают. – Еще раз попробовал отговорить его Гир, внемля просьбе юной бродяжки.

– Пусть вначале найдут.

– Ну, посмотри на себя. Какой из тебя воин? Ты и ее не спасешь и себя погубишь.

– Ничего-ничего, уходите. – Суетливо собирая пухлыми руками вещи в дорогу, приговаривал Пузур. – Я не могу

оставить ее, на месть этому чудовищу. Ведь первое, что он захочет сделать, это сорвать злость на ком-то. А кто ему будет для этого лучше, как не моя бедная Эги?

– Досточтимый Пузур, ты забываешь, что в руках этого шакала, наша старая матушка, уж кому в первую очередь и грозит его мелкая мстительность, так это ей. – Взял слово Аш. – Поэтому я предлагаю, искать помощи у лагашцев. Их земли недалеко, и мы успеем опередить его, прежде чем он что-то успеет сделать.

– Аш, ты мечтатель, если думаешь, что они сразу бросятся на помощь по первому зову неизвестного бродяги. Нам придется долго их уговаривать и убеждать, что мы не вражеские лазутчики.

– Вот поэтому, я должен спасти ее немедленно. – Подхватил Пузур.

Видя бессмысленность уговоров, сделать, так как ему казалось правильным, Аш согласился:

– Ты как хочешь, но я пойду с тобой. Я поклялся не успокоиться, пока не увижу свободными всех нас. Ну, а Гир с Нин пусть отправляются за помощью.

– О, Аш. Твое сердце преисполнено чести и отваги, а ум крепостью. Я вижу, абгал глядел далеко вперед, приютив тебя.

– Уж не думаете ли вы, что я трушу?! – Обиделся Гир. – Раз так, тогда уж и я с вами!

– Спасибо Гир, спасибо. Ты всегда был верным другом. –

Прослезился Пузур.

– Вы, что же, снова хотите оставить меня одну?! – Беспкойно оглядела их бродяжка.

– Почему одну? Я думаю, эти люди, не откажутся приютить тебя на время. – Гир скорее не просил, а приказывал им.

И те с готовностью слушали, сразу признав старшинство за этим грозным мужем, бывшим когда-то воителем, пренебрегая своим спасителем, за чужеродность и малолетство, отказывая ему в мудрости. К тому же, смотрели на нежить с недоверием и опаской, несмотря на то, что видели, как по-свойски общаются с ним бродячие шуты, чему впрочем, не удивлялись, ибо как и все в народе верили, что скоморохи якшаются с нечистой силой.

– Мы даже еще не все собрались, а вы снова хотите разбежаться? Знайте же: я не за что не отцеплюсь от вас, хоть вы меня бейте! – Возмущалась девушка.

Попытки уговорить ее, не возымели действия, и потому было решено, отправляясь за женой Пузура, нагрузив повозку всем необходимым взять ее с собой.

Перед отъездом Гир собрал всех освобожденных, и сказал им вдохновенно, о том, что они теперь все свободны и вольны идти по домам или куда пожелают.

– Идите смело, разбойники вас не догонят, поселения близко! – Успокоил он их, после того как, кто-то выразил опасения, что пустынный и его головорезы скоро вернуться.

Затем обращаясь к доброй блуднице, спросил ее, не могла бы она подробней описать путь, которым следует держаться, чтобы найти похотливого старика.

– Зачем я буду мучиться, пытаюсь выдать что-то умное? Я все равно не разбираю ваши понятия направлений и расположений. Мне легче пальцем показать. Не думали же вы, что от блудницы так легко избавиться? – Блудница испытывающе уставилась на Гира, уперев руку на бедро выставленной ноги.

Смутившись, Гир поблагодарив ее за то, что она берется им помочь, но беспокоился о том, что она не сможет вернуться домой вместе со всеми. На что, дочь Шамхат лишь рассмеялась.

– Никто не захочет вернуться туда, где ему не рады. А меня там ждут, разве что собаки, да неверные мужья. С чего мне торопиться туда? Не бойтесь, мне ничего не надо от вас. Может быть, я всю жизнь мечтала, вот так, прокатиться с ветерком, правя двойкой скакунов, кого-то спасая. Ваши ослы конечно, не йаримийские скакуны, а возок ваш далеко не колесница, но для начала, думаю сойдет. Ты ведь уступишь мне свое место на облучке, удалец? – Потешалась она над ним. – Или на коленки устроишь?

– Возьмем ее. С ней мы быстрее найдем дорогу. – Поспешил опередить Гира Пузур, когда тот краснея, снова думал отказать, и тут же поблагодарил блудницу. – То, что ты берешься безвозмездно помочь нам, хотя никого из нас не зна-

ешь и не знаешь моей доброй Эги, показывает твоё большое сердце. Благодарю тебя, досточтимая мммм....

– Йар-Мул. – Веселясь, представилась новая подруга Нин.

–...Йаар-Мул? Ооо, я вижу, имя соответствует светлому образу её хозяйки, и оно столь же прекрасно, как и её душа. Ты и впрямь как звезда, сияющая среди мрака безысходности. – Залюбовался неукротимой красотой блудницы, на время осиротевший муж.

С криками и руганью собравшись, бывшие пленники и рабы, найдя наконец, не без участия Гиры, взаимопонимание между собой, с шумом выдвинулись в путь. Дождавшись, пока последняя повозка, запряженная волами, покинула становище, и последний пленник переступил его черту, Пузур направил вожжи на восток.

Пузур гнал ослов, гнал как никогда, стегая плетью, сплетенной из сыромятных ремней. Он стегал их наверно впервые за всю их недолгую жизнь, но стегал так безжалостно, не терпя прекословия, будто всю жизнь измывался над ними. Не от боли, а скорее от страха перед вдруг изменившимся хозяином, ослы мчались, не чуя под собой ног. А их хозяин, движимый одним страхом, гнал и гнал их, надеясь оторваться от преследователей, догонявших его маленький возок с седоками, от пустынников, что наступали на самые пятки. Гир как мог, помогал Пузуру управляться с повозкой, чтобы не дать им снова попасться в разбойничьи лапы.

– Пузур, они догоняют!!! – Кричал он, что есть мочи.

– Что я могу сделать, я уже вытянул из них последнее! –

В отчаянии отвечал Пузур.

Видя неизбежность новой встречи с ненавистным тезкой, Аш крепче сжал клинок, не собираясь сдаваться или умирать без боя, не унеся с собой двойку, тройку жизней. Нин заметила, что и ее заступница, проявив пример мужества, также потирала рукоять тяжелого ножа медного сплава, а в ее суровом лице не было и капли той ужимки порочности, и она узнавала в ней прежнюю, свою настоящую спасительницу.

Возок прыгал по ухабам, ломаясь и разваливаясь от жестокой тряски по тверди, в песках колеса вязли, и тогда ездоки дружно соскакивали с него, чтобы помочь ослам тянуть непосильную ношу. К счастью для них, преследователи, точно так же мешкали и не успевали нагнать беглецов. Освобожденная Эги, едва успевала вскрикивать от боли и страха, как ее снова, как и других, подбрасывало к самому верху и больно ударяло головой.

Попав к старику, Эги думала вести себя с хозяевами как прежде с Пузуром, но как говорят: не каждый осел взнуздаем. За каждую выходку – здесь нещадно били, за любое недовольство – нещадно били, за неповиновение – нещадно били, за нерасторопность – безжалостно избивали. И постепенно, вздорная гордычка, превращалась в забитое существо. И кто знает, что было бы с ней, не подоспей ее друзья вовремя.

Старик заставлял ее много работать, но пока еще не трогал ее сокровенного, однако время шло, и даже у старика иногда взропчет плотское желание, и Эги со страхом ждала, когда он явится к ней и прикоснется к нему своим грязным корневищем, давно уже провонявшим затхлостью рыбы. Она бы сбежала, но безжалостная пустыня кругом не оставляла даже надежды, на удачный исход побега. Кроме того, за ней внимательно следили многочисленные слуги старика, так, что даже если бы она захотела сбежать, ей это вряд ли бы удалось. И вот, в пору ее размышления о своей несчастной судьбе, послышался шум и вскоре в проеме полога, появилось беспокойное лицо ее мужа, ставшее для нее еще более родным. Как же она была рада тогда. И вот теперь она снова мысленно ругала своего недотепу-мужа, как и всех спасителей, а особенно этого мальчишку, приносящего одни несчастья; посмевших, не имея достаточных сил, пойти против лихих людей, лишний раз злобя их, и теперь не умевших от них оторваться. Она сейчас думала о том, что не так уж это и страшно, отдаться старику и выполнять все его прихоти, но зато быть всегда сытой и иметь кров, и главное, она была бы жива. Теперь же, самое лучшее на что она может рассчитывать, это жизнь в вечных колодках или быстрая смерть, но скорее самое страшное: ее ожидает мучительная казнь, ее могут четвертовать или даже содрать с нее кожу. От этой мысли, она готова была на все. «А если бухнуться перед предводителем лиходеев на колени и обещать быть самой послушной,

и обещать даже вернуться к этому мерзкому старику, и беспрекословно выполнять все его пожелания и даже... бррр... то, что он захочет?». – Мелькало у нее в голове.

Только стенки возка спасали от смертоносных стрел, застревавших в этом плетне из тростника и ивовых прутьев. Однако много страшнее, когда по мере приближения погони, стрельба резко обрывается, хотя оперенный в тулах у гонящих еще в достатке; что означает, что не вымолить и легкой смерти. С беспокойством оглядываясь, Пузур начинал отчаиваться. Ему с таким трудом удалось найти, а потом вызволить свою любимую птичку, и тут снова он может потерять ее, теперь уже навсегда. На милость этих живодепов рассчитывать не приходилось. Ворвавшись в обдуваемое всеми ветрами становье старика, он, воодушевленный легкой победой над его трусливыми защитниками, думал, что навсегда освободил ее от страданий. И даже на радостях сохранил жизнь старику и его домочадцам, лишь слегка отлупив их на правах оскорбленного мужа, хотя и дав отыграться в полной мере своей мстительной гашан, оставившей позорные следы на старческом теле бывшего хозяина до конца его непродолжительной жизни.

– Гир, делайте, что-нибудь! – Взмолился он к смирившемуся помощнику.

Сидящие внутри, пытаясь отбрасываться из пращей, уже сами понимали, что им может помочь только чудо, и никто из них не чаял на снисходительность убийц

– Хватит уже! Зачем все это?! Зачем мучиться зря?! Лучше убейте сразу! – Причитала Эги.

Беглецы уже слышали учащенное дыхание преследователей, уже чувствовали на себе горячие испарины крепконогой войсковых ослов, уже чуяли зловонный запах из их ртов, и вот уже был виден торжествующий оскал пустынного. Казалось еще чуть-чуть, и они снова с ярмом на шеях будут плестись по пустыням, снова их ждут побои и унижения, в ожидании стояния на торге рабов товаром, как все это предопределение вмиг прервалось лишь одним одиноким звуком. Один лишь звук, смог заставить остановиться целую саранчовую напасть, и погоня резко осадив скакунов, приостановила свой бег.

5. Сила Лагаша.

Одинокий звук рога, становился все ближе, вместе с ним становились слышны и другие звуки, мерным стуком раздаваясь по полю, и страх от этих звуков был для преследователей сильнее желания наказать беглецов, ибо вместе с ними, их очам предстала, надвигающаяся им навстречу живая стена, всепокрушающей, непобедимой силы. Глаза наездников, округлившись от изумления, остекленели от ужаса, и сами они напрягшись, одеревенели, выпрямившись на своих колесницах.

– Лагашцы! – С облегчением выдохнул Пузур, озаряясь нежданному спасению радостной улыбкой.

Это действительно были ряды дозорной дружины лагаш-

цев, охранявшей рубежи своего государства, и загородившей собой беглецов от преследователей на дороге в песках. Кто не слышал, про непробивную стену из щитов и ошестинившихся копий лагашцев, черепаху сметающую все на своем пути. Теперь скоморохи сами воочию убедились в этом, и не просто видели какие они – эти стены, но и удостоверились в правдивости рассказов о ее всесокрушающей силе. Недаром когда-то давно, лагашцы владели всем Каламом, объединив разрозненные города черноголовых, под пятой своего праведного бога, не терпящего несправедливости. Убедились в этом и пустынные, когда не сумев уклониться от боя, попытались с наскока разбить, проносящимися кругами своих колесниц, небольшой отряд копейщиков и щитоносцев, сплотившегося в сжатый кулак; и тут же разбились об него сами, разлетаясь черепками битых горшков. Пешцев немного, но их твердь выдюжит и больше, чем десяток колесниц пустытника. Но и опытные воины пустынь не так просты, развернув остатки своих повозок, Аш-Шу приказал возничим прокатываться на расстоянии вдоль строя лагашцев, чтоб осыпать их стрелами. И здесь ему пришлось понять, отчего все так боятся полков Лагаша, что даже такой коварный и сильный сосед как Ним, не решается на открытую борьбу с ним. Их стрелы отлетали от щитов противника как высохшие бобы, или оставались в тверди не находя себе бреши. Поняв, что их жала бессильны перед защитой стены, зато летящие дробинки и камни, выскакивающих откуда-то из ее нутра метате-

лей и пращников их метнувших, и успевавших тут же снова схорониться за броню своей черепахи, как будто дразня – удачно долетают в их сторону; вождь раздосадовано орал на своих подчиненных, а те лишь покорно это сносили.

– Что сжались, сучьи выродки?!?! Отгоните колесницы и спешивайтесь!! Никто не заставит, детей Аш-Шу отступить!! Посмотрим, так ли крепок этот лагашский орех, как о том талдычат, и вправду ли его никому не в силах расколоть! – Говорил он, направившись в сторону лагашской черепахи, вооруженный луком и двумя короткими мечами за поясом.

Воодушевленные своим богом, пустынные двинулись вслед за ним, кто с копьём, а кто с булавой в руках, надеясь с их помощью расколоть крепкий орешек. Распевая свой клич, они шли уверенные, что смогут разбить его. Теперь спешившись, они видели, что их больше, чем бросивших им вызов, стоит только им сойтись лицом к лицу, как опыт возьмет верх над молодостью – узреваемой ярким румянцем в зазорах между шлемами и щитами самоуверенных щенков, – и взрослые покажут молокососам, что такое настоящий бой. И действительно, поначалу казалось, что проскользнувший меж копий как червь, предводитель, отстреливая поперх щитов последние стрелы, вызвал замешательство внутри этой черепахи, что дало его людям, следовавшим его примеру, возможность подступить ближе в попытках пробить стену из щитов. Разбойники усердно долбили в стену слов-

но в ворота крепости, а самый сильный пустынный сумел ухватиться крюком за верхний край и, потянув свой багор из всех сил, попытался вырвать защиту у стоящего перед ним щитоносца, однако не смог к своему стыду даже шелохнуть, будто вросший в землю щит медного кроя. А отпрянувшая от первого натиска стена, вновь выправила свои ряды, и копейщики стоящие за спинами держателей щитов, заработали своими длинными жалами так, что в тот же миг несколько воинов пустынь попадали сраженные смертоносными уколами. Бессильно размахивавший и бившийся об стену своими жалкими секачами, Аш-Шу сам едва не погиб, пав под ноги лагашских дружинников. Чудом не раздавленный их тяжелой поступью, окровавленный, он вовремя был вытащен своими помощниками, как стена тут же двинулась и растоптала несколько неосмотрительных вояк. А длинные копья противника, продолжали жалить и убивать, и пустынные ощущая больше беспрекословного страха перед поверженным богом, бежали сломя голову, запрыгивая на свои колесницы и унося ноги, а с ними и скрежещущего зубами предводителя, который ругался осевшим криком, чуть не плача от злобы, все еще пытаясь удержать отступающих подданных.

– Стойте, шакалье племя!!! Назад!!! Вперед!!! – Орал он на них, а те лишь глядя на него с недоумением, продолжали убежать, чтобы уйти как можно дальше от проклятого Лагаша.

После того как стражи Лагаша, разметали по пустыне пустынное войско Аш-Шу, скитальцы, как только щитоносцы расцепили свои щиты, смогли рассмотреть своих спасителей. Гир знакомый с построениями каламских полков, подметил мощностъ щитоносцев и оценил хитростъ того из мудрецов Лагаша, кому первому пришла мысль скреплять между собой щиты, поручив держать их самым сильным, а тех кто послабее ставить за их спинами, чтобы под надежной защитой, они бы могли без опаски орудовать своими копьями. Именно благодаря этой их хитрости, полки Лагаша сокрушали в свое время все воинства земель благородных и господствовали над ними. Сейчас конечно, их силы не так грозны как прежде, не имея даже возможности поставить на место зарвавшегося соседа и извечного соперника – Умму, но достаточно сильны, чтобы границы их земель оставались безопасными от вторжений. Другие города строя свои полки в подобные стены, не связывали их воедино и их щитоносцы сами действовали копьями, потому щиты их были не столь мощны и крепки. Но хоть многим и казалось, что они разгадали эту загадку непобедимости лагашского воинства, но чего-то главного чтоб одолеть их, так никто из соседей разгадать и не смог.

– Кто вы, и что делаете здесь, – Услышали бродяги, изпод надвинутого по самые глаза тяжелого шлема, суровый но молодой голос кингалья лагашцев, – здесь в эркаловом обиталище зноя и жара, где шныряют одни шакалы и гиены?

Видя подозрительность спасителей и нарочитую суровость молодого предводителя еще более юных подчиненных, Пузур поторопился все объяснить:

– Да пребудет мир в вашем доме. И да будут счастливы ваши зимы, что не оставили в беде простых скитальцев; да будут долгими дни стариков ваших, если они живы; и да пребывают в сытости души ваших предков. Мы мирные скомоорохи-игрецы, ходим по миру с разными шутками и потешками: добрыми песнями согревая угасшие души, радуем дивным, сказаниями древних поминаем о прошлом.

– Что могло, привести иноземцев из далекого севера в эту бесконечную глушь? Ужели вам мало своих пустынь? – Подобрев вопрошал кингаль, узнав кто они – уловив северный говор в речах скитальца.

– Мы прослышали о том, что где-то явился человек, который ниспроверг гнет произвола сильных и избавил людей от бесправия нищеты. И мы решили сами узреть край, где правит божественная справедливость, чтобы отдать дань уважения устремлениям вашего лугаля, направляемых божественной волей справедливейшего из богов Нингирсу, пекущегося о возвращении людей в лоно Великой матери Нингурсаг: Когда все были равны и свободны, и сильный не обижал слабого. – Без запинки выпалил Пузур, заученное к возможной встрече с важными лицами Лагаша.

– Что ж, мы всегда рады гостям, прибывающим к нам с доброй волей и без злого умысла, а Уруинимгина радушно

примет вас. – Став приветнее, молодой предводитель остался таким же суровым. – Мы проводим вас до поселения. Близь рубежей еще много бродит лихого люда, вредя одиноким странникам. Там уже наша земля, и в ней правят законы Нгирсу. Оттуда вы уже сами сможете добраться куда хотите.

– Мы все очень благодарны молодому старшине, за его желание оградить нас от неприятностей, но думаю, нас никто больше не потревожит. – Остерегаясь грозных попутчиков, попытался было отказаться от сопровождения Пузур.

– Я не просто так предлагаю вам нашу защиту. – Сказал предводитель, и дал знак своим людям.

Стена расступилась, и глазам скитальцев открылось лежащее на расстеленных плащах, бессознательное тело молодца истекающего кровью.

– Если мы не доставим его вовремя, он может умереть, а мы – увы, не можем нести его на себе, не повредив ему. Да и ноги моих людей хоть и быстры, все ж не умеют нести столь же скоро, как может вести колесница. У вас же есть повозка и ослы. Спасите того, кто не жалея своей жизни, спасал ваши, не будьте неблагодарны.

– Что ж вы не сказали сразу, мы и сами были бы рады предложить помощь нашим спасителям. Возок все равно разграблен, так, что места в нем теперь много. – Устыдившись, оправдываясь, упрекнул кингалья Пузур.

«Да-да, «мы рады помочь». – Единодушно поддакнули своему вожаку скоморохи, засуетившись, чтоб расстелить

место для раненого, с жалостью глядя на детское лицо, искривленное в страдальческом терпении.

– Может у вас есть еще раненые? Пусть и они воспользуются нашей повозкой.

– Раненые есть, но их раны не опасны. Они дойдут сами. – Кингаль не дрогнул жалостливостью, не выказывая чрезмерной заботы.

С осторожностью погрузив товарища, его друзья не отходили далеко, быстрым шагом сопровождая повозку. Когда гальнар тронул поводья, благодаря богов, что ослы вынесли этот забег и пока лагашцы побивали пустынников – успели набраться сил, понукал едва выживших в безумной скачке ослов. Женщины оставались внутри, взяв на себя заботу о раненом.

Шли молча. Лишь вначале Гир, желая показать свои воинские знания, заводил было разговор с дружинниками, но те хоть и вежливо, отвечали ему с неохотой, то ли из-за обеспокоенности за друга, то ли боясь явить свою неопытность. Не сумев блеснуть своей осведомленностью, он вскоре отстал от чересчур застенчивых собеседников. Только Пузур с их предводителем, о чем-то немного переговорились.

– Далеко ли до Лагаша? – Спросил Пузур.

– Не так, чтобы очень. – Отвечал предводитель.

– Насколько? – Снова напирал гальнар скитальцев.

– На столько, насколько нужно. – Немногословил предво-

дитель.

– А разве мы не в Лагаш? – Забеспокоился скоморох.

– Нет.

– А куда мы едем сейчас?

– Мы идем.

– Куда мы идем?

– Вы едете.

– Куда идете вы?

– Туда, куда вы едете.

– Тьфу, ты! Куда вы нас ведете?! – Начал терять терпение

Пузур.

– На нашу заставу.

– Понятно. – Только и смог выдохнуть скоморох, удовлетворенный хотя бы таким ответом.

Вскоре показались, зубцы небольших стен и редкие дома поселения. Потому, это не привлекло внимание скитальцев, все их взгляды, были устремлены за него. Сочная зелень долины, покоряла прохладой своей свежести, давая отдохнуть глазу, уставшему от долгого созерцания желтизны пустынь. Вот она – долина Гуэден, плодородная земля, на которую положил глаз соседний Умма, не раз пытавшийся завладеть им силой, и из-за которого два эти города грызлись до сих пор. Дружинники взяв под уздцы ослов и направив в сторону крепости, повели повозку.

Оказавшись в крепости, скитальцы увидели, что молодой предводитель, вовсе не самый главный в ней, но находится

под началом более зрелого, даже пожилого кингаля, который встречал их у ворот.

– Что случилось? – С беспокойством спросил он у молодого предводителя.

– Стычка с пустынниками. – Коротко, но достаточно понятно ответил предводитель.

– Они или вы?

– Мы их, но у нас раненые.

– Много?

– Немного, но один может умереть.

– Тяжело будет сообщить родным, но не у всех они есть. Наш лекарь далеко в отъезде, мы не сможем ничем ему помочь. Что ж, знать на то воля богов. – Подытожил смотритель крепости.

– Это Энгильса.

– Как?! – Ошарашено-беспомощно вскрикнул бывалый вояка.

– Стрела вонзилась ему в самую сердцевину. Мы ее не решились вытащить.

– Как вы могли допустить такое?!

– Пустынник достал его сверху, когда подступился. Тут уж, никакой доспех бы не спас.

– Я же просил оберегать его!

– Мы итак старались беречь его, поставив внутрь, а при обстреле, прикрывали еще и сверху. Но его трудно удержать, он то и дело выбивался из строя, норовя показать свою доб-

лесть. Показал.

– Да, нравом он весь в отца.

Заметавшись от отчаяния, смотритель, заглядывая в возок, то и дело хватался левой рукой за голову.

– Что же теперь будет? Что же теперь будет? – Бормотал он беспомощно.

Немного успокоившись, он, взяв себя в руки, распорядился внести раненого,

Затем, осененный какой-то догадкой, сказал с недоверием, будто уличив кингалья в неискренности:

– Но ты сказал, вы все время его прикрывали при обстреле.

– Никто не ожидал, что этот пустынный лис, подступится так близко со своим луком. – Все так же невозмутимо, отвечал молодой предводитель.

– Я послал за лекарем, но он все равно не успеет. Как теперь, донести эту весть до его отца? Это надломит его и подорвет ему здоровье.

– На все воля Нингирсу. Он знал, на что шел, когда позволил сыну сменить трость писаря на копье воина.

– Ты не понимаешь. – С горечью, смешанной с обидой за непонимание, выговаривал старик. – Без него все пойдет прахом. Этого-то и ждут наши враги. Не будет его, не будет всего того, что он принес нам, о чем мы так мечтали. Того, чего так долго добивались, жаждая возвращения в лоно матери. Что теперь делать? Без помощи лекаря, он и суток не

проживет.

Совершенно позабытые хозяевами, гости молчаливо стоявшие рядом, с терпением ожидали, когда встречающие коснуться и их участи. При последних словах зрителя, Аш встрепенулся и осмелился вмешаться в разговор.

– Я бы мог попробовать. – Робко предложил он, не уверенный в удачном исходе. – Если у меня будет все, что нужно.

Зритель поглядел на него, как на невежу, встречающего в чужой разговор, будто только заметив. Пренебрежением выказывая свое недоверие, словам какого-то молодого шута.

– Правда-правда, он может! Он может! – Вступился за Аша Пузур, заверещав от радости, что может пригодиться их помощь. – Он не скоморох, а просто едет с нами. Он лекарь. Его учитель азу абгала из самого Шуруппака, но он ваш земляк! Вы наверно о нем слышали, он из ваших мест, но много лет назад...!

– Ладно. – То ли вспомнив абгала, то ли чтобы успокоить слишком ретивого скомороха, старый воитель знаком остановил шумного гостя.

И врезаясь в юношу взглядом, спросил:

– Это правда, что он про тебя сказал?

– Только то, что я ученик абгала. – Качая головой, и подтвердил и опроверг Аш.

– Неважно кто ты, важно, что ты можешь. – Глаза лагашца, оживились надеждой.

И он тут же велел своим людям, проводить эштарота к раненому, предоставив ему все необходимое.

– Если вылечишь, благодарность наша будет безмерной, если нет, что ж, знать тому и быть. Но гляди, я буду внимательно следить за тобой, и я пойму, если ты нарочно задумаешь сделать ему худое. – Напутствовал он юношу и поковылял вслед за ним.

Тут только беглецы заметили, что смотритель изувечен хромотой и усох рукой.

К счастью для раненого и для Аша, рана оказалась не столь опасной для жизни, как того боялись лагашцы. Оглядев рану, Аш оценил ее тяжесть:

– Хвала богам. Благодаря срочности его друзей и заботам сиделок, кровь не попала внутрь и не хлынула наружу.

Хотя наконечник стрелы довольно глубоко засел, Аш, чтобы избежать внезапного кровотечения, не позволил молодому предводителю уже обломившему черенок, вырвать острие, но вынул стрелу, осторожно подрезав вокруг. Прочистив и промыв рану, и убедившись, что нет внутренних повреждений, он наложил повязку с целебной мазью и выдохнул с облегчением.

– Что?! Все?! – Недоверчиво покосился смотритель.

– Меняйте перевязку и обмазывайте рану, она затянется, но он потерял много сил, ему нужно время для восстановления.

– Время?! Ты предлагаешь, отдаться нам божьей воле? Это мы и без тебя бы делали. – Недовольно буркнул старый вояка.

– Как он проснется, дайте ему это снадобье и поите время от времени, оно поможет ему быстрее восстановить силы и усыпит боль.

Лишь выйдя из душного помещения, молодой эштарот смог отдышаться по-настоящему. Обступив Аша, его спутники и дружинники, обеспокоенные судьбой юного дружинника, пристали к нему с расспросами о его состоянии. Покраснев от пристального внимания, он поразился тому, что даже его друзья, с которыми он хоть и не за очень долгий срок, столько прошел, столько пережил, смотрели на него как на волшебника. Их конечно же, смутило его внезапное возвращение из мертвых, но ему казалось, что его объяснения хватило, чтобы им все понять.

– Это простое травничество. Разве наша досточтимая Ама, ведьма или жрица? – Смущенно спустил он для них, себя на землю.

Это возымело действие. И скоморохи, сами только оправившиеся от пережитой погони, перестали смотреть на него с благоговением, с тревогой подумав о печальной судьбе своей мамушки.

Смотритель не хотел отпускать скоморошьего знахаря, не удостоверившись в действии его лечения, пообещав однако,

если все будет хорошо, дать провожатых до самого Лагаша, с поручительством перед высоким советом лугалья. Ведь прибывший по вызову лекарь, осмотрев рану и подивившись, как хорошо и своевременно была оказана помощь, удалился верный долгу перед священными клятвами. Вынужденные подчиниться силе и обнадеженные обещанием лагашцев, помочь в высвобождении их старшей, скоморохи коротали время в развлечении ретивых сердец, суровых, но еще совсем юных, которые с восторгом и восхищением воспринимали удивительные ловкости бродячих шутов.

Так как скарб скоморохов был разворошен разбойниками, обходились без шутовских нарядов, лишь песни Эги и Нин, и пояснения Пузура заставляли забыть об их отсутствии. Вскоре юнцы, включившиеся в таинство скоморохов, чтобы любоваться на зрелища с подвигами богов и древних урсов, и смеяться над похождениями Пустобрюха Нинурту, помогали чинить поврежденное и изготавливать утраченное, находя для этого все необходимое. С особым восторгом они встречали выступления юной бродяжки, вызывая едва скрываемую зависть у Эги. Нин же порхала среди них как легкрылая бабочка, исполняя старые бродячие песни и специально придуманные для нее Ашем: задорные плясовые и тягучие грустные. Самые смелые парни подступали к ней, чтоб признаться в чувствах, однако девушка весело упархивала от разговора, чтоб никого не обнадеживать и не обидеть.

В один из дней, случилось страшное. Как-то в один из ве-

черов, суровый кингаль вернулся суровее обычного. На вопрос своего наставника, о причинах столь его хмурого настроения, он в какой-то бессильной злобе отвечал, что никогда не сможет простить тех, кто пытается оправдывать измывательства над беззащитными. И рассказал о неожиданной встрече, произошедшей во время обхода. Эта встреча произошла у одного отшельника, который спрятался от мира вдали от людских глаз и жил как зверь, питаясь лишь тем, чем с ним делилась пустыня. Однако не лишенный человечности, он помогал всем, кто не был с ней в столь же добрых отношениях и ненароком попадал в беду. На этот раз, спасенным оказался один из тех, кого они несколько дней назад разметали по пустыне. Несчастный, брошенный своими соратниками, не желавшими возиться с обузой, несмотря на старания отшельника, умирал. Отшельник, обрадованный нежданному приходу людей, отвел их прямо к нему, думая, что уж они-то, смогут ему помочь. Но увы, даже если бы среди воинов тогда оказался такой целитель, то и он бы уже ничем не смог помочь умирающему. Понимая свое безнадёжное положение, полный ужаса перед смертью, он все твердил, что вот его настигло проклятие старухи, над которой они надругались, и теперь его ждут вечные муки ее мести. И то ли, желая очистить совесть перед смертью, то ли, таким образом, хоть немного оправдаться перед покойной ведьмой, он поведал о ней – замученной ими, в отместку за отравленную уху.

– Ама! – Послышался тихий всхлип страшной догадки. И закрывая лицо, Нин убежала, чтобы никто не видел ее слез.

Ее друзья, тоже все поняв, скорбно опустили головы: Эги разрыдалась причитаниями; мужчины же, ошеломленные, молча шевелили желваками. Немного придя в себя, Аш и Гир хотели было броситься вдогонку за бродяшкой, но видя, что их новая знакомая сделала это первой, не стали ей мешать успокаивать бедняжку. А глупый Хувава, поначалу как обычно, на разговоры непонимающе улыбался, но по скорбным и заплаканным лицам, поняв, что старой мамушки и вправду больше нет, разревелся как ребенок, повторяя сквозь сопли, имя несчастной старухи. И Эги, сама вся распухшая от слез, бросилась утешать своего любимчика.

– Скажи, что случилось с этим человеком? – Только и смог спросить Пузур, пересиливая горе.

– Да простят меня боги, я своими руками удушил немощного в постели. – Ответил кингаль и мрачный ушел к себе.

Смотритель, извинившись за своего подопечного, объяснил его поведение, печальной судьбой его родителей, замученных уммийцами и сожженных вместе с домом.

– Тут ведь, только у Энгильсы есть отец и мать, остальные – всё сироты, возвращенные назло врагам. Ты думаешь, какой бы еще родитель смог отпустить свое дитя, охранять далекие рубежи родины в столь юном возрасте? – Заключил старик свое пояснение. – Взгляни на них: эти юноши никогда не поднимут руку на слабого, ибо познали в своей недолгой

жизни боль потери; они знают цену каждому часу с близкими, и потому не посмеют отнять его у другого. У них разные судьбы, все они осиротели по-разному: чьи-то родители погибли в пожарищах войн, у кого-то родных и близких унесли голод и болезни, а кто-то их и вовсе не знал. Но их объединяет одно – стремление сделать этот мир, полный несовершенства и боли, лучше. Им чужды алчность и чванливость, но у них, как ни у кого, развито чувство справедливости и бескорыстного служения людям. И с кем как не с ними, мужать сыну радетеля справедливости?

Как только Энгильсу стало легче, хромой смотритель разрешил им покинуть крепость, но взвалил на них еще и самого поправляющегося, придав в сопровождение двух воинов под предводительством сурового кингалья.

– Стой! – Перегородила ему путь Йар-Мул. – А кто заплатит лекарю за лечение?

– Мы простые воины, и у нас не водится золото, серебро. Но мы очень благодарны юному лекарю и готовы оплатить лечение своим довольствием. – Начал было старик, но Мул не отступала.

– Как неудача – смерть, а удача – крохи со стола? Равноценно же вы, оцениваете последствия лечения.

– Не надо, я же не за плату. – Смутился Аш.

– Вот видишь, и лекарь понимает. – Обрадовано зацепился за слова эштарота хромец, и заспешил удалиться.

Но тут, до сих пор молчавшая Эги, взорвалась бранью:

– Да что он понимает?!?! Мы чуть жизни не лишились!!

Мы столько натерпелись, ожидая излечения лугальского отпрыска, а он тут расщедрился! Иишь!! Еще он вздумал откапываться, когда из-за него нас всех чуть не убили! – Смотритель недоуменно выпучил глаза, никто убивать скоморохов вместе с лекарем и не грозился. – А ты петух хромой, и рад, что мальчик ничего в своей жизни не видел и не понимает!!

– Не надо, не надо. – Неуверенно попытался остановить жену Пузур.

Но она, будто не слыша, продолжала наступать на хромца, приперев его своей бранью к стенке. А Пузур, стыдясь поведением жены, все продолжал ее увещевать.

– Не останавливай меня! – Серdito отстранила плечо от его руки гашан, однако дала себя увести.

Когда она ушла, Мул, ожидающим взглядом вперилась в ошеломленного зрителя, не привыкшего к женской ругани, который со смиренной обреченностью, выложил из мощны серебряные ги.

Пользуясь подвернувшимся случаем, Мул не упустила возможности щелкнуть по носу и угрюмого предводителя дружины, когда он подошел, чтобы сопровождать их до Лагаша. За все время их пребывания на заставе, возвращаясь из своих дозоров, он как будто всячески избегал с ней встречи, а когда невольно сталкивался нос к носу, тут же отводил глаза. Решив, что это оттого, что он выказывал к ней презре-

ние, она затаила на него обиду, хотя обычно смеялась над подобными поборниками нравов. И вот когда узнала, что он едет с ними, непокладистую дочь Шамхат охватила необузданно-счастливая радость от того, что сумеет поквитаться с этим самодовольным пнем.

– Доблестный кингаль, не думал наверно, что придется до столицы, не с дружиной в блеске славы явиться, а тащиться с оборванцами за кособоким возком? – Начала она поддразнивать неразговорчивого военачальника, стараясь уловить в его лице досаду. Но он, все с той же невозмутимой холодностью, отвечал, что будет рад сопровождать их.

– Рад? И меня тоже? – Не веря в искренность его слов, насмешливо переспросила она.

– И тебя, достойная женщина, тоже.

– Достойная??? Ты назвал меня достойной??? Ха-ха. Отчего, вдруг такая честь? Аааа, ты наверно заимел на меня виды в предстоящем пути? Ну, так, чего же ждать? Начнем прямо сейчас.

– О чем ты?

– Что ты так покраснел? С женщиной никогда не был? Ха-ха-ха. Ничего, мы это с тобой быстро исправим.

Выставив вперед ногу и насмехаясь соблазнительной улыбкой над оторопевшим дружинником, она перейдя в оболщающее наступление, приподняла край подола и, открывая притягательность наготы женской ляжки, начала поглаживать ее рукой. Торжествующе уловив вожаденность во

взгляде кингаль, который он тут же со стыдливостью отвел, она приговаривала:

– Это – любят настоящие мужчины. Что же ты отводишь глаза? Ха-ха-ха. Или ты настолько презираешь нас – дочерей Шамхат, что не хочешь даже пачкать о нас свои светлые очи? – Зло заключила Мул, резко переменившись в лице.

– Не знаю, что сподвигло тебя встать на столь тяжкий путь, но видя твое чистое сердце, уверен, что, то была великая нужда. Все люди одинаковы и только чистое сердце раскрывает величие человека, выделяя его среди людей, кем бы он ни был. – Все тем же спокойствием, с тихим трепетом ответил кингаль, сглотнув волнение. Сказал и отошел, готовый сопровождать возок, оставив в растерянности несмущаемую блудницу.

В дальнейшем, за время пути. С каждым разом по мере узнавания, Мул проникалась к нему все большим уважением, смотря на него уже совсем другими глазами. Он не казался ей уже, самовлюбленным дурнем, но его молчаливая суровость, виделась теперь ей ответственностью обремененного властью человека, взявшего на себя обязательство заботиться о других. «Если таков молодой кингаль, то каков должен быть их лугаль?» – Мысленно спрашивала она себя, с волнительным страхом, ожидая встретить хоть и справедливого, но грозного и угрюмого повелителя Лагаша.

6. Лагаш.

– Гирсу! – Показал вперед, один из сопровождавших их

лагашских воинов.

Вдали пестрым светом блеснули вершины дома земли и неба, и при приближении, скитальцам все больше открывалось великолепие столицы Эанатума – великого объединителя и лугаля всех земель Калама. Как водится, город начался незаметно, с попадающихся строений хижин его окрестностей. Проезжая передние пределы города, гости удивлялись чистоте улиц и опрятности его жителей.

– Да благословят ваш город боги! – Только и смог произнести Пузур, действительно не заметив в нем ни одного страждущего.

– Наши мудрые алга, заботятся о том, чтобы никто в Лагаше не чувствовал себя обделенным и его жители каждый день могли насыщать свой желудок, а лекари блюли здоровье. – Похвалился молодой предводитель.

– А как же богатые? Не против?

– Согласно законам Ме, богатый должен делиться со страждущим. Что наши лучшие люди, с радостью и делают.

Везя в своем возке царевича, они беспрепятственно въехали в город, тут же получив охрану для сопровождения к лугалю. На подножке дворца их подждал обеспокоенный жрец, наделенный особенным даром врачевания, уже прослышавший об их прибытии в город. Распорядившись внести раненого сына лугаля в покои, несмотря на его сопротивление, он тут же, лично осмотрел рану, и только после этого смог спокойно вздохнуть.

– Слава богам, заражения не случилось. – С облегчением, огласил он свое заключение присутствующим. – А то я слышал, подлые дети пустынь, для надежности смазывают свои смертоносные стрелы трупным ядом. И то, что накопчик был, вынут вовремя, не дало меди разлиться внутри, что спасло мальчику жизнь. Кто его врачевал, Кикуд?

– Этот юноша, завернутый в одежды пустытника.

– Твой смех здесь неуместен! – Возмутился лекарь. – Привел с собой какого-то варвара из пустыни, и устраивает шутки!

– Он не варвар, он едет вместе со скоморохами. – Оправдываясь, попытался все объяснить молодой предводитель. На что лекарь рассердился пуще прежнего:

– Так ты еще нарочно вырядил, этого варварского шута, чтоб посмеяться надо мной??!!

– Как можно посметь? Я не шучу, он и вправду вылечил Энгильсу. И он не варвар, а ученик лекаря.

– Будто я не разгляжу в этом бледном юноше, северного варвара. – Остыл, наконец, старый лекарь, лишь слегка проворчав.

– Что ты тут разбушевался? – Из створов показался коренастый стан, среднего ростом, но крепко сбитого человека, в котором чувствовалась сила тела и духа.

Гости сразу догадались, что это и есть тот самый Уруинимгина, про которого так много говорят в народе, кто с ненавистью, а кто с восхищением. Нин, увидев вместо пре-

красного великана, какого-то каменотеса, немного разочаровалась. Вслед ему, вышли женщины и тут же бросились обнимать и целовать Энгильсу, который отстранялся от их чрезмерных ласк, стыдясь причитаний вокруг него.

Смутившись, лекарь начал оправдываться:

– Да вот, Кикуд пытается меня уверить, что этот иноземный мальчишка, ученик лекаря. Где это видано, чтобы варваров обучали в храмах Энки, или в домах писцов?

– Может он не иноземец. – Попытался отстоять свое Кикуд.

– Да как же не иноземец?! В нем нет даже тени благородной смуглости черноголовых.

– Ну-ну, разве не все люди равны? Что плохого, в том, что чужеземец постигает мудрость наших знаний во благо? – Примиряюще сказал Уруинимгина. – Наш старый друг из Нибиру, кажется, сообщал мне о нем. Он присылал мне и просил приютить его ученика, и я кажется, узнаю его в этом юноше.

– Это так. – Позволил себе вмешаться Пузур, услышавший разговор. – Вот послание от абгала, с его оттиском. – Достал он из-за пояса глиняный шарик.

– Да, это его знак. – Согласился лугаль, всмотревшись в печать. – И с теплотой обратился к эштароту. – Значит, тебя мы должны благодарить за нашего сына?

И тут же, женщины с благодарностью кинулись обнимать теперь его, оставив, замученного любовью царевича, в покое.

– Наш старый друг, как будто предугадал несчастье, что подстергало Энгильсу, отправив тебя к нам именно сейчас. Видно самим богам было угодно, встретиться вам в пустыне.

– Благородный Уруинимгина должен знать, что прежде это сам Энгильса и доблестные воины Лагаша спасли нас от рабства и мучительной смерти. – Аш не хотел принимать незаслуженных похвал.

– Значит это обоюдно. Нам не дано познать божьи замыслы, но они порой подталкивают нас к их свершению.

Лугаль любезно пригласил бродяг во дворец, чтобы соблюсти все законы гостеприимства к дорогим гостям.

Уже в приемах, Уруинимгина отдал должное Ашу за его благодеяние, хоть и совершенное в благодарность за собственное спасение.

– Мой друг абгал сообщает, что его приемный сын А-Аш-ме-ди, служитель самой госпожи небес, обрученный быть ее земным супругом.

– Да, я эштарот. – Скривившись, нехотя ответил Аш.

– Это так тяготит тебя, я вижу. Не думаю, что молодому эш... Как ты сказал?

– Эштарот. Так нас называют киурийцы, а теперь стали называть и кишцы.

– Да-да, Эштар это имя Инанны у пастушьих народов. А ее прислужники не подвергшиеся оскоплению, стало быть – эштароты. Хм, надо запомнить, будет полезно знать. – Наморщил лоб лугаль, и продолжил будто не прерывался. –

Не думаю, что молодому эштароту следует тяготиться своей участью. Служение самой госпоже, великая честь и отрада долженствующая помогать в пути во всех начинаниях. Не каждому дано обратить на себя сияющий взор небеснойладычицы, и иметь столь милостивое к себе благоволение. Мне покровительствует суккаль сиятельнейшей Инанны Ниншубур, и я считаю то за великую честь и благо для себя. Что же, за благословение должен получить, обративший взор самой госпожи.

Аш ничего не ответил на восторженные слова Уруинимгины, лишь дав понять, что услышал совет царя.

– Пусть вас не удивляет пища, вкушаемая в моем доме. – Сказал хозяин застолья, надламывая хлеб, когда слуги подали гостям ужин.

А удивляться было чему, так как лугаль столь обширного царства, делил с ними свой ужин, который был скуден и груб, как ужин простого шуб-лугаль. Но при этом, им как дорогим гостям, вдобавок были преподнесены лучшие лакомства и снедь.

– Мы в нашем крае, стараемся, чтоб каждый мог наполнить свой желудок сытным ужином, и чтобы блюда на столах в их домах никогда не опустевали. Мы не можем позволить себе жировать и роскошествовать, когда есть хотя бы один обездоленный, и потому мы ограничиваем себя и к тому же призываем наших богачей. Но пока не получается. – Засме-

ялся урунимгина.

Пузур пораженный как и его спутники, скромностью лугаля, не смог сдержать своего восхищения величием воли и духа, выстоявших перед великими соблазнами, которая дает власть. Польщенный Урунимгина, склонив голову в благодарность за высокую оценку его трудов, ответил, что и он и жрецы, и все его сподвижники, стараются во всем следовать высшей справедливости.

– Наши недруги говорят, что мы служим промозглой мгле, задумавшей свергнуть мир в бесконечный мрак, что нами движут лишь жестокость и злоба. Но ведь это не так. – С нескрываемой обидой говорил он, удрученный ложью, разносимой по свету. – Мы даже не знаем кто это. Глупцы говорят, что это одно из имен нашей первоматери. Да, мы хотим вернуть мир в лоно матери, в то время, когда все жили от трудов рук своих, когда не было голодных и сырых, когда все были вольны и каждый чувствовал божью благодать. Но при чем здесь, тьма и зло?! Разве мать, может быть жестокой к своим детям, в муках родив и выпестовав их? Для этого надо ее очень крепко обидеть и огорчить, так, что даже самая добрая из матерей, проклянет свое дите, и будет желать ему смерти. А скажите по чести, что нужно сотворить такого, чтобы родная мать, та, что родила и выпестовала, желала бы вам зла? Не ведают, что мать в муках родившая, не может желать своему дитю зла. – Улыбнулся лугаль.

Аш ковыряясь ложкой в ячменной каше, с любопытством

разглядывал стяг Нингирсу висевший напротив его глаз, удивляясь, что это просто серое полотнище с изображением плуга. Сидевший рядом с ним Гир, в силу своего прежнего занятия, тоже не оставил знамя Уруинимгина без внимания. Заметив удивленные взгляды гостей, Уруинимгина пояснил им причину такого его вида:

– Плуг, вы знаете, это знак нашего бога Нингирсу, самого познавшего тяжесть труда земного и потому призывавшего и нас относиться с уважением к людям, живущим от по-та трудов, и учившего нас жить, по справедливости. Этому стягу так много лет, что пролежав столько времени в пыли и забвении, он потерял свой первоначальный вид. Его прежний цвет выцвел, и никто уже не помнит, какой он был изначально. Оттого и такой он землистый. Вот мы и оставили его так. А я думаю – пусть, какой бы ни был начальный цвет, предав Нингирсу и его заветы много лет назад, и перестав прислушиваться к чаяниям люда, мы потеряли право знать это. Хотя я все еще надеюсь, что своими делами мы заслужим его доверие, и он явит нам знак. Пока же, мы смиренно приняли такой его стяг: это цвет простого люда, это знак уважения к ним, ведь они не могут позволить себе как мы, яркие и белые одежды.

Удостоверившись, что гости насытились, хозяин решил, что пришла пора познакомить бродячих игроков со своими. Хлопнув в ладоши, он дал знак слугам, чтобы придворные шуты и музыканты почтили скоморохов своим присут-

ствием. Тотчас заиграла музыка, и шуты закувыркались и запрыгали, а юноши и девушки с приятными голосами запели веселые песни. И гости, радуясь общему веселью и также прихлопывая переливам музыки, приходили в восторг от выступления лагашских шутейников. И только Нин, видя счастливое лицо Уринимгины, слегка всплакнула, пожалев свою старую наставницу:

– Бедная Ама, она так хотела его увидеть. И вот теперь мы здесь сидим вместе с ним, а ее больше нет, и она его так и не увидела....

– Не плачь – успокаивала ее Эги, – она видит его оттуда и радуется вместе с нами.

– Ах, если бы это было правдой. – Вздохнула девушка, прислонившись на грудь к старшей подруге, утешаясь в теплых объятиях.

Еще много, хотелось спросить скоморохам у лагашского лугалья, еще много вопросов скопилось у них в головах, но дела государственные и долг перед богами, не позволяли лугалю быть в весельи слишком долго, да и уставшие путники, были не прочь отдохнуть, что им тут же было предоставлено и их отвели в их новые покои.

Придворные лицедеи успевшие подружиться с нибирийцами, любезно согласились показать им город и торговую площадь, где в отличие от храмовой – главной площади города, толпы людей толкались каждый день, и где они, частенько

любили поплясать и попеть вместе с простыми горожанами.

Впервые за время долгого путешествия, видя счастливые лица, без тени страха и неволи, скоморохи и сами воспряли духом. И у них в стороне бывало, бедные радовались дню: но радость эта была недолгой, со знаком горечи в глазах, с заботой о том как прожить наступающий день. И у них встречались счастливые лица: но это все были лица людей самодовольных жизнью, чьи дома ломились от изобилия, а желудки были наполнены изысканными яствами, и их не волновали чужие страдания. Здесь же они прежде всего подметили, что даже у самых ничтожных, взгляды были без страха перед высшими, как это было в землях Унука и Киша. Что ни смерд, то взгляд полный достоинства, что ни раб, то вера в будущее. Наверно все оттого, что их желудки не сводило бесконечным голодом, и они были уверены, что и завтра сумеют заработать себе на жизнь, не отягощаясь непосильными поборами.

Щурясь от блеска красот, коими, за время правления Уринимгины успел обзавестись стольный город Лагаша, друзья не уставали восхищаться его великому духу, помогающему ему и его соратникам в их начинаниях. Даже их провожатые, совершенно не походили на тех придворных шутов и музыкантов, что развлекают царедворцев при других дворах; с гостями они рады были делиться своим, чтобы в свою очередь познавать от них что-то новое для себя. Удивительно, но среди этих чужих для них людей, они впервые чувствовали

себя в безопасности, не боясь быть схваченными за неосторожную речь, подвергнуться избиению за не понравившиеся взгляды, или неожиданно лишиться имущества. Наоборот, во всем этом многообразии лиц, среди совершенно разных людей, чувствовалась какая-то необъяснимая душевная теплота. Скитальцы, наслышанные об изменениях в далеком от них крае, подмечали про себя особенности мятежной земли. Тут как и всюду, не обходилось без ссор и ругани, как и везде не все люди были добры, встречались среди них и злые. Но злость их, не перерастала как у других, в ожесточенные столкновения и кровную вражду. Во всем чувствовалось общинная сплоченность, давно забытая на землях Калама, да и стражи города, не зря ели свой хлеб, блюдя порядок, чтя законы и не делая никому поблажек. Нин то и дело вертя головой, не переставала восторгаться осуществлению правителями Лагаша, чаяний своего несчастного народа, из поколений грезившего о возвращении в лоно великой матери. Как она жалела сейчас и Ама – так мечтавшую увидеть любимца Урукуга и больше всех рвавшуюся в далекий путь, и своих бедных родителей, и несчастного братика – так рано ушедшего из этого мира, и родных Аша, кто бы они ни были, и вообще всех – всех тех, кто не увидел их осуществлений.

Аш тоже был погружен в мысли, воспринимая для себя ранее не виданное явление, как не познанное открытие. «Как это просто, завладеть сердцами людей. Достаточно только дать им немного больше, чем они имели, и они пойдут за то-

бой на край света». – Подумалось ему, и тут же само продолжилось в размышлении. – «Но нельзя при этом, давать им слишком много, ограничив в тех межах, в которых они существуют, лишь изредка выпуская самых толковых из них. Ибо вседозволенность развращает и делает людей непокорными, что может привести к крушению царств». – Думал он, и тут же со стыдом отгонял мысли, понимая, что все стремления мятежных правителей Лагаша искренни в своих помыслах. Тем не менее, не переставая размышлять о хитросплетениях человеческого разума и поведения, вспоминая порядок вещей Киша и Унука. «А ведь эта хитрость, своей бесхитростностью, работает на землях со времен правления небесных стражей – доньше: обобрав и загнав несчастных в клетки, затем с негодованием возмутиться нерадивостью слуг, сделавших эти клетки слишком тесными, приказать сделать их просторнее. И вот уже вчерашние вольные общинники, обобренные и обнищавшие, потерявшие свободу и честь, скрючившись в своих «просторных» клетках, с искренним воодушевлением славят своего мучителя, считая его освободителем от оков тесных клеток злых людей, забывая о том, что еще вчера они были свободны».

Значение встречающихся слов:

абгал – мудрый человек, волшебник, маг;

амма – мать;

азу – врач;

ануннаки – второстепенные боги;

ашаг – демон вызывающий болезни;

бала – музыкальный инструмент (барабан);

бан, банда – молодой, младший, энергичный, кипучий;

гала – кантор, ритуальный певец, жрец-плакальщик; трансвестит;

галла – глава полиции, жандарм;

гальнар – голова, глава музыкантов;

гашан – дама, хозяйка, госпожа, богиня;

ги – серебро;

гидим – дух, привидение, призрак;

гулла – демон;

гуруши – "молодцы", шуб-лугаль;

дим – демон болезни;

дин, тин – жизнь, вино;

думу-сал – дочь;

за-ми – лира;

иги-ну-ду – не поднимающий глаз, зависимый земледелец;

ишшимар – финики;

Калам – земля; нация; Шумер.

Ки-ен-гир – самоназвание страны шумеров;

Ки-саи – самоназвание шумеров;

ки-сикиль – молодая женщина, девушка;

ки-шар, шар – горизонт, везде, полнота, целостность;

кур-гал – великая гора, место где небо встречается с землей;

кур-ну-ги – преисподняя;

лима, лимы, лим -тысяча;

лугаль – царь;

лушар – военный служащий, командир 3600;

Ним – страна Элам;

нубанда – высокий военный чин;

ну-гиг – храмовая проститутка;

нум-сахар-ра – насекомое, муха;

са- ар – советник;

сагду – лидер, начальник, глава;

саги – виночерпий;

суккаль – посланник, курьер, представитель; визирь, министр;

угула – младший командирский чин;

угун – дама, госпожа, хозяйка;

уду – евнух;

улла -глава полмции, жандарм;

Унук – город Урук;

ур-са – герой, воин;

уру – храбрый, сильный, мощный;

уру-бан – молодой храбрец;

уттуку – дух непогребенного;

ушум – дракон, гибридное чудовище, отшельнический, одинокий;

шубату, ураш – набедренник;

шуб-лугаль – подчиненные царю земледельцы;

шурун – навоз, помет;

эгир – принцесса;

эме-ги – шумерский язык;

энси – правитель города;

эрес – царица, богиня, госпожа;

Эрешкигаль – богиня подземного мира;

эштин – вино, виноградный сок.